ПИОНЕР 8
АВГУСТ ● 1971 г. ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
32
КРОЛЬ

Вот тебе ключ
к последнему номеру
этого лета.
Возьми его в руки,
быстро поверни,
и тогда...
Ты снова встретишь
Сашу Кубова
и узнаешь,
что за НОВЫЕ ЗЕМЛИ
посчастливилось
ему открыть.

ЧЕТВЕРТЫЙ ХАРИТОН и его верные следопыты раскроют тебе тайну: кто распахал Овсяную поляну. О том, как важно быть всегда первым, рассказывает первостроитель города Навои, Герой Советского Союза Н. Е. МАТВИЕНКО.

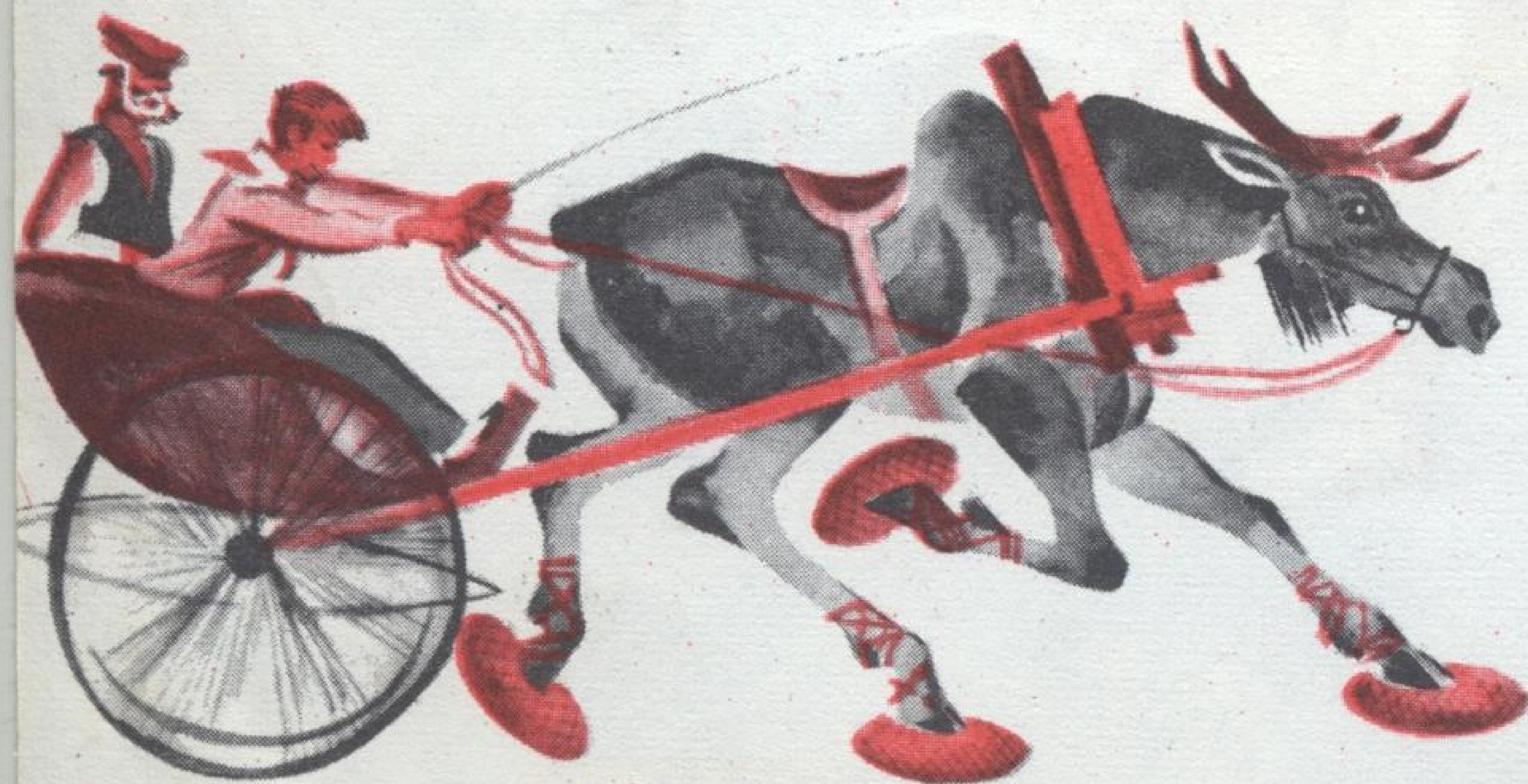
Как ты проводишь каникулы? Самое время подумать и хорошо бы другим рассказать! Сообщения о пионерском лете передает РАДИОСТАНЦИЯ «ЗДРАВСТВУЙ!».

Земля летит вокруг Солнца, а вокруг Земли вращается ее удивительная свита — искусственные спутники. Хочешь узнать, что они делают? Набери космическую скорость, выйди на орбиту или прочти рассказ кандидата технических наук К. А. Гильзина о том, как спутники показали землянам Землю, и о первой в мире советской орбитальной станции. *Каникулы — лучшее время для спектаклей театра «Фонарик».* Труппу соберешь в своем лагере или у себя во дворе, помещения летом не требуется, а пьесу под названием «ПЛОЩАДЬ КАРТОННЫХ ЧАСОВ» написал для твоего театра Леонид Яхнин. Тебе помогут СОВЕТЫ РЕЖИССЕРА Оренбургского театра кукол Романа Ренца.

Сколько воздушных змеев смастерил ты за свою жизнь? «Пионер» печатает для тебя чертеж отличного непадающего воздушного змея!

А еще на наших страницах тебе предстоит «ВСТРЕЧА С АЙВЕНГО», ждет новый «РАССКАЗ О ЛИТЕРАТУРЕ», ты побываешь в «ТАЙНОМ МАЛЕНЬКОМ ДОМЕ», на борту «КОРАБЛИКА», в «СТРАНЕ ШАХА» и послушаешь веселую болтовню «СОРОКА СОРОК». *Смотри не пропусти ничего!*

Напоминаем: 7-й номер дал тебе задание — внимательно смотреть направо, налево, вверх и под ноги в поисках никем до тебя не открытых ОТКРЫТИЙ. Ключик ждет твоих сообщений.

Н. Е. МАТВИЕНКО,
первостроитель города Навои, Герой Советского Союза.

Я живу в Навои. Жаль, что вы не слышите, с какой гордостью я произношу это. Может быть, вы поймете, в чем дело, если возьмете в руки атлас. Только не ищите Навои, этот город в центре Кызылкумов, на старых картах — его там нет.

Приехал я в эти места пятнадцать лет назад. Перед отъездом мне сказали:

— Николай Ефимович, есть важное партийное задание. В пустыне будет строиться город и химкомбинат. Поедешь?

Ждала меня тут палатка. Ишаки рядом паслись. Поодиночке далеко уходить не рекомендовалось: змеи, скорпионы, всякое может случиться... «Плотность населения — один кишлак на пустыню», — писал про эти края кто-то из путешественников.

Кишлак, возле которого предстояло развернуть стройку, назывался Кермине. И сейчас еще сохранились в нем остатки толстых глинобитных

В пустыне, среди раскаленных песков, вырос этот зеленый, с бассейнами и фонтанами, красивый юный город.

КОММУНИСТ — ПИОНЕРУ

ТРЕБУЮТСЯ ПЕРВОСТРОИТЕЛИ

стен с башнями и бойницами. Здесь, по этим пескам, когда-то проходили фаланги Александра Македонского и монгольские орды Чингисхана. Мчались конные лавины Тимура, и скакали всадники, извещая о приближении эмира бухарского...

Пустыня. Древняя, знойная, иссушающая до черноты...

•

Меня выбрали парторгом объединенного строительства. Это очень трудная должность. Инженер-механик отвечает за технику. Прораб — за организацию работы. Экономист — за составление плана. На плечах парторга все: техника, организация работ, люди. Главное — люди.

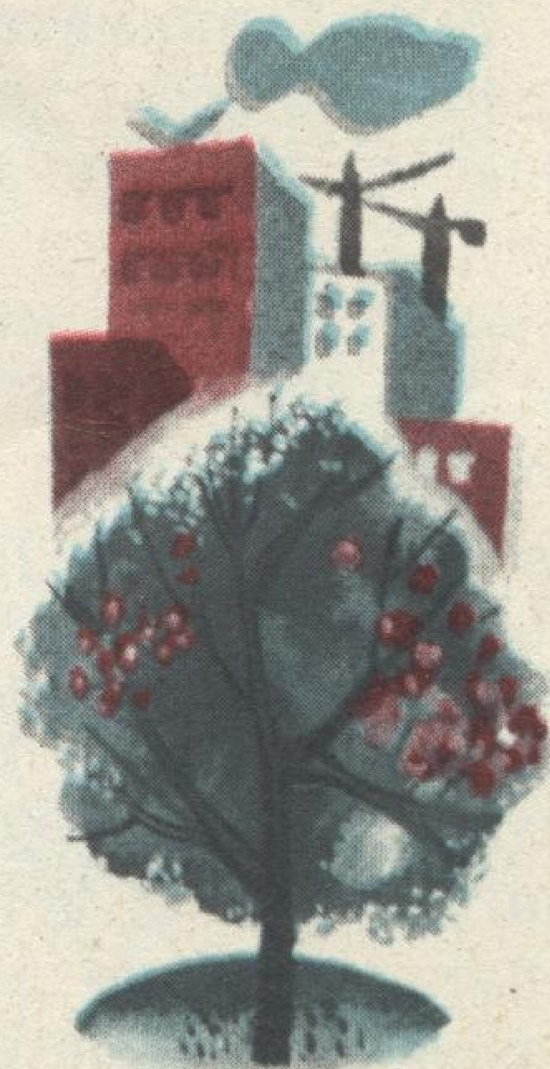
Нужны были люди, которые умели бы преодолеть минутное желание сесть в поезд и укатить в удобные для жизни города. Нужны были люди смелые. Помню, строилась ГРЭС. Надо было взорвать под дамбу многометровую толщу каменистого грунта.

Рано утром на плотину прибыл грузовик Тахира Мамадиярова. На кабине красный флажок с надписью: «Опасно». Бригада буровзрывных работ молча разгружала запломбированные ящики. Это была взрывчатка.

Ночью лучи прожекторов залили светом котлован. Ребята осторожно закладывали в скважины взрывчатку. Готово. Минута, вторая... Взрыв!

Ничего подобного в пустыне еще не происходило. Наверно, от одного грохота вся орда Чингисхана разбежалась бы врассыпную. А сделали это парни с обожженными солнцем лицами, которые после трудной операции, утирая со лба пот, сказали: «Нормально тряхнуло...»

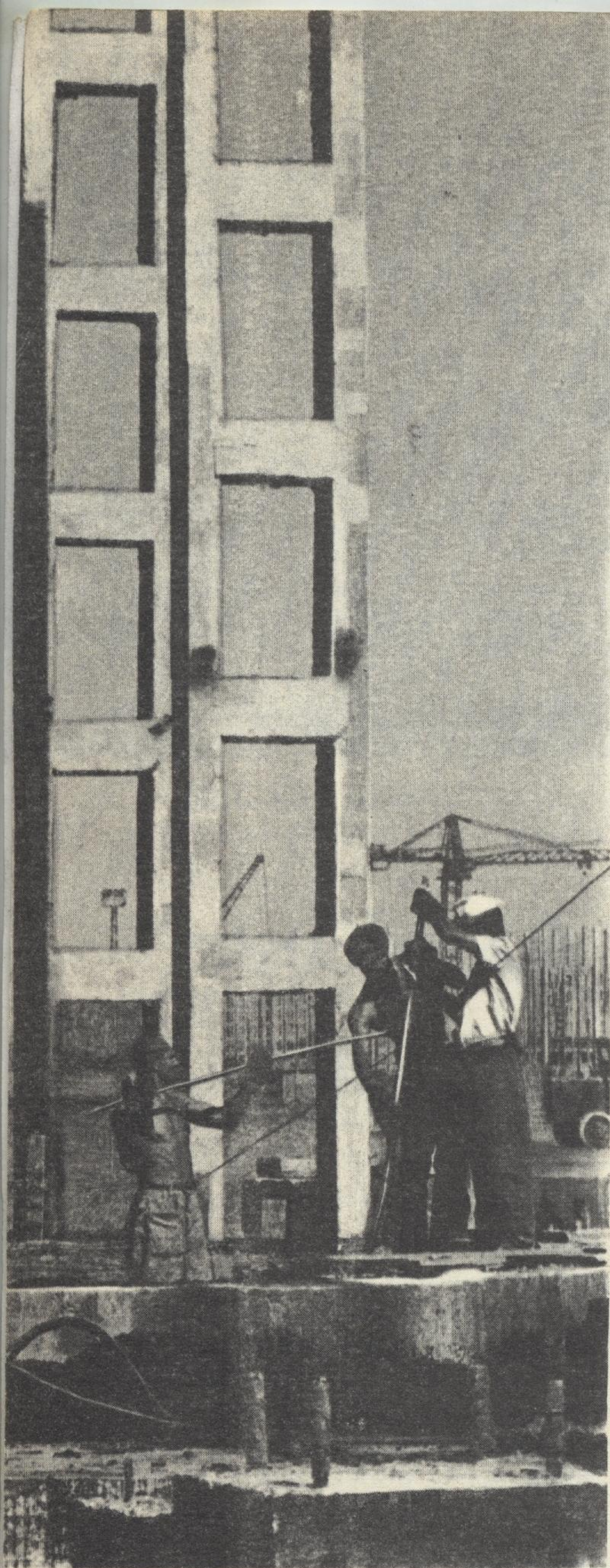
И еще один день. Это уже было позже. Когда на химическом комбинате поднимали огромную, стометровую колонну. Поднимать такую колонну доверяют самым умелым, самым хладнокровным, самым знающим высотникам. Прораб Владимир Лопато десять раз, наверно, проверил

Рисунки А. БОРИСОВА.

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
АВГУСТ 8
Издательство «Правда»
Москва 1971 г.

Казалось бы, ребята делали работу хоть и не простую, но для современной стройки обычную. Однако я хочу, чтобы вы поняли: в такой будничной работе проявляется настоящее мужество.

Я рассказываю о взрывниках и высотниках потому, что они напоминают мне собственную юность.

Мне только шестнадцать исполнилось, когда я уехал на Днепрогэс. Деревенский мальчишка, я сильно робел. Но на стройке я встретил парней и девчат, почти моих ровесников, на которых не мог глядеть без восхищения. В каменистых порогах Днепра они бурили шпуры для закладки взрывчатки. И разносили эти пороги. Я очень старался на этих ребят походить.

Потом, когда мы Днепр покорили, меня по комсомольской путевке направили в Макеевку на строительство самой крупной в то время домны.

«Куда пойдешь?» — спросили в отделе кадров. И нетерпеливо ждали ответа: некогда, некогда, вон людей сколько прибыло! Я быстро прикидывал, память услужливо подсказывала профессии безопасные и простые: землекопом, грузчиком, слесарем? И тут меня что-то толкнуло: «Да я верхолазом хочу...»

С тех пор прошло добрых четыре десятка лет. И вот что самое интересное. По складу характера те днепрогэсовские и макеевские ребята похожи на современных строителей. И, знаете, что у них общее? То, что я назвал бы «чувством первых». Таким людям тихое течение жизни не по нутру. Во всякое дело они пытаются внести что-то личное. Я вам расскажу о двух своих товарищах-однофамильцах — шофере и архитекторе Ивановых.

Навои строится и сейчас, строится людьми, влюбленными в свой город.

крепление тросов, прочность болтов. Включили рубильник. Тросы натянулись, запели. Скорость подъема — двадцать метров в час. Очень надо быть внимательным, чтоб не случилось перекоса. Тишина стояла такая, что слышно, как бьется сердце. Блестящий ствол медленно тянется ввысь. То, что нельзя заметить простым глазом, обнаруживает нивелир. Кажется, вечность прошла. Уклон тридцать, сорок... сорок пять градусов. Наконец радостное: «Стоп!» Колонна встала на попа́. И тут же пятеро парней ловко карабкаются вверх — снимать тросы.

•

Давненько знаю я Костю Иванова. Он приехал к нам одним из первых, из Ангрена. Там у Кости была хорошая квартира, приличные заработки. Но чего-то ему не хватало. Он и сам не знал, чего: то ли дела особенного, то ли друзей... Но вот услышал про стройку в Кызылкумах и быстро собрал чемодан.

Всякий город — большой или малый — начинается с первого кирпича, с первой трубы, с первой железобетонной сваи. И все это возил Костя Иванов на своем самосвале. Возил по таким дорогам, что другой водитель давно бы отчаялся. У нас в пустыне такое местечко есть — Джаманкумы, в переводе «плохие пески» — там даже вездеходы с трудом справляются с барханами. Вот и представьте, каково шоферам! А солнце? Печет так, что свету белому не рад. От мотора, как вы понимаете, тоже не прохладой веет. Водителей недоставало. Так, бывало, Костя часов по двенадцать сидел за рулем.

Я как-то спросил у Кости: «Ну что тебя сюда потянуло?» Костя сказал: «Себя проверить захотел. На что гожусь...» Сейчас у него уже дочь — ровесница города. Но пошли его с колонной машин на срочное дело через пустыню в самое пекло — только и скажет: «Тряхнем молодостью».

Архитектор Василий Иванов, один из создателей города Навои, получивший за это Государственную премию, — тоже человек, обладающий «чувством первостроителя».

Есть у нас молодые города, которые построены как бы по одной мерке. Безликие улицы, дома, словно близнецы. Зодчий Иванов отказался от такого скучного пути, хотя и были у него под руками типовые проекты домов. Проще всего было заставить такими домами новый город. Иванов и его товарищи прекрасно понимали, что надо отойти от стандарта, придумать то, что наилучшим образом отвечало бы местным условиям. Ведь это же пустыня. Значит, город тут должен быть как оазис. И дома не такие, как всюду.

Не сразу у архитекторов все получилось. Но вот они придумали дом с особой планировкой квартир — дом галерейного типа. Каждая комната так расположена, что может проветриваться с севера на юг. Это очень важно. Солнце у нас палит подолгу. Значит, нужно придумать защиту от него. И вот появились алюминиевые соты, прикрывающие окна, жалюзи, беседки-подъезды и беседки-лоджии.

Вы подъезжаете к городу. Долго-долго видели вы перед собой однообразные барханы. Унылой, безжизненной картине, кажется, не будет конца. И вдруг перед вами зеленый ряд деревьев и многоэтажная вертикаль современного здания из стекла и бетона.

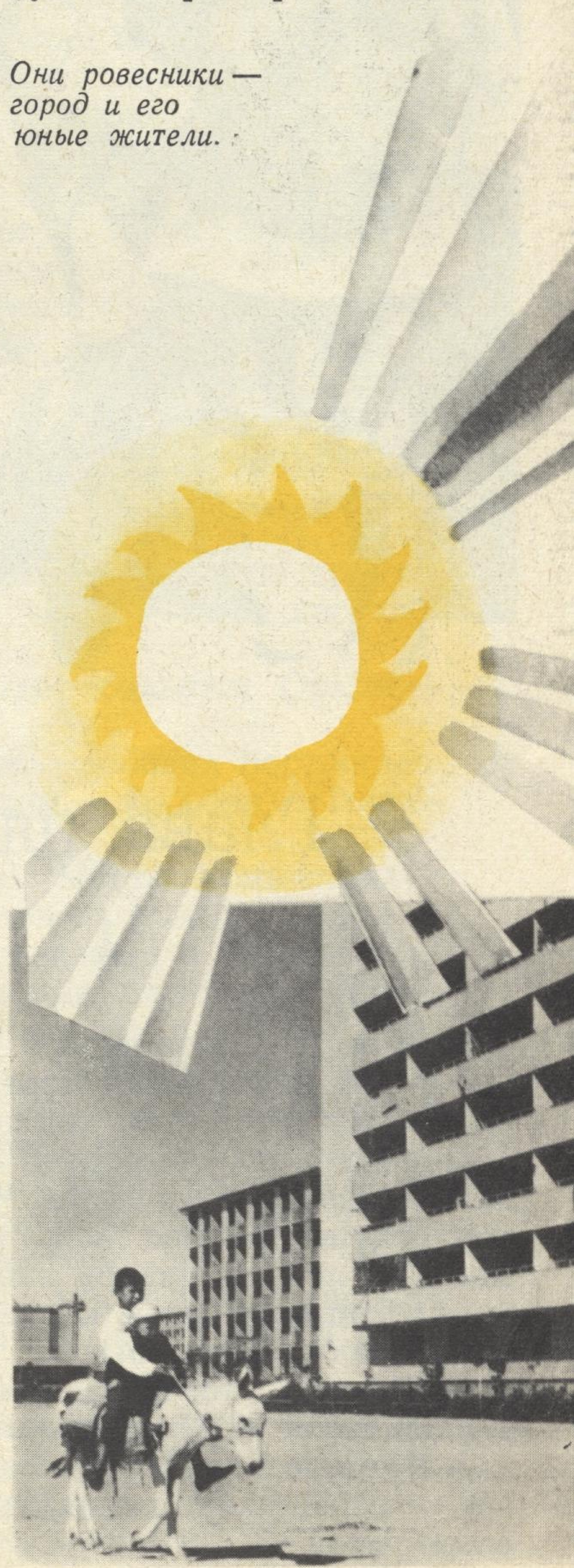
Я никогда, наверно, не смогу привыкнуть к Навои. И не только потому, что начинал с первой палатки. Я люблю смотреть, как в бассейнах плещется малышня — бассейны и фонтаны у нас в каждом дворе. Я рад, что во все детские сады и ясли подается специальными приборами прохладный и увлажненный воздух. Чудесный лес, до полутора километров шириной, опоясывает город. Половину площади города занимают сады и парки с каналами, арыками, каскадами фонтанов... В Навои — в самом сердце пустыни! — создан собственный микроклимат. Среди барханов и палящего солнца другого такого города больше нет. Навои — первый!

А крепость Кермине так и стоит на своем месте. Она лишь подчеркивает своей древностью молодость моего города. И архитектору Иванову, и шоферу Иванову, и тысячам жителей Навои есть чем гордиться. Они тоже первые.

Знаете, нет, наверно, ничего тревожнее и радостнее, чем быть человеком с приставкой «перво-»: первооткрывателем, первостроителем, первопроходцем. И нужно для этого не так уж много: делать чуть-чуть больше, чем ты умеешь, стремиться стать чуть-чуть лучше, чем ты есть, искать в жизни дорогу чуть-чуть более трудную, чем та, которая открывается перед тобой.

В Навои у нас еще дел много. Будет строиться огромный электрохимический комбинат. Так записано в Директивах XXIV съезда партии. И, значит, снова потребуются первостроители...

Они ровесники — город и его юные жители.

Михаил ФАРУТИН

ЧЕТВЁРТЫЙ ХАРИТОН

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Окончание

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Глава пятая

1

— Так вот, товарищи следопыты,— важно расхаживая перед строем отряда «Следопытов», торжественно и загадочно закончил свою речь председатель совета пионерской дружины Четвертый Харитон.— Душа из нас вон, а пахаря найти. Костьми лечь, а пахаря найти. Иначе какие мы следопыты? Иначе какие мы будущие пограничники? Понятно?!

— Понятно, товарищ командир отряда! — в один голос отрапортовали следопыты.

— Не протекают ли следопытские сапоги? — спрашивает командир, глянув на ноги следопытов.

— Никак нет, товарищ командир,— ответил Федя Востроглазов, а в школе среди ребят просто Востроглаз.

— Прочно ли следопытское обмундирование? — осмотрел с ног до головы строй командир.

— Так точно, товарищ командир,— бойко отрапортовал Коля Тонкослухов, а попросту Тонкослух.

— Не тянет ли кому плечи следопытское снаряжение?— продолжал опрос Харитоша.

— Легче пуха с одной гагары наше снаряжение, товарищ командир,— неторопливо проговорил крепкий, будто из глины сбитый, Андрей Силин, а попросту Сила.

— Отряд! Слушай мою команду! — Следопыты замерли по стойке «смирно».— На-пра-во! За мной шагом марш!

В резиновых сапогах с высокими голенищами, в зеленых из палаточного полотна

брюках и таких же телогрейках, с вещевыми мешками за плечами, четким шагом двинулись в поиск три шестиклассника — отряд следопытов, во главе с лучшим следопытом дружины — восьмиклассником Харитоном Харитоновым.

— До зоны поиска вольно! — подал команду командир.— Запевай! Да тихо!

Чтобы выполнить приказ,
Следопыту нужна сила,
Следопыту нужна сметка,
Тонкий слух и острый глаз...

Вполголоса дружно запели ребята «Марш следопытов», сочиненный Харитоном Четвертым, и нарушили утреннюю тишину.

Бросив искать «жемчужное зерно», похлопав крыльями, взлетел петух на забор крайней избы: перекинул рубиновый гребень-корону с одной стороны головы на другую, изогнув колесом шею в волнистых перьях чернью по серебру и закрыв глаза, во все горло прокричал: «Ку-ка-ре-ку!». Раз и другой — вот, мол, как надо петь. Из скворечни вынырнул скворец, торопливо уселся на полочку возле летка, оглянулся, цицибикнул щеглом, щебетнул ласточкой и, помогая крыльями, залился соловьиной трелью. Спешивший к своему гнезду с сухой веткой в белом клюве грач тоже решил «спеть» — каркнул, ветка выпала из клюва, грач спикировал за веткой, но не рассчитал — шлепнулся на дорогу. На скотном дворе, гремя цепью, подал грозный голос племенной бык Митрофан: «Б-у-у-бу» — и затараторили доярки, бренча бидонами и подойниками. Услышав грозное «Б-у-бу» Митрофана, следопыты оборвали на полуслове свой марш и, с опаской оглядываясь, подошли к скотному двору.

— Обследовать все закоулки скотного двора,— подал команду Харитоша.— Нет ли здесь следа нарушителя.

Скотный двор в колхозе «Вешние воды» прослыл на весь район. Просторный, из отборного леса, с большими окнами на реку.

Ребята вошли в доильный зал. Операторы доильного зала, вчерашние десятиклассницы и пожилые, заслуженные, важные колхозницы, одетые в белые халаты, готовились к утренней дойке. Проверяли доильные аппараты, бидоны, молокопроводы, цистерны.

— По какому делу к нам пожаловали? — увидя ребят, спросила их старший оператор Валентина Васильевна.

— А мы, собственно, без всякого дела, Валентина Васильевна,— ответил за всех Харитоша,— мы просто хотели напиться парного молока, так как, сами видите, направляемся в очень и очень дальнюю дорогу.

— Ой, выдумщик!— засмеялась Валентина Васильевна.— Девчата, дайте им вечернего, пожирнее, от Зорьки...

Обошли следопыты все закоулки скотного двора, заглянули на сеновал, в кухню-кормоварку, но никаких следов ночного пахаря не обнаружили.

Решили зайти к Митрофану, но только открыли дверь хлева, бык так взревел, что, как показалось ребятам, задрожал и закачался весь скотный двор. Следопыты со страху дали такого стрекача, что в мгновение ока оказались возле конюшни.

— А сейчас посмотрим конюшню,— наметил Четвертый Харитон.— Только Черту под силу перевернуть за одну ночь землю Овсяной полянки.

У коновязей перед конюшней стройными рядами стояли рыжие, с белой лысиной, белогривые, с белыми волнистыми хвостами кони вешневодской породы. Утреннюю уборку лошадей проводили их хозяева, ученики девятых и десятых классов. Сколько шуму было первое время, когда председатель колхоза Харитон Харитонович дал лошадей ребятам, перешедшим в девятый класс, в полное их распоряжение. Не только ездить на них, но поить, кормить и корм заготавливать.

Ох, и взвыли мамаши: «Ребятам учиться надо, а не лошадей кормить», «Ребятам учиться надо, а не корм заготавливать», «Да где это видано, да где это слыхано?»

А ребята как получили коней, так и прилипли к ним: поят, кормят, холят, корм заготавливают; на сенокос первыми, с сенокоса последними.

Глядят следопыты на лошадей, вздыхают, глаз оторвать не могут. Завидно. Когда-то еще они получат лошадей...

На конюшне негромко, озабоченно заржала кобыла Стрелка, ей обрадованно ребячьим голосом отозвался заблудившийся у коновязей рыжий с белой лысиной жеребенок Орлик, три дня тому назад появившийся на свет.

Каждому из следопытов захотелось погладить чуть пробившуюся пушистую гривку, ухватить жеребенка за курчавый хвостик-метелочку.

— Этот Орлик будет сильным Орлом,— сказал Сила.

— С острым глазом,— добавил Востроглаз.

— И тонким слухом,— заключил Тонкослух.

Подошли к деннику Черта. Конь стоял с высоко поднятой головой, слегка поджав и чуть прикопытив перевязанную бинтом правую заднюю ногу. Черная блестящая грива, заплетенная в косы «лаской», спустилась ниже колен, густая челка закрыла морду до самого храпа. Лоснящаяся спина и широкий с лотком посередине круп, на котором можно вдвоем улечься, делали коня каким-то могучим, красивым ископаемым чудовищем. Зачуяв ребят, Черт встряхнул головой, откинул на сторону челку, глянул на них черным добрым глазом и опять погрузился в свои думы.

— Не был Черт в прошлую ночь на Овсяной полянке,— увидя перевязанную ногу коня, сказал командир.

— Не был,— подтвердили следопыты.

Ребята вспомнили, как на прошлой неделе Черт вытащил трактор, застрявший в речке Быстрице, и в горячке засек подковой правую заднюю ногу. С тех пор болеет. Наступать на ногу не может.

2

Над полями на невидимых пружинках повисли жаворонки и, то подымаясь ввысь, то опускаясь до земли, огласили звоном серебряных колокольчиков всю округу. На реке белой широкой извилистой лентой лежал туман, а над болотом, не доходя реки, тучка дождевая повисла, ухватившись за кусты ольшаника. На болоте задорно, весело, с какой-то птичьей удалью прокричали журавли: «Кур-лы! Кур-лы!» Тучка вздрогнула, покачнулась, отцепилась от ольшаника, поднялась и поплыла навстречу выходящему из-за леса солнышку, искрясь цветами радуги, и открылось болото.

— Журавли! — негромко крикнул Харитоша ребятам.— Журавли танцуют! Ложись!

На сухом островке, покрытом жухлым прошлогодним белоусом, ребята увидели стаю журавлей. Густой краснотал, разросшийся по краю болота, надежно скрыл следопытов от зорких глаз осторожных птиц. Даже журавль-часовой, расхаживающий поодаль стаи, тревожно озирающийся по сторонам, не приметил их. Птицы, радуясь окончанию перелета, радуясь весне, радуясь родине, кружили в традиционном танце. Журавли то отходили от центра круга, высоко подымая длинные тонкие ноги, взмахивая огромными черными крыльями, с высоко поднятыми головами на длинных желтоватых шеях, то сходились к центру, вплотную прижавшись друг к другу с веселым гортанным наперебой криком: «Кур-лы! Кур-лы! Кур-лы!» Опять расходились. В кругу появилась пара: журавль с журавлихой. Обнявшись крыльями, они важно обходили круг, потом пускались вперегонки, приседали, припадали. Наконец, прижавшись плотно друг к другу и скрестив шеи, кричали: «Кур-лы! Кур-лы!» И вся стая хлопала крыльями и неистово вторила: «Кур-лы! Кур-лы! Кур-лы!!!»

Натанцевавшись на земле, птицы взмыли в воздух. Журавль-часовой тоже поднялся за стаей. Над болотом, над рекой, над полем журавли долго водили хоровод под несмолкаемый прощальный крик: «Кур-курлы! Кур-курлы!» До осени, до осени, а потом, разбившись на пары, полетели в разные стороны искать укромные места, вить гнезда, нести яйца, выводить журавлят.

— Вот это да! — первым поднялся и нарушил молчание Харитоша.

—Н-настоящий балет,— стуча зубами, подымаясь из лужи, заключил Сила. По команде «ложись» он плюхнулся в воду да так и лежал в воде, пока танцевали журавли.

— На границе не такое может быть, может, сутки придется лежать в воде, и потом приказ командира,— ответил Сила на смех ребят.

— Молодец, Андрей! — сказал серьезно Харитон Четвертый и позвал всех: — За мной, в поиск.

Глава шестая

1

У скворечен скворцы. Поют.
На березах грачи. Хлопочут.
В небе жаворонки. Заливаются.
На межах, в канавах трава пробивается. На пригорках точеными столбиками с коричневыми суставами полевой хвощ выкинулся. Земля прогрелась. Пахарей ждет.

На деревне людно.
У гаражей шумно.
Тракторы в ряд.
Машины в ряд.

— По ма-ши-нам! За-во-ди! — команда председателя.

На переднем тракторе за рулем сам председатель колхоза. За ним — трактористы, ученики председателя, бывшие пограничники, теперь знатные хлеборобы колхоза — Ефим Солдатов, Иван Петухов, Павел Хомутов — молодые здоровые парни.

За тракторами — машины, груженные семенами, удобрениями. Колонна идет на поле Заречное. Землю пахать. Хлеб сеять. За колонной ребята шагают. С шестого по десятый класс — тоже все в поле. Каждому работа найдется. Кто прицепщиком, кто заправщиком, кто в походной мастерской слесарному делу учится.

Ожило, загудело поле Заречное...

Глава седьмая

1

— След,— сказал Востроглаз, глядя на клетчатую вмятину на полосе.

— След,— подтвердил командир отряда.— Но это скорее всего след от берестяной корзины, а не от ноги человека. Такой большой ноги нет ни у одного даже вологодского богатыря.

— Если бы этот след оставил человек, я бы слышал его шаги у себя в доме, как бы крепко ни спал,— заявил Тонкослух.

— Никакая корзина, наполненная даже не семенами, а камнями, не даст такой вмятины, как бы ни была рыхла земля. Это след человека-великана, обутого в лапти,— заключил Сила,— и я готов с ним помериться силами при первой возможности.

— Если это даже след великана, как утверждают Востроглаз и Сила,— говорит Ха-

ритоша,— нам этого еще недостаточно. Надо продолжить обследование полянки, не найдутся ли более достоверные приметы ночного пахаря. Что был плуг,— это безусловно, так как земля вспахана, что была борона,—это тоже верно, так как посев заборонован. Но кто таскал плуг, кто таскал борону? Ведь ни следа трактора, ни следа лошади нет?!.

Задумались следопыты.

— Продолжать обследование! — приказал командир отряда.

2

Солнце поднялось высоко и щедро лило весеннее тепло на весеннюю землю. Кружа покосами, перелесками и оврагами, ища утерянный след, ребята вышли к большому, что озеро, залитому весенней водой и весенним птичьим криком непроходимому болоту. И тут на отлогом торфяном берегу они увидели отчетливый след полозьев и лаптей. След шел в болото.

Следопыты оторопели и с изумлением смотрели друг на друга.

— Это богатырь богатырям,— первым нарушив молчание, выйдя из минутного оцепенения, сказал командир,— коли решился вброд с таким возом перейти болото. Только одним сохатым под силу такой «тракт», но не человеку! Что вы скажете на это, следопыты?

— Сквозь птичий гомон, утиное кряканье, гусиное гоготанье, блеяние бекасов и бормотание тетеревов я слышу, как там за болотом в тайге кто-то ломает вековые ели,— сказал Тонкослух.

В это время с шумом, ревом, завыванием, треском и свистом из тайги на болото хлынула полоса ураганного ветра, ломая и выворачивая из земли с корнями на своем пути деревья и кустарники и вздымая весь этот хлам в облака, что пух одуванчика летний ветерок. Вырвавшись на просторы болота, ураган на какое-то мгновение остановился, будто оглядываясь, и еще с большей силой и свистом кинулся по болоту, всасывая в себя воду с гусями и утками, с кочками и корягами. Столб воды, упершись широким раструбом, гигантской воронкой в небо, несся круговертью к следопытам.

— Смерч! — крикнул командир отряда.— Ложись! Держись за землю!

Но последние слова командира утонули в шуме налетевшего на ребят смерча. А когда они, поднявшись с земли, открыли глаза, то ахнули от страха и удивления. Следопыт Сила с распростертыми руками и ногами кружил в круговерти смерча вместе с кустарниками, корягами и птицами высоко над землей. Ребятам было видно, как падали на лес трава и прошлогодняя листва и как падал следопыт Сила, уцепившись за крылья бьющихся около него двух гусей.

— Засечь по компасу градус приземления! — приказал командир.

— Есть засечь по компасу! — ответил Востроглаз.— Только я отчетливо вижу ту сосну, на которую опустился Сила.

— А я ясно слышал, как ломались сучья дерева, на которые плюхнулся он,— заметил Тонкослух.

3

В бору, под сосной в два обхвата, что вершиной в ясную погоду звезды по ночам в небе считает, а в пасмурное утро в тучах умывается, у костра сидели следопыты и сушили до нитки промокшую одежду.

Андрей рассказывал:

— Успел ли я лечь по команде, не помню. Сжало меня со всех сторон — ни дохнуть, ни голоса подать, и глаз открыть не могу. А потом как поволокло по земле да головой о землю рраз-рраз! — искры из глаз фонтанами, а света не вижу. Кое-как открыл глаза, и тут сразу и в жар и в холод кинуло. Земли-то подо мной нет, и лес и болото както сбоку от меня, и я мимо лечу. А в этой самой круговерти около меня и листья, и травы, и кусты, и верхушки елок и сосен, и птицы разные — как неживые, крылья распустили, головы туда-сюда болтаются, их оглушило, значит, не иначе. Тут вспомнил я Мюнхгаузена, и хвать одного гуся за ноги, другой рукой другого гуся тоже за ноги и держу крепко-крепко. Стихла круговерть, гуси ожили и ну махать крыльями, а я их за ноги держу, и все спускаюсь ниже и ниже, и бух на сосну, с сосны на землю. Оглянулся — дровни под сосной стоят, а рядом плуг двухлемешный и борона. Вот, думаю, куда след-то нас вел! А людей нет. И следов от лаптей нет. Одни лосиные следы есть, да и только,— закончил свой рассказ Андрей.

— Решение задачи усложнилось,— заключил командир, осмотрев находки Андрея,— но...

Глава восьмая

1

— Тихо! — шепчет Тонкослух.— За поворотом голоса.

Насторожились. Замерли. Тишина.

И визг какой-то и хрюканье.

По-пластунски меж сосенок на пригорок выползли.

Глянули. Холодок по спинам взад-вперед заходил под ватниками. То в жар, то в холод от страха бросает.

На мысу, что желтым клином в болото врезался, медведица медвежатам баню устроила. Схватит зубами медвежонка за шиворот и ну полоскать в воде, как бабы белье полощут. А медвежонок визжит, хрюкает,

«Решение задачи усложнилось»,— заключил командир, осмотрев находки Андрея.

зубы скалит, брыкается. Одного помоет, другого схватит. Потом третьего. Их трое было. Лохматые, серо-грязного цвета, косолапые. Вырвется какой из зубов матери и ну кататься и кувыркаться в желтой прошлогодней траве, да лапами скрести себе живот, бока, шею. А потом бегать примется— греется. А медведица изловчится, хвать за шиворот и опять полоскать...

Вымыв медвежат, медведица тоже мыться начала. Забралась в воду по брюхо и ну обливаться да полоскаться. Когтищами шею чешет, грудь. Даже с головой окунается. Кряхтит, ворчит от удовольствия. Медвежата друг за дружкой бегают, грызутся, кувыркаются.

Харитон Четвертый рюкзак освободил, поближе к медвежатам пополз. Рискованное дело задумал Харитоша. Чем-то кончится?..

— Назад ползите,— передал следопытам, а сам еще ближе к медвежатам.

Спроси, и сам толком не расскажет, как это случилось, но накрыл рюкзаком Харитоша одного медвежонка и рюкзак шнурком затянул. И ползком от сосны к сосне подальше от греха. Ноша нетяжелая, но опасная.

Медведица купается. Кряхтит от удовольствия, беды не чует. А спохватится, горе вам, следопыты.

2

— Федя! Гляди!

— Коля! Слушай!

— Андрей! След губи!

— За мной! Не отставать!— на бегу отдавал приказание Четвертый Харитон.

Сквозь сосны — бегом.

Через валежник — кувырком.

Через бурелом где ползком, где поверху дали деру ребята.

Впереди Харитон, за ним Коля, потом Федя. Сзади всех Андрей — след губит. В правой руке у Андрея бычий рог, наполненный нюхательным табаком, сдобренным мятными каплями. Из рога зеленоватой струей табак сыплется и облачком пыли на следы ложится. Где густо, где пусто...

3

Вдруг медведица насторожилась. Вроде почуяла что-то недоброе. Перестала скрести себя лапищами.

Глянула на медвежат.

Мишка тут и Машка тут, а Ваньки нет.

Глазам не поверила. Приподнялась на задних лапах, ноздри растопырила, носом повела.

Мишкой пахнет и Машкой пахнет, а Ванькой не пахнет.

Мишка к ней, и Машка к ней.

Мишка за хвост мать схватил, Машка за ухо треплет. А Ваньки нет. Мишку шлеп и Машку шлеп. Ринулась иноходью медведица от куста к кусту, от сосны к сосне по Ванькину следу.

Тут пробежал.

Тут кувыркался.

Тут полежал, чует медведица.

А тут?

Человеком ударило в нос медведице сразу из-под четырех кустов.

Взревела от ярости и галопом бросилась по следу. На пригорок в секунду, что на крыльях, взлетела. С пригорка — в лощину, не рассчитала — через голову кувырнулась.

Остановилась. Вроде след потеряла. Человеком не пахнет. Носом туда-сюда. Не пахнет. Глазами уставилась: на колодине мох содран и след. Сунулась носом в след, потянула и... сперло дыхание, защекотало в носу, в груди, и хозяйка леса так чихнула раз и другой,

что фонтаны голубых искр хлынули из ее маленьких глаз.

И для медведицы, кроме запаха нюхательного табака, сдобренного мятными каплями, никакого другого запаха в лесу уже не было.

Еще пуще взревела медведица.

4

— Медведица медвежонка хватилась! — крикнул Коля Тонкослух. — Голос подает! За нами гонится! Брось, Харитон, медвежонка — пропадем!

Следопыты остановились. Прислушались.

— Сначала взревела, потом чихать начала, а сейчас опять ревет, — продолжал Коля.

— Чихнула, говоришь? — переспросил Харитон. — Значит, след потеряла. Молодец, Андрей, хорошо губил! Теперь передохнем малость.—И снял с плеч рюкзак с медвежонком.

До сих пор молчавший пленник тоже голос подал. То ли надоело качаться в рюкзаке, то ли мать услышал. Завизжал, заскулил, заворчал. Вот-вот рюкзак разорвет — на волю просится.

Харитоша пооcлабил шнурок, и из рюкзака показался мокрый черный пятачок с двумя дырочками — медвежонок нос высунул. Еще пооcлабил — и медвежонок всю голову высунул.

Глянул на склонившихся над ним ребят — испугался. Глазенки закрыл, уши поджал и так пронзительно закричал, что у следопытов в ушах зазвенело.

— Плохо дело, — сказал командир, — теперь медведица на голос пойдет. Вперед, что есть духу к переправе! — И сунул в рот медвежонку кусок сахару.

Медвежонок замолчал. То ли сосал сахар, то ли не было мочи кричать, опять качаясь и болтаясь из стороны в сторону в рюкзаке за плечами Харитона.

Бегут ребята по лесу. Впереди Харитоша, за ним Коля, потом Федя. Сзади Андрей след губит.

— Слышь, Харитон, отпусти медвежонка,— просит Коля.

— А что? Медведица настигает?

— Да нет. Жалко мне просто.

— Кого жалко?

— И медвежонка жалко и медведицу жалко. Вот кого. Отпусти!

— Чудак ты, Тонкослух. Мы же не насовсем его взяли. Подрастет, и опять его в лес отправим. Помнишь, каким был Васька, когда из лесу привели,—еле на ногах стоял, а теперь первый лось на весь лес,—говорил Харитоша. — А важный какой: Васькой покличешь — ухом не пошевелит. Подойти соизволит, коли назовешь Василием Ивановичем.

— Медведица! — крикнул Федя Востроглаз, когда они были в нескольких шагах от еще чуть дымящегося костра, где днем сушили промокшую одежду.

Схватит медведица зубами медвежонка за шиворот и ну полоскать в воде.

Следопыты сбились в кучу, присели.

— Где?—спокойно спросил командир, оглядывая лес и побледневших следопытов.

— Да вон в сосняке, не видишь, что ли, спину показывает? Бежим!

Быстрый глаз Харитона пробежал по молодому сосняку.

— Товарищи следопыты! Мы вне всякой опасности. С нами Василий Иванович! Ура!..

Из сосняка вышел громадный однорогий лось. Зверь сделал несколько шагов. Остановился, высоко подняв красивую, точеную голову, и глубоко и шумно вздохнул. Потом еще раз вздохнул, фыркнул, тяжело ударил передним копытом о землю.

— Медвежонка учуял.

— Медвежонка боится,—затараторили повеселевшие ребята.

А лось круто развернулся и, не торопясь,

Ходят пахари по полю, за ними ребята след в след.

красивым крупным шагом вошел в сосняк.

— До свидания, Василий Иванович,—кричали на прощание в один голос ребята, — до свидания!..

5

Чуть дымят остатки костра — непотухшие головешки. В рюкзаке командира скулит медвежонок.

Следопыты настороженно и с удивлением глядят друг на друга: под сосной ни дровней, ни плуга, ни бороны.

— Мы за пахарем, а пахарь за нами, вот что получается,— первым нарушил молчание командир. — Скидывайте рюкзаки, скидывайте ватники да прочешем-ка лес, пока солнышко не закатилось.

До седьмого пота следопыты прочесывали лес. Из сил выбились. Еле ноги переставляют. Но как сквозь землю провалились и дровни, и плуг, и борона.

— Так, друзья мои. Надо хоть накормить нашего пленника, — объявил Харитон.— Проголодался да и устал не меньше нас.

— Давай, давай, высовывай свою голову, медвежище!

Ребята сгрудились у рюкзака, на колени стали. Медвежонок не шевелится. Только слышно в рюкзаке тутуканье да шипение...

Первым догадался Харитоша. Он схватил рюкзак и вытряхнул содержимое. К ногам ребят упала увесистая болотная кочка и свернувшийся ощетинившийся большой еж.

Взрыв хохота и криков взбудоражил вечернюю тишину.

В ответ эхом гоготал и смеялся лес, птичьим гомоном смеялось болото.

Харитон Четвертый, размахивая пустым рюкзаком, кричал:

— Нелегко быть следопытом, мы за пахарем, а пахарь за нами!

Глава девятая

1

Розовые полушалки накинула вечерняя заря на зубчатую опушку ельника. Попритих лопотавший весь день торопливый ручей.

Отдыхают тракторы.

Отдыхают машины.

Отдыхают лошади, звонко хрустая овес в подвешенных на их мордах торбах.

Отдыхают пахари — все от мала до велика вокруг ярко пылающих костров.

Отдыхает река, местами подернувшись прядями седого тумана.

Все реже подают голоса уставшие от песен дрозды.

Но неутомимо, днем над полем, а сейчас над полевым станом, кувыркается в воздухе пара беспокойных чибисов, оглашая окрестность одним и тем же криком: «Чьи-вы, чьи-вы?»

— Чьи-вы? Чьи-вы? — кричат в воздухе птицы.

— Да вешневодские мы! — крикнет кто-нибудь, смеясь, в ответ чибисам.

Рядом с полевым станом механизаторов — палаточный городок. На красном полотнище,

натянутом между двух берез, белыми буквами выведено:

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ КОЛХОЗА
«ВЕШНИЕ ВОДЫ»

С прошлой весны так повелось. Харитон Четвертый сагитировал ребят на такое дело, как председателем совета дружины стал.

Во время посевной пионеры свой лагерь поближе к полю раскидывают. Сенокос идет — пионерский лагерь на сенокосных угодьях. Жатва начнется — и лагерь тут как тут.

У костра, где щурится от яркого пламени и смеется в густую бороду Ковча, все пахари собрались и Харитон со своими пионерами.

Старик рассуждает:

— Что полянка вспахана на животине, а не на ком другом — об этом и разговору нет. Что нет следа этой животины на пашне, так следа-то и не должно быть. Какой пахарь оставит на полосе след от трактора ли, от лошади ли, и даже свой. На то борона есть — борона любой след сгладит.

— Угу,— согласились пахари.

— Взять другую сторону этой истории,— продолжал Ковча,— могли ли мужики на себе перетащить дровни с поклажей через поле, покосы и даже Красную гриву, что за Большим болотом, коли в этом была нужда? Могли. А что тут мудреного? Каких-то четыре версты невелик волок, раз сила в человеке есть. Хотя бы вот вы.— Ковча указал на трактористов.— Разве не богатыри? А эти? — Ковча подмигнул пионерам.— Что ни парень, то и богатырь. Но самая загвоздка не в этом. Самая загвоздка в том, для чего засеяли полянку овсом? А?— И замолчал, оглядывая всех собравшихся у костра.

— Да кто его знает,— раздались голоса.— Вспахали, чтоб людей насмешить.

— А по-моему, не для смеху это сделано,— откашлялся старик,— это затея умного пахаря.— Все насторожились, ждут.— В этом году по моим приметам будет урожай на овес. Где ни посей, хоть под кустом,— вырастет. Ну, а на этой поляне, скажу вам, будет такой овсище, что вези в Москву на выставку, да и только. Ну да ладно, пахарь объявится и расскажет нам про свою затею.

— Так он и объявится! — засмеялись у костра.

— Конечно, объявится,— утверждает старик,— свой же человек, не чужой. Объявится...

Дул сиверко. Тучи закрыли зарю, спрятали луну. Ветер на реке разогнал туман и рябил воду. Умолкли дрозды, успокоились, улетев к гнезду, чибисы. Только плакучие березы все сильнее и сильнее размахивали длинными голыми ветвями да безудержно в лугах скрипел коростель.

— Самая налимья ночь,— вздохнул дед, глянув на небо и окрест.— А ну, кто со мной на реку донки ставить?

Глава десятая

1

Утихомирилась, вошла в берега река. Посветлела вода и пенится белыми шалками на порогах и медленно, задумчиво кружит в омутах и заводях.

Утихомирились и бойкие, шумливые ручьи, но все равно спешат и спешат, прыгают с камня на камень, тычутся в берега и без умолку, по-ребячьи, лопочут и лопочут весеннюю песню.

Солнце с каждым днем все больше и больше льет тепла.

После теплого дождя в одну ночь треснули березовые почки и выскочили на свободу розеткой собранные липкие пахучие зеленые листочки. А утром зазеленело поле Заречное. Дружные всходы укрыли вспаханную землю.

Всходы в закрома не кладут. Но всходы есть всходы. Хлеб растет!

2

Ходят по полю пахари во главе с председателем колхоза Харитоном Харитоновичем Харитоновым, и дед Ковча как главный эксперт тоже тут, и ребята след в след за взрослыми не отступают.

Важную задачу решают пахари: чьи всходы лучше? Лучшие всходы — лучший пахарь. А лучшему пахарю правление колхоза премию назначило, да такую, какой никогда еще не было. Орликом премируется лучший пахарь. Орлик—это тот рыжий с белой лысинкой жеребенок, что две недели тому назад появился у Стрелки.

Ходят по полю пахари, за ними ребята след в след. Красные галстуки на ребятах красным пламенем на ветру колышутся.

Одна делянка лучше другой — попробуй разберись! А разобраться надо.

— Вроде бы редковато немного,— прищурясь, заключает Ковча, разглядывая всходы на делянке Ефима Солдатова.

— Что вы, дед Митрич? По всем правилам,— возражает тракторист,— посмотрите, какой хлеб уродится.

— О хлебе будем судить по осени, а сейчас о всходах разговор идет. Не так ли?

Краснеет тракторист: неужели дал промах?

— Эко сколько земли на луг натаскал,— заворчал старик, когда подошли к пахоте Ивана Петухова.

— Спешил, дед Митрич, ненароком,— оправдывался тракторист.

— «Спешил»,— еще больше заворчал Ковча и начал сапогом сгребать землю с луговины на полосу,— «спешил»! А земля спешки не любит. А всходы-то хороши! Да, очень хороши, не хуже, чем у Ефима.

Улыбаются трактористы Ефим и Иван, под-

маргивают ребятам, с которыми пахали: мол, Орлик-то будет наш!

Волнуется Павел Хомутов: к его полосе направились пахари.

— Э, Пашка,— опять подал голос Ковча,— чего столько глины-то навыворачивал?

— Земля такая, дедушка, никак лучше не вспашешь.

— Ты, парень, про землю мне не говори, я каждый вершок этой земли знаю. Еще сохой ее двадцать лет на кулака пахал. Земля! Пустил глубоко, вот тебе и глина, а к чему она?

Чешет затылок тракторист Паша: правильно дед говорит. Смеются пахари. Смеются ребята...

Ходят пахари по полю, за ними ребята след в след.

К Овсяной полянке подошли.

— Тоже судить? — спрашивает Ковча председателя.

— Судить, Митрич, судить.

— Так ведь пахаря-то нет!

— Пахарь, как ты говорил дед, объявится.

— Когда объявится-то?

— Когда бы ни объявился, оценку работе дать надо,— смеется Харитон Харитонович. Но не смеются трактористы, не смеются ребята.

— Вот это всходы!

И как ни судили, как ни рядили, а все согласились на том, что лучшие всходы на Овсяной полянке. А значит, и лучший пахарь тот, кто вспахал эту полянку. А кто? Неизвестно. Во как обернулось дело.

Глава одиннадцатая

1

Весенний праздник пахаря в «Вешних водах» начинается парадом пахарей. Шествие открывает пионерский отряд, а за ними, за пионерами, трактористы на тракторах. Лучший пахарь впереди, за ним остальные. После торжественного шествия вручение премий, подарков. А потом кто во что горазд: скачки на лошадях, физкультурные соревнования, песни, хороводы, и так с утра до поздней ночи.

У школы горн слышится, барабаны бьют.

У гаражей тракторы тарахтят моторами.

У коновязей кони ржут.

На площади смех, гомон людской.

А председатель колхоза Харитон Харитонович тревожится, нервничает. Сын Харитоша куда-то пропал. Чуть свет скрипнул калиткой и как в воду канул.

А тут бабка Дарья приковыляла и тоже к председателю:

— Старик пропал, то ли с вечера, то ли до свету куда-то ушел и досить нет.

А пионеры к мосту подходят, в горн трубят, в барабаны бьют. И только бы колонне на площадь вступить, как из переулка, гремя колесами, вылетает двуколка с двумя седоками, и в упряжке лось. С поворота врывается двуколка, запряженная лосем, в колонну и занимает место первого пахаря.

Правит упряжкой Харитон Четвертый, туго натянув ременные вожжи, а Ковча важно сидит в кузове да поглаживает свою серебряную бороду.

— Ой! — прокатилось по толпе.

— Люди, глядите, что делается!

— Лось Васька в упряжке!

Кубарем скатился председатель с трибуны и бросился к подводе. Трактористы заглушили моторы, со всех сторон окружили Ковчу с Харитоном Четвертым.

— Гляньте на ноги лосю! На ноги гляньте! — кричит тракторист Ефим Солдатов.

Взрыв хохота потряс деревню, когда люди увидели на ногах сохатого берестяные лапти.

— Наша! Наша взяла! — закричали ребята, когда Ковча сказал, что вся эта затея Харитошки...

А Ковча продолжал:

— Рассказал Харитошке про свою примету, ну, и не стало от парня отбою: засеем овсом полянку, да и только, пока отец картошкой ее не засадил. Озорство, говорю, сынок, получается... Но подумал: может быть, пахарь родится в этой затее, а это не шутка!

Трактористы подняли старика на руки и качнули раз и другой. Хотели и бабку Дарью качнуть, да побоялись, что рассыплется или и вправду обернется бабой-ягой и улетит на ступе с помелом. Как тогда старику без старухи?!

2

— Когда вырастет Орлик,— рассуждал Харитон Четвертый, держа в поводу Стрелку,— мы отправим его на погранзаставу для лучшего пограничника заставы.

Будущий пограничник Орлик, устав с непривычки целый день быть среди людей, сунул мордочку в мягкое теплое вымя матери, сосал сладкое молоко, широко расставив ноги, и помахивал от удовольствия белесоватым хвостиком-метелочкой с рыжей полоской посередине...

— Слышь, Харитоша,— спрашивают следопыты, когда они остались одни,— почему же мы не догадались, что это была твоя затея?

— Следопытом быть не так просто. Но вы работали отлично.

— А ежа вместо медвежонка ты тоже сам себе в рюкзак сунул?

— Нет. Тут и я тоже дал маху. Медвежонка из рюкзака на волю выпустил дед Ковча. И дровни с плугом и бороной Ковча отвез на Ваське в другое место.

Не слышно гиканья наездников.

Месяц высветил и без того светлую майскую северную ночь. Но за околицей на берегу реки звенит гармонь. ★

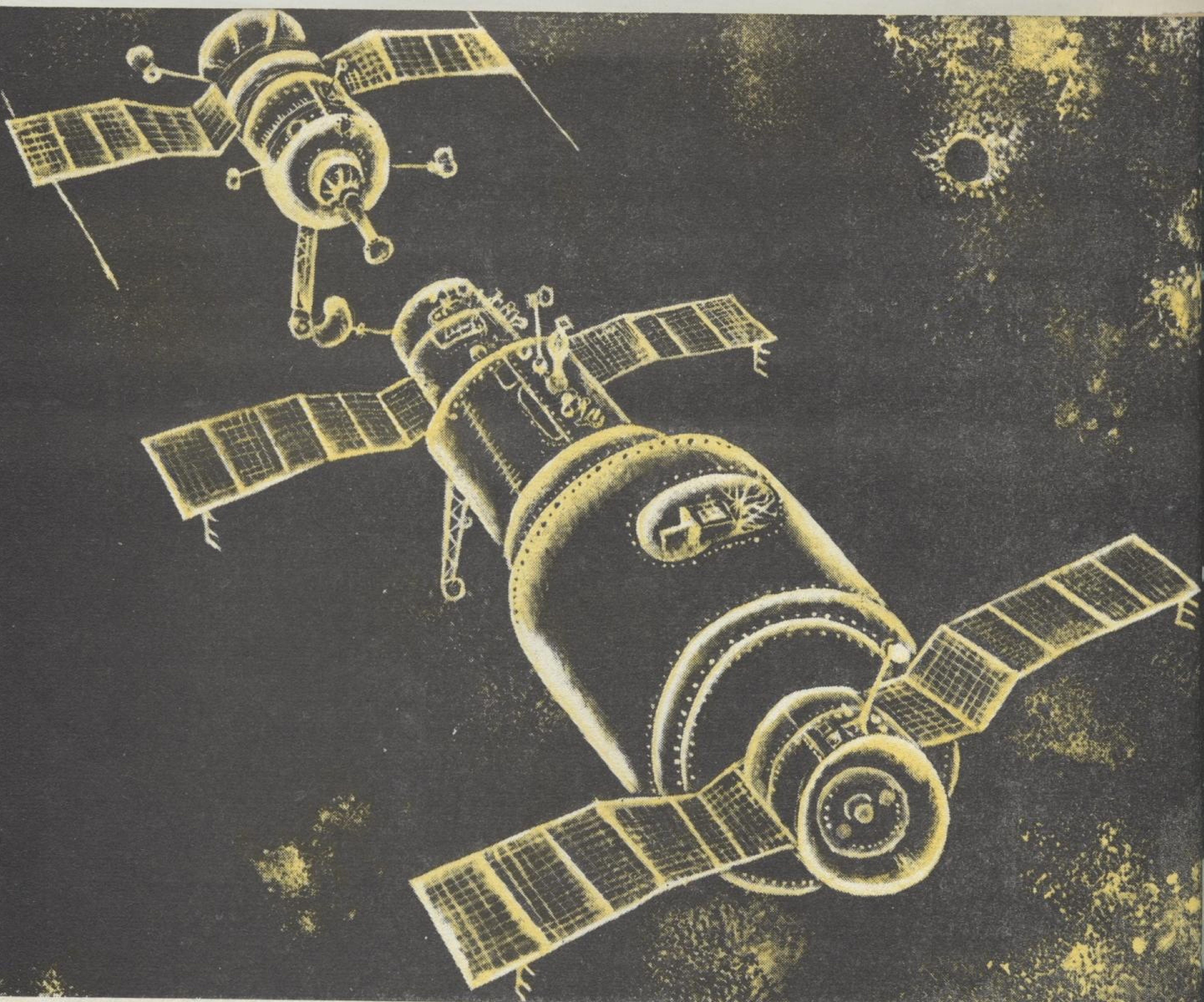
Бессмертие

Кто знает, кто может точно ответить на вопрос: сколько лет, сколько десятилетий будут жить, работать, служить людям результаты, добытые тремя коммунистами — членами экипажа орбитальной станции за эти двадцать четыре дня!.. Лучше всего этот срок определить одним словом: вечность. Ибо подвиги в науке, в борьбе за человеческий прогресс, как и люди, совершившие эти подвиги, бессмертны. И легендарный космический рейс, осуществленный Георгием Добровольским, Владиславом Волковым, Виктором Пацаевым в наши дни, гранями взлетной площадки имел и давние полеты советских героев-стратонавтов и гагаринский взлет... А в грядущих рейсах к иным мирам Отчизна, все человечество не только вспомнят непременно, но благодарно используют опыт и пример космического корабля «Союз-11», пилотируемой орбитальной научной станции «Салют»; пример и опыт тех, кто вел их над планетой...

И это — бессмертие!

Сергей СУТОЦКИЙ

К. ГИЛЬЗИН,
кандидат технических наук

КОСМИЧЕСКАЯ СВИТА ЗЕМЛИ

По невидимым путям

Если бы человек смог взглянуть на Землю со стороны и увидеть всю планету разом, перед ним открылась бы поразительная картина.

Вокруг земного шара по невидимым путям-орбитам мчатся причудливые космические аппараты самых разных размеров и форм. Некоторые похожи на бабочек с огромными крыльями, другие — на гигантские ромашки с сетчатыми лепестками. Тут и матовые цилиндры, и серебристые многогранники, и надувные шары.

Среди них выделяется гигант — первая в мире орбитальная станция «Салют».

Одни из соседей этого гиганта все время держатся поближе к Земле, а иные в стремительном полете уносятся далеко в космос и потом снова возвращаются к Земле.

Вот уже почти четырнадцать лет (начало положил первый советский искусственный спутник в 1957 году), как Земля летит вокруг Солнца с этой удивительной свитой — со своими спутниками.

Рядом со спутником

Давайте-ка приблизимся к одному из них. Для этого, разумеется, и нам придется развить космическую скорость и тоже на время превратиться в спутника Земли. Вот мы и рядышком. Эге, да этот безлюдный корабль вовсе не лишен жизни! Смотрите, вот он словно по чьей-то команде поворачивается, подставляя Солнцу (или, может быть, Земле?) то один бок, то другой. А его сосед — вот он, промчался справа, — как волчок, вращается вокруг своей оси.

Из-за горизонта показался край солнечного диска, и сразу же пришли в движение огромные крылья нашего спутника. Странно. Зачем они ему? Ведь в космосе нет воздуха. Зашевелились и стали медленно поворачиваться торчащие наружу цилиндрические трубы («конечности» нашего спутника). Для чего все это?

Космос беззвучен (в пустоте звук не распространяется), но если мы «на лету» приложим ухо к блестящей поверхности спутника (смотрите не обожгитесь только!), то услышим, как бьется его невидимое «сердце», как что-то гудит внутри него, посвистывает, пульсирует...

Сам себе хозяин

Что ж, если вдуматься, ничего удивительного в этом нет.

Наш спутник создан и выведен в космос, чтобы действовать, чтобы трудиться. Его «крылья» — это солнечная электростанция. Она дает энергию всем его сложнейшим устройствам. Цилиндрические трубы — это телевизионные камеры, ажурная чаша — антенна радиотелескопа. На спутнике множество других приборов и датчиков — «глаза» и «уши» его.

Даже первый советский спутник имел внутри «шарика» немало разных устройств, а следующие превратились в настоящие научные лаборатории. «Чрево» каждого спутника заполнено электронными приборами. Одни поддерживают заданный микроклимат — давление, температуру, влажность. Другие обеспечивают нужное положение, или, как говорят, ори-

ентацию, спутника в пространстве. Третьи держат непрерывную радиосвязь с Землей. Четвертые... Впрочем, всего не перечислишь. И всей этой сложной «начинкой» управляет особая командная система — электронный «мозг» спутника.

Много знаний и труда было вложено в создание каждого спутника: многого ждали от спутников ученые.

И спутники не обманули этих надежд. Летающие лаборатории дали и продолжают давать бесценную информацию о космическом пространстве, Солнце, Луне, планетах.

Спутники повернулись к Земле

Чтобы лучше изучить наш дом — Землю, нужно удалиться от нее на почтительное расстояние. Нужно, чтобы человек превратился из пигмея, привязанного к поверхности планеты, к самому дну воздушного океана, в сказочного исполина, поднявшегося высоко над земной атмосферой и способного окинуть взглядом весь земной шар. Спутники и показали землянам Землю со стороны.

И тогда оказалось, что спутники могут делать уйму полезных для людей дел.

Рисунки Ю. КОРНЕЕВА.

Ловцы телепередач

Когда миллионы советских телезрителей следили за жаркими схватками на футбольных полях Мехико, спутники связи передавали телевизионное изображение с одного континента на другой, через океаны и горы.

Радиоволны, на которых работают телевизионные станции, распространяются прямолинейно, не огибая земную поверхность, и поэтому телепередачи возможны только в пределах прямой видимости. Вот почему во всех крупных городах тянутся в небо телевизионные башни — чем выше антенна, тем с большего расстояния можно принимать телепередачу. Но разве сравнить даже Останкинскую иглу высотой в полкилометра со спутником связи! Когда советский спутник «Молния-1» находится на высоте сорока тысяч километров над Землей, он может связать между собой любые два пункта на территории СССР. Эта «космиче-

ская телебашня» в восемьдесят тысяч раз выше Останкинской!

Находясь на самом высоком участке орбиты, спутник «видит» одновременно и пункт передачи (например, Москву) и пункт приема (Владивосток). Тогда включаются аппараты, и сеанс связи начинается. Продолжается он 8—10 часов. Как только спутник проходит участок видимости, аппаратура по команде с Земли выключается.

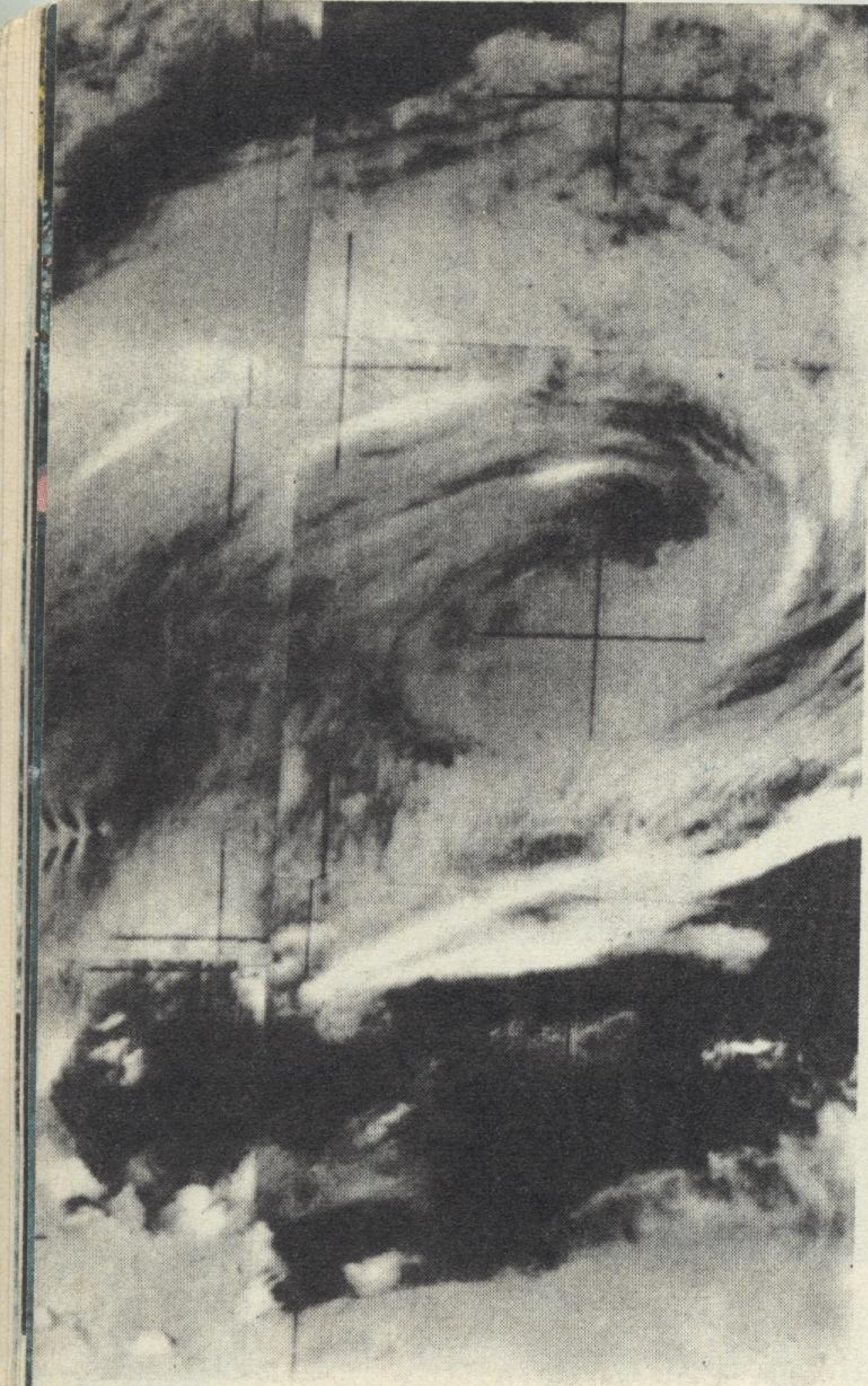
С 1965 года в нашей стране работает система сверхдальней телевизионной и телефонной космической связи. Миллионы телезрителей Сибири и Дальнего Востока благодаря ей смотрят передачи Центрального телевидения. Спутникам в этом помогают наземные станции «Орбита». Они принимают и усиливают пока еще слабые

сигналы, переданные спутниками, А в будущем мы сможем принимать телепередачи любой станции мира прямо на свой домашний приемник!

Стражи погоды

Синоптики пока не умеют точно предсказывать погоду даже на два-три дня вперед, не говоря уже о двух-трех неделях или месяцах. А надо ли говорить, как это необходимо всем людям, в особенности тем, чей труд зависит от погоды? Отчего это происходит? Оттого, что земной шар огромен и большая часть его почти недоступна для метеонаблюдений — это океанские просторы, околополярные области, пустыни, горные массивы, верхние слои атмосферы. Сколько ни создавай метеостанций, полной картины все равно не получишь.

Вот так выглядит ураган, бушующий над морем, с космической высоты. Миллионы таких снимков делают сейчас метеоспутники над всей территорией земного шара.

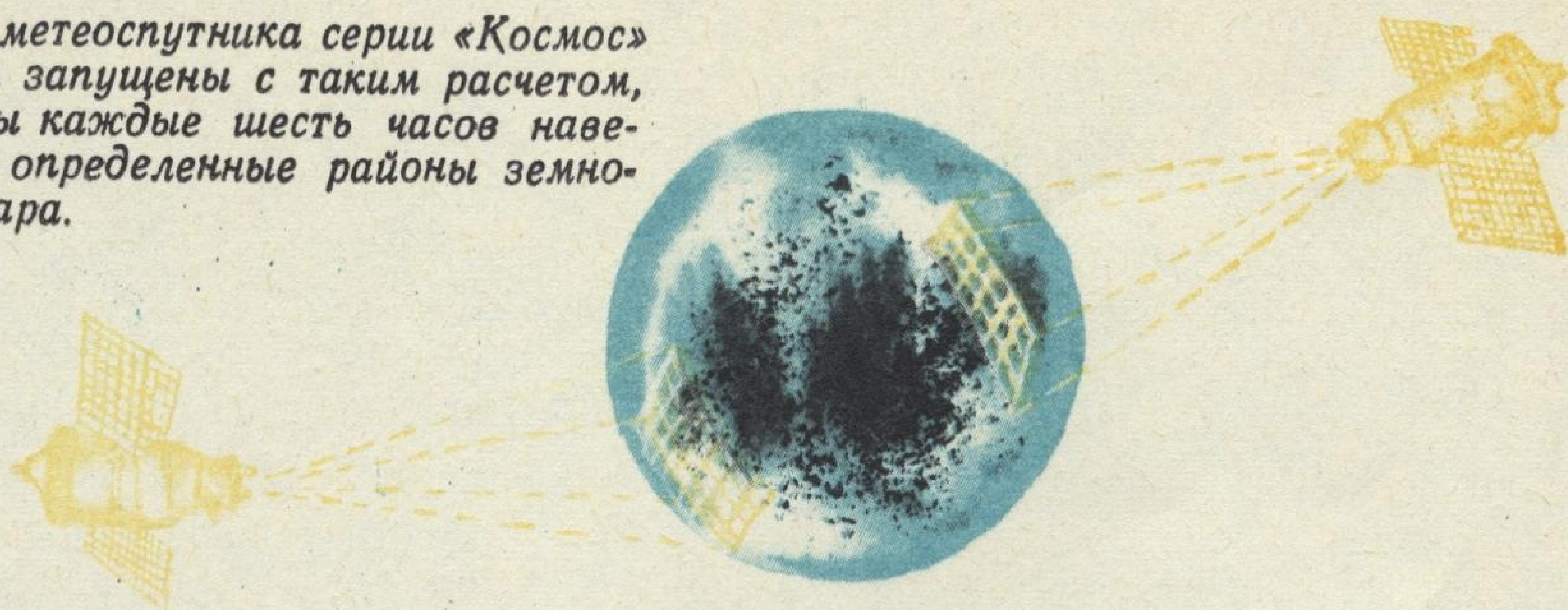
И тут на помощь приходят спутники.

С космических высот Земля выглядит не такой уж большой, и спутник «видит» чуть ли не половину земной поверхности. Не удивительно, что сделанные со спутников снимки облаков, укутывающих земной шар, очень скоро стали хлебом насущным для синоптиков. Ведь облака — точный указатель погоды.

Посмотри на фотографию. Поверхность Земли почти не видна: ее покрывают вихри, спирали, гряды облаков. Этот облачный покров и есть настоящая «кухня погоды», вот почему так важно получить всепланетные карты облаков. Синоптики составляют их из отдельных изображений, переданных со многих спутников.

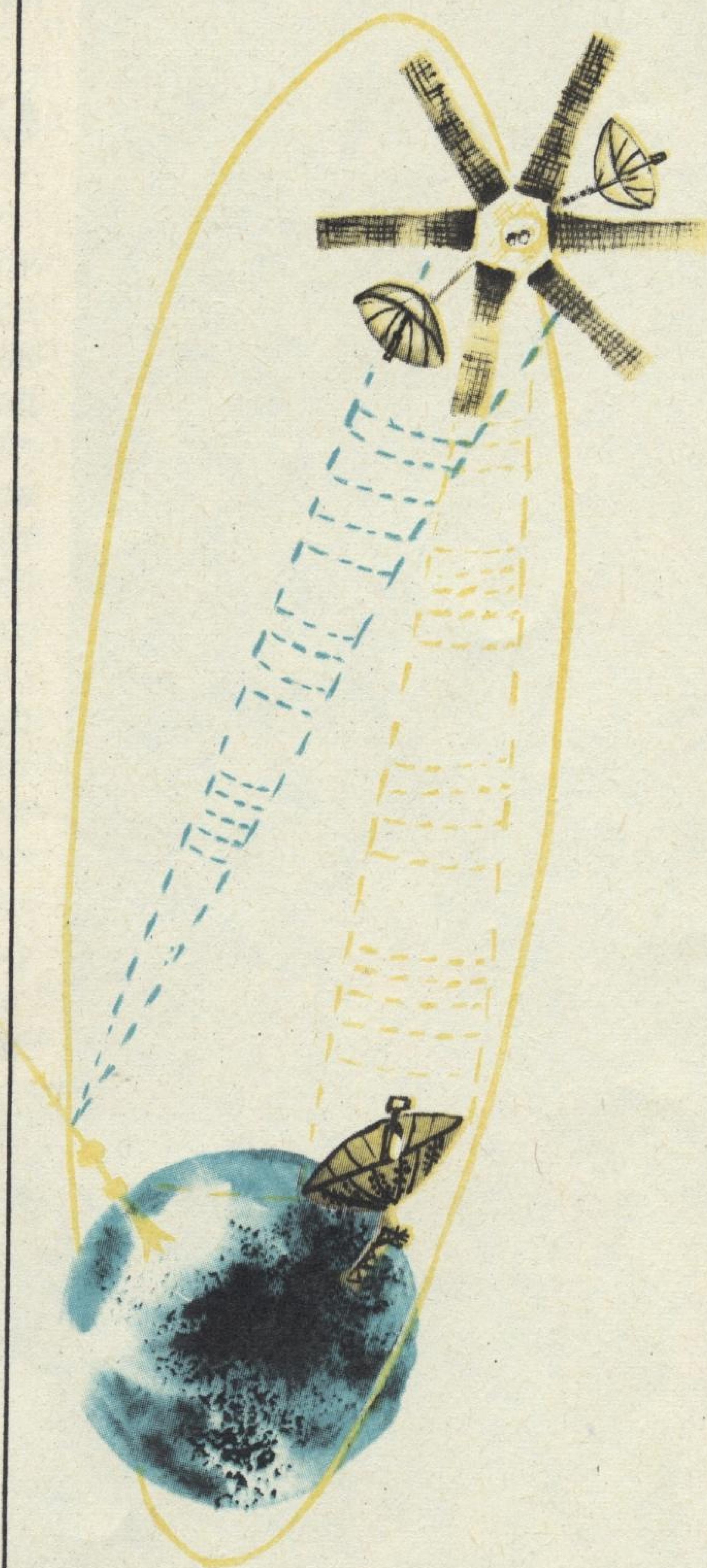
Уже четыре года действует советская космическая система «Метеор». Пролетая над Землей, спутники системы «Метеор» фотографируют облачный покров. Изображение записывается на магнитную ленту, а потом, при очередном пролете над приемным пунктом, передается на Землю.

Два метеоспутника серии «Космос» были запущены с таким расчетом, чтобы каждые шесть часов навещать определенные районы земного шара.

Спутники системы «Метеор» не раз сообщали о ледовой обстановке в устьях Оби и Лены, посылали важные для сельского хозяйства сведения о размерах снежного покрова на полях, предупреждали о рождении огромных вихрей в Кулундинской степи и еще о многом другом.

В 1967 году советский буксир «Маргелан» вел гигантский плавучий док из Черного моря на Дальний Восток, через восемь морей и Индийский океан. Рейс был очень трудным, длился три месяца и, возможно, закончился бы катастрофой, не приди на помощь советские метеоспутники. Они вовремя обнаружили зарождение тайфуна на пути каравана, хотя наземная метеослужба никаких сведений о нем еще не имела. Караван изменил курс и обошел страшный тайфун.

Спутник «Молния-1» сам, конечно, не ведет телевизионных передач. Он принимает сигналы с Земли и ретранслирует их на Сибирь и Дальний Восток.

Спутники-землемеры

В космосе побывали спутники самых разных специальностей: спутники-геологи, геодезисты, топографы, картографы...

Они помогли создать единую географическую карту Земли. До спутников карты были составлены примерно для половины земной поверхности. Уж очень это медленное и трудное дело. А спутники позволяют составлять и обновлять карты не через десять — пятнадцать лет, как прежде, а через один — три года. Спутники помогли определить точное положение открытых еще четыреста лет назад Бермудских островов. Они оказались на 66,88 метра севернее и на 31,92 метра западнее, чем было помечено на всех картах. А на карте Антарктиды космические картографы «передвинули» гору высотой в три километра на два градуса западнее, а один горный хребет полностью «ликвидировали».

Оказалось, что из космоса измерить Землю можно по крайней мере раз в десять точнее. Удалось уточнить так называемую фигуру Земли:

ведь это только для глобуса Земля — шар, на деле она похожа скорее на грушу.

Навигационные спутники указывают путь штурманам морских и воздушных кораблей. Спутники помогают работникам сельского хозяйства: сообщают о состоянии посевов на больших площадях, о влажности и засоленности почвы, помогают точнее определить сроки уборки урожая, сигнализируют о нападении вредителей на поля. Один из спутников, например, обнаружил огромную стаю саранчи. Есть спутники — помощники рыболовов, они указывают, где следует искать рыбные косяки.

Наблюдения из космоса, как видите, могут быть более полными, оперативными и точными, чем на самой Земле.

Первая орбитальная

Новый этап в этих исследованиях начат первой в мире советской орбитальной пилотируемой станцией «Салют». Транспортный космический корабль «Союз-11» доставил на борт станции ее экипаж — славных советских космонавтов, командира Георгия Тимофеевича Добровольского, бортинженера Владислава Николаевича Волкова и инженера-испытателя Виктора Ивановича Пацаева.

Посмотри на рисунок в начале статьи. Станция отличается от всех известных нам космических аппаратов своими огромными размерами и большой сложностью.

Большой объем «Салюта» позволил «начинить» станцию тоннами научной аппаратуры. Изнутри этот «космический дом» все больше напоминает уютное земное жилье: стоят столы и стулья, есть отдельные «комнаты» для работы и отдыха и даже миниатюрный «стадион» для физкультурных упражнений.

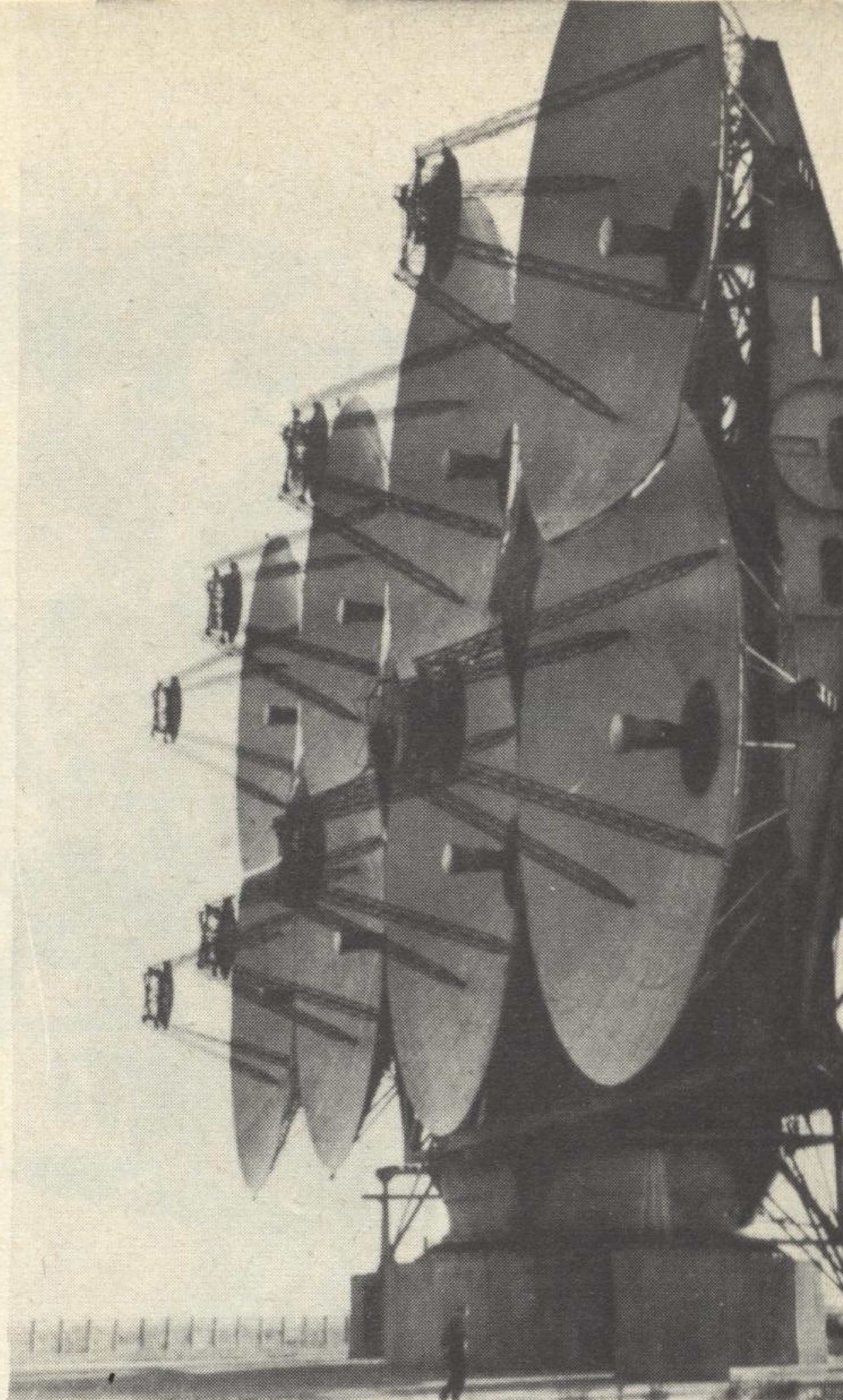
Чтобы уменьшить влияние невесомости на космонавтов, длительное время находящихся на орбите, для них была создана специальная космическая «спецодежда» — костюмы типа «пингвин». Эти костюмы дают мышцам тела некоторую дополнительную нагрузку, чтобы имитировать привычные «земные» нагрузки, вызываемые силой веса.

Мужественный экипаж «Салюта» полностью выполнил всю намеченную напряженную программу исследований. Целых двадцать четыре дня люди на Земле видели по телевидению и слышали по радио космонавтов, несших свою историческую космическую вахту. И когда, казалось, все уже позади, когда корабль «Союз-11», куда снова перешли космонавты со станции «Салют», приближался к Земле, произошло непоправимое. Космос еще раз показал, сколько неожиданных опасностей он таит. Гибель отважных космонавтов потрясла человечество. Их имена стали бессмертными, они навсегда вписаны в историю штурма космоса. Первопроходцы всегда рискуют жизнью ради прогресса и счастья людей.

Создание и работа первой орбитальной станции — замечательное достижение советской космонавтики.

Завод на орбите

В будущем на орбитах разместятся космические заводы — прежде всего те, где нужен идеальный вакуум. Создавать вакуум на Земле и поддерживать его очень не просто. Для этого создаются сложные и дорогие установки. А нужен он бывает нередко: при высококачественном литье, например, при выращивании сверхчистых кристаллов и в ряде других случаев. В самых новых, важных отраслях особая, острая нужда в вакууме. Вот почему некоторые заводы будут строиться именно в космосе, на околоземных орбитах: на Земле они окажутся либо вообще невозможными, либо уж очень дорогими.

Земля внимательно следит за своими спутниками с помощью таких вот антенн.

Космос — это безграничный океан вакуума, причем такого, о котором на Земле и не мечтают! Он совершенно лишен бактерий, а на Земле они кишмя кишат. И эта стерильность тоже клад для многих производств, в особенности тех, которые делают лекарства.

Ядерные и солнечные энергостанции тоже будут работать на орбитах. А рядом с ними по орбитам будут мчаться заводы-автоматы, требующие больших затрат энергии.

Практическая служба космоса людям уже сейчас становится частью наших государственных планов. В Директивах по новой пятилетке, принятых XXIV съездом КПСС, космическим помощникам посвящены специальные строки. С помощью спутников, говорится там, будут развиваться дальняя телефонно-телеграфная связь, телевидение, служба погоды, изучение природных ресурсов, решаться и другие народнохозяйственные задачи.

Н. МАКСИМЕНКО

НОВЫЕ ЗЕМЛИ Александра Кубова

Окончание

ПОВЕСТЬ

Рисунки Б. ПОЛЯНСКОГО.

Через несколько дней у меня был день рождения. В этот день у нас с Булей всегда было заведено так — гостей мы не звали, ведь это не только мой день рождения, но и день смерти моей матери, а Булиной дочки, но Буля всегда готовила мне что-нибудь, что я люблю. Помню, один раз, когда совсем уж ничего не было, Буля накопила корок от белого хлеба и сделала из них шарлотку, а сверху полила ее сладким, как патока, лекарством от печенки.

Но на этот раз Буля сказала, чтоб я обязательно позвал Джоанну (Буля называла ее Аня или Анюта). Я был уже незаразный и через неделю должен был идти в школу.

Я пошел к Джоанне нарочно, когда она была в школе, и подсунул под дверь записку: «Приходи завтра в 16.00. Будет настоящий пирог. С.».

И назавтра ровно в 16.00 пришла Джоанна и принесла мне Мориса в маленькой, хорошенькой клетке с ручкой, так что ее можно было носить везде с собой.

Еще утром, как только я проснулся, я увидел над своей кроватью картину. И это была не просто картина, а настоящее приключение: здесь был прекрасный парусный корабль, и на нем стояли рыцари в доспехах, и возвращались они, совершив великие открытия, и на носу стоял капитан (это, конечно, был я), а на обрыве (это, конечно же, наш обрыв) стоял прекрасный дворец, и принцесса, немножко похожая на Джоанну, держала под уздцы прекрасного белого коня в серых яблоках, конечно же, мне в подарок. И еще шла большая надпись: «Возвращение в родной дом знаменитого капитана Александра Кубова после того, как он совершил путешествие вокруг света и открыл новые земли. В день рождения дорогому тезке от бабушки Александры!!!»

Я лежал, блаженствовал в своей постели, и рассматривал картину, и вдыхал аромат печеного теста и яблочного повидла, когда Буля заглянула в комнату, и я соскочил, и бросился ей на шею, и стал ее мять, и тормошить, и слегка поддавать кулаками.

— Буля, когда ты успела нарисовать, а я ничего и не видел!

Буля освободилась от моих объятий и торжественно, по всей форме поздравила меня с днем рождения, а потом велела быстро одеваться — завтрак уже на столе. Я на бегу натянул шмотки и выскочил на кухню — на столе были горячие лепешки и яблочное повидло. Буля!

Мы с Булей позавтракали — она пила свой чай и съела всего пол-лепешечки и ни за что больше не хотела, а я хватал, обжигаясь, горячие лепешки, мазал их яблочным повидлом и запивал чаем.

А потом мы занялись делом. Я вымыл пол во всем доме, подмел во дворе и сложил всю ботву на огороде в одну кучу, и тут как раз настало 16.00, пришла Джоанна с Морисом. Почему-то она догадалась, что у меня день рождения, и поздравила меня, и мы дрессировали вместе Мориса, а потом Буля позвала нас пить чай с пирогом. Пирог был такой вкусный, и было так весело, я повел Джоанну смотреть Булину картину, и мы все решили, что Морис немножко похож на коня — у него такие же серые пятнышки.

А потом Джоанна рассказывала школьные дела и еще рассказала потрясающую новость: когда я болел (почему-то все случается или когда болеешь, или когда уедешь куда-нибудь!), в наш поселок приезжали археологи. Так вот эти археологи из Москвы, они еще приедут и будут искать клады по-научному. Мы с Джоанной говорили, что как было бы здорово, просто замечательно наняться к ним в кладоискатели, и они сначала не будут брать, будут говорить: «Пойдите еще поучитесь, а какие у вас отметки?» А тут мы,— ты только представь, Джоанна,— раздумывают они, брать нас к себе или не брать, а мы с тобой идем, тихонько откапываем тот слоновий горшочек с кладом и вдвоем еле-еле тащим прямо к начальнику: «Это вам подойдет?». Ну, у того глаза на лоб выкатились. Он всех зовет: «Вы только посмотрите, какой клад нашли эти товарищи. Придется их сделать главными кладоискателями!»

Мы были счастливы, да, мы были по-настоящему счастливы в тот день. Но в какую-то минуту тень набежала на глаза Джоанны.

— А знаешь, Санька, мы, может быть, уедем... навсегда...

— Куда же?

— На Урал.

И Джоанна стала мне рассказывать, что здесь они живут у бабушки — папиной мамы, и мама с ней часто ссорится, а у нее есть другая бабушка — мамина мама, и она зовет их к себе и что сначала мама не хотела ехать, потому что все ждала папу, но теперь он уже, наверно, не вернется, и мама говорит, поедем к той бабушке... Я слушал Джоанну, но смысл ее слов не доходил до меня или скорее был где-то в таком отдалении, как, например, конец света или моя собственная смерть...

А потом Буля позвала нас пить чай с пирогом.

Скоро приехал отец и тоже привез мне подарки. Во-первых, шоколад «Дирижабль» от Ксении Ивановны и два чудесных альбома для марок, такие небольшие, удобные — это уж он от себя.

И мы снова пили чай с остатками пирога, сначала, конечно, отец ел суп, и отец был такой веселый и задавал мне армянские загадки, а я ему сказал:

— Я тебе тоже загадаю армянскую загадку. Что такое: белое, в серых яблоках и прядает ушами?

Ну, и отец сказал:

— Конечно же, конь, больше некому быть.

А я с радостью закричал:

— А вот и нет, вот и нет, это Морис.

А отец говорит:

— Так, наверное, зовут коня?

Мы с Булей посмотрели друг на друга и засмеялись, и тогда я побежал в комнату, и полез под кровать, и достал клетку с Морисом, и показал его отцу, и нам всем было ужасно хорошо. Отец посадил меня, как маленького, к себе на колени, и положил подбородок на мое плечо, и крепко, как клещами, охватил меня, так что я не мог встать, и вдруг спросил меня:

— Александр, ответь мне, как мужчина мужчине, ты не будешь на меня сердиться, если я женюсь на Ксении Ивановне?

Я так был поражен, что прямо обомлел. Мне и в голову не приходил такой вариант. Но Буля почему-то совсем не была удивлена, и она просто-таки спасла меня, потому что я сам слова не мог из себя выдавить.

— Что ты, Леонтий, обижаешь сына таким вопросом, и он и я, конечно же, мы будем очень рады: Ксения Ивановна очень милая женщина, и ты заслужил свое счастье, а Александр уже не ребенок.

Первый раз Буля сказала, что я уже не ребенок, ну, конечно, мне сегодня исполнилось тринадцать лет.

*

Мы с Булей в тот вечер работали в огороде, а если сказать честно, то не работали, а стояли и наслаждались зрелищем. И было у нас тогда с Булей гордости, я думаю, не меньше, чем у суворовских солдат после того, как они перешли Чертов мост.

Мы стояли, только Буля не могла стоять так просто, она то веточку от помидора отщипнет, то плетение огуречное поправит. И так мы стояли и млели, а Буля меня и спрашивает:

— А помнишь, тезка, как тебе хотелось чего-нибудь вкусненького, а я тебе сказала: вырастет — тогда и будет вкусненькое. Ведь, небось, не верил тогда.

Мы оба засмеялись, и я даже не ответил Буле — зачем говорить, когда и так все понятно.

Буля готовила ужин отцу, а я безнадежно ломал голову над алгеброй, когда вдруг мы услышали на нашем пригорочке голос отца и еще кого-то. Этот «кто-то» оказался дядя Николай. Когда они вошли, сразу было видно, что они такие веселые и счастливые, как будто случилось что-то невероятное, ну, как если бы нашли сокровища Флинта.

Дядя Николай такой симпатичный, и я только сейчас рассмотрел, какой же он молодой, а ведь он — товарищ отца, и, наверное, ему лет столько же, сколько моему отцу. Но бьюсь об заклад, кто не знает, мог бы подумать, что это мой товарищ, а не отца. Он такой курчавый и загорелый, и из-под куртки у него виднеется тельняшка. Он сжал мне руку так, что я даже присел и ойкнул, а потом выжал меня за локти два раза и сказал:

— Давай, брат, заводи музыку, у нас сегодня праздник.

И отец сказал:

— Санька, бросай свои уроки, отметим, черт подери, это событие, ведь ты же сын корабельщика!

А событие было вот какое: оказывается, их завод сегодня спустил на воду первый починенный танкер, и они разбили об него бутылку настоящего шампанского.

Мы с Булей тоже так радовались, как будто это мы сами с ней отправили в плавание первый танкер, а не всего-навсего вырастили огород. И хотя мы уже ужинали, мы тоже сели за стол, и отец налил и мне и Буле красного вина, и мы чокнулись, и тут вдруг Буля соскочила с табуретки, стремглав бросилась в чуланчик и притащила два наших самых больших, наверно, по полкило, помидора, которыми мы собирались удивлять народ, и протянула один дяде Николаю, а другой отцу. Они, конечно, охали и восторгались Булиными способностями и говорили, что помидоры даже жалко разрезать.

Я снова сел за алгебру, Буля занялась своими делами, а отец с дядей Николаем сидели и разговаривали, вспоминали войну и какого-то Алешку и капитана Ивана Потапыча, и мне совсем не шла на ум эта чертова алгебра. Я все думал, какая у отца была долгая жизнь без меня, на фронте, сколько всего случалось. А у меня за это время ничего не случалось, просто я жил с Булей и сам не заметил, как вырос.

И тут на пороге появляется отец и говорит:

— Пойдем, Санька, с нами, одну вещь увидишь.

Я отбросил алгебру, и мы втроем — я, отец и дядя Николай — пошли на наш обрыв. Отец говорит мне:

— Вон туда смотри. — И показал налево к горизонту.

Я стал смотреть, а там в море скала такая длинная, как ящерица, закрывает от нас город, и ничего не видно — просто море было очень красивое. Солнце как раз только что село, и воздух был немножко фиолетовый, а море как будто перламутровое.

И вдруг отец посмотрел на свои часы, и как раз в эту секунду я увидел, что из-за носа скалы, как будто бы от скалы отделился кусочек, а это из-за нее выплыл пароход. Отец вдруг рванулся и схватил меня в охапку, а дядя Николай закричал:

— Ура! Слава нашему «Алексею Коробицыну»!

Это и был первый починенный ими и выпущенный в испытательное плавание танкер. А потом мы все трое стояли на обрыве, как будто отдавали военный салют «Алексею Коробицыну». И так мы стояли и стояли, и незаметно сразу стемнело, и воздух из фиолетового стал темно-темно-синим, и «Алексея Коробицына» уже почти не стало видно, только, если всматриваться так, что больно глазам, можно было еще увидеть медленно двигающееся пятнышко. И тут, когда его совсем не стало видно, вдруг на нем вспыхнули красные и желтые огоньки.

*

В понедельник я пошел в школу, и в понедельник же все и случилось. И подумать только, что я своими собственными руками дал этой толстой корове Надьке Кочкиной «Джека-Соломинку». Пристала, дай интересную книжку почитать, ну я ей и принес «Джека». Еще на первом уроке Надька меня спросила:

— Как ты там, в больнице, не скучал?

Но я и подумать не мог, что в этом вопросе хитрость, и говорю:

— Нет, ко мне приезжали.

И вот на большой перемене Надька встала на парту и закричала:

— Ребята, что я вам расскажу, послушайте!

И я, дурак, уши развесил, ничего не соображаю. Надька говорит:

— Вы знаете, почему наша Анька Каркачиди себе придумала имя Джоанна, она вовсе его не придумала, а взяла из вот этой книжки. — И Надька вытащила из парты «Джека-Соломинку» и помахала им над головой. — А Санька — Джек-Соломинка, ее жених, она к нему и в больницу ездила, чтоб он не скучал. И отец у него жених, и он сам жених.

Я так обомлел, что не стукнул Надьку вовремя, а теперь уже поздно было.

— Ты ведь, Сашенька, Джек-Соломинка, так?

И не знаю, что это со мной случилось, только я закричал:

— А вот не так, никогда я не называл себя Джеком-Соломинкой, это только Анька себя Джоанной называла, и никакой я не жених, а Надька Кочкина — толстая корова, и мать ее спекулянтка, не хочет в колхозе работать...

Я еще продолжал кричать, что Надька такая и сякая, но внутри у меня уже все похолодело, и холод поднимался к груди, и к рукам, и к голове, и немел язык, и тут я увидел, как Джоанна встала со своей «камчатки» и спокойно пошла по ряду прямо к нам. Никто больше не смеялся, все молчали, а она подошла прямо к нашей парте и как ни в чем не бывало говорит Надьке Кочкиной:

— Давай сюда книгу.

А на меня даже не взглянула. Надька Кочкина молча отдала ей книгу, и Джоанна опять пошла на свою «камчатку», и тут как раз прозвенел звонок, и вошел Пал Палыч, и все уселись на свои парты.

Я пришел домой сам не свой, мне даже не хотелось есть — возьму ложку и снова кладу ее. Буля посматривала на меня сверх очков, но ничего не спрашивала.

Нам с Булей предстояла важная работа: в следующее воскресенье у нас свадьба, и нам с Булей столько всего надо сделать, что просто ужас. Во-первых, Буле пришло в голову сделать копченую колбасу и копченую рыбу, и мы стали сооружать у нас во дворе коптильную печку. Буля, конечно, была мастер, а я на подхвате. Мы попросили у тети Веры десяточек кирпичей, Буля поручила мне раздобыть хороший крепкий ящик и кусок железной трубы. Ну, я побежал на свалку за магазином и нашел там ящик что надо, а трубы не нашел и заглянул к своему слоновьему горшочку: все-таки ужасно интересно, что там внутри, какое сокровище.

И я еще подумал: если бы я смог один его раскопать. Может, я бы не отдал все археологам, а хоть одну какую-нибудь штучку, хоть какое-нибудь там золотое ожерелье я бы оставил и отнес Джоанне. Она, конечно, не такая, чтобы за подарки помириться, но просто она бы так удивилась и спросила бы: «Где ты это взял?» А я бы спокойно ее спросил: «Может, ты предпочитаешь золотой гребешок с гладиаторами или фигурку писца?»

Я вернулся домой с ящиком, а трубы не нашел, и нам опять пришлось идти к тете Вере и брать у нее трубу от самовара. А нужна она была вот зачем: Буля всунула ее в дырку печки и замазала, а второй конец трубы сунула в ящик, только сначала мы там сделали полочки, как в кладовке. И получился у нас агрегат — чудо современной техники. Ты топишь печку, но так, чтоб было больше дыму, чем огня, а дым идет по самоварной трубе и заходит в ящик, а там на полках раскладывай любые товары и копти, сколько твоей душе угодно. Но только это не то что суп сварить или кашу — тут надо держать целый день, а то и два.

Тетя Вера стояла рядом, смотрела и все время ахала.

— Подумать только, городская женщина, а такие вещи знает, а мы-то всю жизнь прожили на рыбе. И ничего такого не знали.

И тетя Вера — она же всех здесь знала — договорилась с рыбаками, они продали Буле немного ставриды. Буля сначала вскипятила ее в соленой воде, а потом мы ее коптили, и она получилась такая вкусная, хоть Буля говорила, что она еще не готова, шкурка золотистая, жир прямо так и капает и так аппетитно пахнет копченым, что я, например, вполне бы мог съесть все один.

Так мы с Булей даже не заметили, как проскочила неделя.

*

А в следующий понедельник первый урок был история. Пал Палыч, как всегда, быстро-быстро делал перекличку и дошел до буквы «К» — Каркачиди, Кочкина, Кубов, как пулемет, тара-

торил он и тут вдруг остановился и взглянул на «камчатку».

— Каркачиди, где Каркачиди? Заболела?

— Они уехали на Урал! — закричали все в классе, и, кажется, я один только этого не знал. Я незаметно оглянулся и посмотрел на «камчатку». Пал Палыч сказал:

— Каркачиди уехала? Жаль, талантливая голова ушла из нашего класса.

И тут Пал Палыч вдруг замолчал, и подошел к окну, и вынул портсигар, а мы и не знали, что он курит, и вынул немецкую зажигалку и закурил прямо в классе. Стоял там и смотрел в окно, а потом загасил папиросу о подоконник и сказал:

— Эх, Каркачиди, Каркачиди, даже не зашла попрощаться. Ну ладно, начинаем урок.

А я поднял руку, и Палыч спросил:

— Тебе чего?

И я сказал:

— Можно выйти?

И Палыч вдруг посмотрел на меня быстро, и еще посмотрел, и сказал:

— Ты еще не совсем здоров, забирай портфель и уходи домой.

И я послушно взял портфель, хотя, конечно, был совсем здоров, и пошел. А в дверях обернулся и сказал «До свиданья!», но никого не видел, вышел из двери и шел тихо-тихо по коридору, не зная, зачем я ушел, и так же тихо вышел из школы. Но когда дошел до дороги, повернул сразу в другую сторону и побежал, побежал в деревню Васильевку, где жила Джоанна. Зачем я бежал, я и сам тогда не знал, но так бежал, что никогда так не бегал даже на физкультуре, и у меня так закололо в левом боку и так заболело горло, что я не мог уже дышать. Я подбежал к последнему дому, к Джоанниному дому, и когда увидел, что дверь открыта, у меня чуть не лопнуло все внутри, я решил, что она еще не уехала, и я так буду просить прощения, совсем забуду про всякую гордость, буду просить прощения, и, может быть, она простит меня. Но я совсем забыл, что ведь ее бабушка-то осталась, папина мама, а Джоанна уехала. Это я сразу понял, когда толкнул дверь, и, как псих, влетел в комнату, и увидел ее бабушку, она подметала пустую комнату, и я влетел прямо в кучу мусора, в Джоаннины старые тетрадки, и блокнотики, и промокашки. Я ничего не сказал бабушке и ничего не спросил, а повернулся и пошел обратно. И тут я увидел на дороге свежую колею от грузовика. Ночью был дождь, и в глине отпечатались аккуратненькие квадратики от шин.

В воскресенье у нас была свадьба. Рано утром отец поехал в город за Ксенией Ивановной. Мы с Булей в этот день сбились с ног, хотя про Булю можно было сказать, что она всю эту неделю сбивалась с ног, и непонятно, на чем сейчас стоит. У Були все уже было готово и, оказывается, ничего не готово. Табуреток не хватает. Стол маленький. Чтобы собрать нужное количество табуреток, я обегал всех соседей. За посудой Буля пошла сама к тете Вере и сказала мне, что хочет посоветоваться, не обидятся ли отец и Ксения Ивановна, если она пригласит и тетю Веру и тетю Марусю Кочкину (это мать Надьки Кочкиной). С соседями надо жить дружно, и должна быть не такая дружба, как у волка с лисой, а настоящая, душевная, чтоб делить и хорошее и плохое.

Я, конечно, не возражал, хотя мне не очень-то хотелось видеть на нашей свадьбе мать Надьки Кочкиной, но я думал сейчас не о дружбе с соседями, а о том, что тетя Вера и тетя Маруся Кочкина помогут Буле, а мне, я знаю, Буля не доверит мыть чужую посуду.

Вот наконец у нас все готово. Стол мы поставили во дворе, вернее, не стол, а три стола (притащили тетин Верин и тети Маруси Кочкиной), накрыли белыми скатертями, а один простыней, но все было так тесно заставлено едой, что и не видно совсем, что это простыня. Посередине красовалась колбаса Булиного изготовления, и пироги, и баклажанная икра, а огурцов и помидоров так прямо горы, и стояло настоящее покупное вино, не считая того, что тетя Вера и тетя Маруся Кочкина принесли еще свое домашнее вино, один сорт — из винограда, а другой — из яблок.

Но это еще не все. Разве Буля могла обойтись без неожиданного! В конце обеда Буля собиралась подарить отцу и Ксении Ивановне свой главный сюрприз — огромный пирог, чудо кулинарного и художественного Булиного искусства. Он стоял до поры до времени в комнате на круглой доске, которую мы с Булей сбили и зачистили специально для этого пирога. Еще со вчерашнего дня весь поселок приходил дивиться на это чудо. Но секрет знали только мы с Булей. Пекся-то он не сразу, а сначала мы с Булей начертили чертеж пирога в натуральную величину, а потом чертеж разрезали на части, и Буля пекла пирог по частям, а потом уж составила вместе, и он так крепко пригнался, что никто не догадался об этом, и все только удивлялись, как же печь такой пирог, когда он не влезает в духовку.

И вот, наконец, приехал отец с Ксенией Ивановной, и все гости, и дядя Николай, которому я ужасно обрадовался. Ксения Ивановна была в голубом платье, черные косы уложены на голове, как корона, и отец был в новой белой рубашке и все время смеялся. Все сели за стол, и хвалили угощение, и говорили, какая Александра Васильевна хозяйка. Выпили, как полагается, за здоровье молодых, и я тоже выпил, мне налили шипучего яблочного, а дядя Николай, который сидел рядом со мной, говорил, что это настоящий яблочный сидр и что точно такой пьют французы.

Говорили все сразу, было очень шумно и весело, желали счастья и отцу, и Ксении Ивановне, и Буле, и мне, а отец и Ксения Ивановна желали счастья всем гостям и пили за мир во всем мире, и за счастье всех людей, и чтоб никогда больше не было войны. Буля с другого конца длинного стола строго посматривала на

Буля сначала вскипятила рыбу в соленой воде, а потом мы ее коптили.

меня, когда я уже в третий раз подливал себе яблочного сидра, и я видел, что она сердится, но у меня вдруг стало такое хорошее настроение, в первый раз за все эти дни я вдруг почувствовал, что мне легко-легко, и хотелось петь и смеяться, и все вокруг были такие веселые. А потом завели патефон, и я хотел идти танцевать, но дядя Николай крепко схватил меня за руку, притянул к себе и зажал между колен, как маленького, но я не рассердился: он такой хороший, и я по нему ужасно соскучился.

Он меня стал спрашивать, собираю ли я марки, а я сказал, что собираю, но ни одной новой пока не собрал, потому что тут никто не собирает и меняться не с кем.

— Ну, а чем же ты сейчас увлекаешься? — спросил дядя Николай.

— Морисом.

— Морисом? Что это за зверь?

— Это... это конь.

— Конь?

— Да, конь, белый, в серых яблоках, и он шевелит ушами и дергает носом, и его держит под уздцы принцесса, она мне его подарила и к нему такую чудную клетку с ручкой, чтобы можно было носить с собой.

Дядя Николай так странно посмотрел на меня и пригладил мне вихры.

— Не пей больше яблочного вина, пойди проветрись немного.

Я пошел. Пошел я, взял клетку с Морисом, сел на обрыв, а Мориса выпустил из клетки, и он скакал по мне, он же стал совсем-совсем ручной, и мне уже не было весело, а, наоборот, сами собой навертывались слезы. Я боялся расплакаться и стал часто-часто моргать глазами, а потом стал смотреть на море. Оно было темно-синим, почти черным — настоящее Черное море, как на Булиной картине, а вон там, далеко, какой-то пароход. Сейчас он приблизится. Это бе-

лый парусник, а на носу стоит капитан в бархатной куртке и в шляпе с пером и курит трубку... Мы подплываем, нас встречает много-много лодок, все нас приветствуют, кричат «ура!», а на берегу стоит Джоанна и держит под уздцы Мориса, а кругом генуэзцы. Это же настоящий генуэзский порт. Тут я вдруг вспомнил про свой клад, про свой слоновий горшочек и решил, что я лучше сначала выкопаю его сам и посмотрю, что там внутри, и отнесу археологам, а их начальник возьмет меня к себе главным кладоискателем.

Я так сидел, сидел и просидел, наверное, долго, даже, кажется, заснул, потому что помню, как неожиданно прозвучал у меня над головой голос отца:

— Саня, Саня, пойди попрощайся, гости уходят.

Я потянулся и встал. Морису, видно, надоело прыгать, и он залез и сидел в клетке, хоть она была открыта. Я пошел прощаться с гостями, и мы втроем с отцом и Ксенией Ивановной провожали всех до автобуса. Гости меня обнимали и целовали, а мне было неудобно, потому что в одной руке у меня была клетка с Морисом.

Мы вернулись домой, я буквально спал на ходу, но завтра, слава богу, не надо идти в школу, потому что я отпросился еще в субботу. Завтра отец и Ксения Ивановна уезжают в отпуск на целый месяц к ее родителям в Харьков.

Тетя Вера и тетя Маруся Кочкина убирали со стола посуду и складывали на тарелки остатки большого пирога, а я даже и не увидел, удивился ли отец этому пирогу и была ли довольна Ксения Ивановна. Буля сидела на табуретке, но все порывалась встать, а тетя Вера и тетя Маруся Кочкина снова ее усаживали и говорили, чтоб она легла, что у нее неважный вид. Я вспомнил Булины взгляды через стол, когда я потягивал шипучее яблочное вино, и боялся разговора, но Буля ничего не сказала, может быть, потому, что мы вошли в кухню втроем, и Ксения Ивановна обняла меня за плечи.

А наутро мы завтракали вчетвером. И не на кухне, как всегда, а в комнате. На Ксении Ивановне был длинный блестящий халат с синими и красными большущими цветами, и косы лежали так же короной. Я удивился, что дома надевают такую дворянскую роскошь, как в театре. Моя Буля всегда ходила в темно-синем сарафане, который сшила еще в войну из отцовских брюк, а внизу у нее была моя старая лыжная куртка. Тут я посмотрел на Булю и увидел, что на ней вовсе не лыжная куртка: под сарафаном у нее новенькая белая кофта с лежачим воротничком, как на школьной форме, и даже пристегнута брошка-собачка в красную крапинку. Я спросил Ксению Ивановну:

— А вы заметили на бабушке новую кофту, это она сама сшила.

Буля непонятно как-то посмотрела на меня, а Ксения Ивановна рассмеялась. Потом мы собирали в дорогу Ксению Ивановну и отца, собирала, конечно, Буля, а я крутился у нее под ногами. Поезд уходил поздно вечером, и отец говорил, что нам не надо ехать провожать: как мы ночью домой будем возвращаться? Но мы все-таки поехали.

И вот мы уже распрощались, и Буля велела отцу написать сразу, как только приедут, и уже велели провожающим покинуть вагон.

Поезд ушел. Мы с Булей побрели на автобус. В автобусе было битком набито народу, и он как назло еле-еле тащился и долго стоял на каждой остановке. Я видел, что Буля устала и ей не по себе, и хотел, чтоб кто-нибудь уступил место, но стеснялся попросить и только гипнотизировал взглядом одного дядьку, чтоб внушить ему мысль на расстоянии, что надо встать и уступить место старой женщине, которая к тому же плохо себя чувствует. Но мысль не внушалась.

И когда мы наконец доехали и поднялись на свою горку и Буля взялась рукой за калитку, я испугался, что ей будет так же плохо, как в тот раз, когда мы ехали из больницы. Но ничего. Буля только постояла немного, и мы пошли снова и сразу без чая легли спать.

А ночью Буля меня разбудила. Я сначала ничего не мог понять и совсем запутался в темноте: ведь электричество у нас выключают в двенадцать часов, — пока наконец не зажег фитилек с постным маслом. Тогда я подбежал к Буле, и мне показалось, что у нее все лицо черное, но это просто свет был такой. Буля держалась за грудь и показывала рукой на швейную машину, а я не мог взять в толк, при чем здесь швейная машина, пока наконец Буля каким-то не своим голосом прохрипела: «Ящик».

И тогда я сразу вспомнил, что Буля держит свои лекарства в ящике для ниток. Я схватил ящик, да так, что он у меня весь выдвинулся и полетел на пол, по полу покатились катушки, но пузырек с каплями, слава богу, не разбился. Я выбежал на кухню за стаканом, но увидал, что Буля машет рукой, подбежал к ней — она пыталась что-то сказать, но я не понимал что; наконец я понял слово «маленькие» и бросился снова к машине, встал на четвереньки и стал раскидывать тряпочки и нитки и нашел маленькую стеклянную пробирочку, а в ней таблетки, хотел дать Буле несколько, но Буля выпила только одну. Может разве помочь одна такая малюсенькая таблетка? Но Буле почти сразу стало легче.

И она сказала мне:

— Пойди за тетей Верой.

Я побежал к тете Вере, она жила рядом, через два дома, постучал в окошко и закричал:

— Тетя Вера, бабушке плохо!

Тетя Вера вышла почти что сразу, в одной рубашке, а сверху ватник, и мы побежали снова к нам, и тетя Вера все повторяла:

— Я так и знала, что этим кончится.

Потом у калитки она вдруг остановилась и сказала мне:

— Знаешь что, не теряй времени, беги в поссовет, там сторож, скажи, что бабушка умирает, пусть звонит в город, вызывает «Скорую помощь».

Когда я прибежал домой, у нас сидела не одна тетя Вера, а еще и другие соседки. Я подбежал к Буле, но говорить не мог, задыхался, а тетя Вера и не спрашивала, вызвал ли я «Скорую помощь». Я сел на край Булиной кровати и взял ее руку в свою и вдруг ощутил, что Булина рука такая холодная и тяжелая, и жуткая мысль пришла в голову. Но Булино лицо было живое. И она как-то странно двигала бровями, будто разговаривала сама с собой и чему-то удивлялась. Я услышал, что кто-то из соседок сказал: «Началась агония». Я знал, что это значит. Но этого не может быть! Она же не болела. Это просто приступ, он пройдет. Сейчас приедет врач.

Я бросился к дверям посмотреть, не едет ли «Скорая помощь», но тетя Вера остановила меня и сказала:

— Не суетись, Саша, попрощайся с бабушкой, она умирает.

Я снова подошел и сел на Булину кровать. Веки ее вздрагивали, как будто она силилась, но не могла раскрыть глаза. Я взял ее холодные пальцы и стал растирать их и дышать на них. Тетя Маруся Кочкина сказала:

— Она уже ничего не чувствует.

Но я не верил, ни за что не хотел верить, что Буля может умереть и даже не попрощаться со мной и я не успею ей ничего сказать.

Буля, бабушка, чем ты была для меня! Я не могу, не могу без тебя, просто даже не знаю, как же я буду без тебя жить!

И я почувствовал, как Буля чуть-чуть сжала мою руку.

Когда приехала «Скорая помощь», Буля была уже совсем, совсем мертвая, я это уже видел, а все-таки надеялся, вдруг доктор сделает какой-нибудь укол.

Но доктор даже не стала раскрывать своего чемоданчика. Она вошла, взглянула на Булину кровать и сразу спросила, кто тут ближайшие родственники, а тетя Вера стала ей все объяснять про Булю, про меня и про отца, а потом стала говорить, что она так и думала, что так кончится, потому что Александра Васильевна вот нисколечко о себе не думала, и ей было уже очень, очень плохо еще когда была свадьба, но она не хотела им портить настроение.

Но доктор ее перебила и строго сказала:

— Теперь уже ей ничем не поможешь, лучше подумайте о мальчике и как все организовать. Кто будет заниматься похоронами?

Тут вмешалась тетя Маруся Кочкина и сказала:

— То-то и оно, что некому. Я говорю, надо зятя вызвать, как же еще-то.

Тетя Вера и тетя Маруся Кочкина стали спорить, нужно ли вызывать моего отца и Ксению Ивановну или нет. Тетя Маруся Кочкина мне и говорит:

— Ты-то что молчишь, как воды в рот набрал, тебя разве не касается?

А тетя Вера ей говорит:

— Отстань от него, Маруся. Я тебе дело говорю, посчитай-ка — ты сама знаешь, как телеграммы сейчас ходят, — когда они получат, еще когда билет достанут и доедут. Зачем же людей зря срывать с места, небось, всю войну без отпусков воевал. Мы с тобой все и сделаем, а потом уж пропишем в письме.

— Сделаем, сделаем, а деньги-то кто даст?

— А, вот чего тебя беспокоит, ну, ты, Маруська, как есть кулачка! Да были бы у меня, я б все сама дала. Что ж ты думаешь, что Леня-то с Ксеней не отдадут!

— Отдадут не отдадут, да лишних-то нет.

Тетя Вера вдруг замолчала, потом говорит:

— Нехорошо так, Маруся... — И опять заплакала. — У меня завтра получка, я все отдам, а если не хватит, ты уж добавишь.

Я вроде и слышал каждое слово, что они говорили, но до меня не доходило, а тут вдруг дошло, что они о деньгах заспорили, и я сказал:

— У нас есть деньги, вот здесь. — И я подошел к швейной машине и выдвинул тот ящик, где у Були лекарства лежали, — там с краю лежала железная коробочка из-под чая. Я отдал ее тете Вере, а она открыла и говорит:

— Тут только двести рублей, тебе еще жить и жить до приезда отца. Да ты об этом не думай, Саша, деньги — это ерунда...

Булю похоронили, а тетя Вера так и не пошла к себе, она осталась жить у нас и сказала:

— Сдам тебя с рук на руки отцу.

В поселке была горячая пора — все убирали свои огороды, варили варенье и всякое такое, и я сказал тете Вере:

— Тетя Вера, не думайте, что я маленький, я вполне могу быть один, а вы идите к себе и варите варенье.

Тетя Вера сказала, что никуда она не пойдет, но что верно, то верно — надо нам убрать огород, а то бабушка трудилась, портила себе здоровье... И тетя Вера захлюпала и высморкалась в передник.

Я даже не мог подумать подойти к огородной калитке, ну вот не мог, и все тут. И я сказал:

— Давайте мы сначала у вас все сделаем, а потом у нас.

Тетя Вера посмотрела на меня и протянула:

— Ну, ла-а-дно.

И мы каждый день, как тетя Вера приходила с работы, отправлялись к ней. У нее был маленький сад и яблони совсем крошечные, но яблок на них полно. Мы собирали яблоки и самые хорошие, крепкие заворачивали в старые газеты и складывали рядами на полке в сарайчике, а те, которые с червоточинкой, мы бросали в большой таз.

Потом тетя Вера прямо тут же на улице поставила на ребро два кирпича, а я собрал сухие яблоневые ветки и огуречные плети и подкладывал все это под таз между кирпичами понемножку, чтобы не было дыма, а то варенье так дымом провоняет, что и есть не захочешь.

Тетя Вера все говорила:

— Ну, все уже у меня поделано, теперь к вам пошли, а то дожди зарядят, и помидоры погниют.

А я оттягивал и говорил:

— Как же, тетя Вера, участок надо убрать.

Хватал грабли и начинал сгребать оставшуюся ботву.

В конце концов тетя Вера вздохнула и сказала:

— Вот что, Александр, хватит тебе бабьими делами заниматься, давай-ка за ум берись, а на вашем огороде я сама все поделаю — невелика работа.

В то утро рано-рано, еще тетя Вера не вставала на работу, я услышал у самого дома шум грузовика и выскочил на улицу, почему-то я подумал, может, это отец вернулся. У нашего дома разгружались какие-то люди. Они сказали:

— Пойди спроси у родителей, не помешает ли хозяевам, если мы поставим свой лагерь прямо за вашим домом.

Я сказал, что пока я за хозяина, родители уехали, что палатка не помешает, а кто они, не археологи?

Да, это были археологи. Я долго не думал. Натянул шаровары, схватил в сарае лопату и помчался к оврагу, к своему заветному местечку, где зарыт слоновий горшочек. Подумать только, я даже и не прикрыл его как следует, может, они сегодня же нашли бы мой клад, а я что, с носом? Пойди тогда докажи им, что я умею клады искать. Не теряя времени, я стал откапывать свой горшок, но вот дело — куда ни ткну лопатой, она все натыкается на твердое. Что же в самом деле за горшок, с дом, что ли? Я переменил тактику: стал срезать землю тонкими пластами не вглубь, а по поверхности. Но лопатой здесь не поработаешь, нужен инструмент поделикатней. На счастье, за магазином была свалка, и я нашел проржавевшую крышку то ли от кастрюли, то ли от детского горшка — не бог весть какой инструмент, но надо спешить. Я так пыхтел и здорово, видно, увлекся, если ничегошеньки не слышал и не видел, а не так-то легко было подступиться ко мне, как вдруг — гром среди ясного дня! — кто-то схватил меня за ухо, да так — черт тебя дери — я никогда и не думал, что можно так больно схватить за ухо, у меня аж заломило всю голову. Наконец пальцы, а скорее было бы сказать, тиски железные, разжались, и тут послышался голос, такой голосочек, что ни дать ни взять за своим добром явился сам хозяин-великан.

— Ты что же, воришка, у нас из-под носа хочешь наши находки утянуть?

Я наконец смог перевернуться на сто восемьдесят градусов на узкой тропиночке. Так и есть! Точно, великан, да, пожалуй, он не брезгует и человечинкой. Рост такой, что ему только телеграфные столбы чинить, бородища рыжая, носище — семерым рос, ручищи — ему бы не за уши хватать, а подковы гнуть! Я, видно, здорово разозлился, когда я очень злюсь, я спокойным-спокойным становлюсь, вот и говорю я ему спокойненько:

— Так, значит, вы говорите, это ваша находка! Скажите-ка мне, когда вы это нашли? — Я сразу понял, что это археолог. — Может, вы застолбили это место, забором обнесли, сторожа поставили, ярлычок повесили — музейная вещь, экспонаты руками не трогать?

Видно, рыжий здорово опешил. Он молчал, на меня поглядывая, а потом как захохочет. Я говорю:

— Потише смейтесь, а то мой горшочек лопнет.

— Так значит, это твой горшочек? — говорит.

— Ясно мой, а чей же еще?

— Ну, ну, ты, значит, профессионал, а я, — говорит, — сразу не понял, я думал, это любитель тут копается, страсть не люблю любителей, но ты, я вижу, к ним не относишься, ты, значит, прежде меня сообразил пробежаться по этому овражку?

— Ясное дело, — говорю, — вы будете сто лет копать, пока до чего-нибудь докопаетесь, а тут ведь как будто нарочно разрезали поперек, я и подумал: какой-нибудь хвостик да вылезет.

— Ну, ну, — опять говорит рыжий, — и давно ты этим занимаешься?

— А я «этим» не занимаюсь, я марки собирал и то бросил, не с кем меняться, а просто у меня глаз насквозный.

— Интересно, что это? Я не слышал.

— Не слышали, а зря, такие люди для вашей профессии во как нужны. Глаз насквозный, это значит, я вижу насквозь, через землю.

— Ну, брат, здорово ты себя рекламируешь, как цыган лошадь.

Он, черт рыжий, хитрый такой, сразу понял, что я к ним хочу, ну, и приврал немного, насчет насквозного глаза, я только знал, что такой бывает. Он, пока со мной разговаривал, все рассмотрел, даже наклонился, камешек какой-то с тропинки поднял.

— Ладно, брат, пойдем, ребят позовем, твоим инструментом здесь не раскопаешь.

И он так серьезно взял своими ручищами мою крышку и осмотрел ее со всех сторон, будто это на самом деле был какой-то интересный инструмент.

— Нет, не откопаешь этим, — повторил он, вздохнул так, будто очень сожалел о том, что не откопаешь этим инструментом, и швырнул крышку в овраг.

Мы уже совсем подошли к нашему пригорочку, у калитки стояла тетя Вера.

— Ага, мы, значит, ближайшие соседи, — сказал рыжий, — тем более, заходи по-соседски на чашку чая, и дело заодно обсудим. Тебе ведь, наверное, не хотелось бы, чтоб без тебя горшок этот выкопали? А? А как горшок такой называется, знаешь? А дом твой хо-о-рош! — Он задрал бороду чуть не в небо. — Он случайно в прошлом не был приютом пиратов?

У меня екнуло сердце, когда он так сказал, но я, конечно, промолчал. Я повернул к дому, а рыжий крикнул мне вдогонку:

— Сразу после школы являйся!

Я кивнул. На столе уже стыл завтрак, я быстро заглотал его и схватил портфель.

Уроки пролетели, я и не заметил как. Я все думал об археологах и об этом рыжем: возьмут меня или нет?

После школы я, конечно, бегом. За нашим домом уже две палатки стояли, парень какой-то возился около треноги, на ней котел закопченный, а парень тушенку большим ножом открывает.

— А где ваши все?

— А тебе кого?

— Ну, хоть того, с бородой.

— Александра Григорьевича. А ты кто?

— А я здесь живу.

— Ах, так это ты пифос нашел. А они все там, в овраге. Копают твой пифос.

Я помчался по оврагу. Что же это он, в самом деле, слово не держит! Но, оказывается, они еще не начинали копать этот самый пифос. Они только сделали вокруг площадку, чтоб удобно было стоять, и по бокам горшка землю отковыряли, так что теперь стало видно, какой величины этот горшок, пожалуй, что не меньше меня ростом будет. Я подошел к ним, и рыжий бородач, то есть Александр Григорьевич, увидел меня.

— Вот, рекомендую,— сказал он своим всем.— Как, коллега, тебя звать, мы утром забыли познакомиться?

— Александр Кубов.

— Вот знакомьтесь, Александр Кубов, тезка мой, значит. А я Александр Григорьич.

Я полез в портфель и достал финку.

— А такой инструмент годится?

Он даже ахнул.

— Ну и ну! А у тебя есть разрешение на ношение холодного оружия?

— Это немецкая. Я в подвале нашел, когда мы еще в городе жили.

— Ах, нашел! Я смотрю, ты действительно профессиональный кладоискатель. У тебя действительно глаз... Как ты говорил?— И он обратился к своим:— А вы знаете, коллеги, какого ценного сотрудника мы приобретаем? Он видит сквозь землю и может все что угодно найти.

Я уже понял, что он вроде говорит серьезно, а сам шутит. Но как он сказал насчет сотрудника, серьезно или тоже шутил?

— Дядя Саша, а вы правда возьмете меня работать?

Тут он прямо рассвирепел.

— Какой я тебе дядя! Я твой начальник, а не дядя!

Мне стало ужасно стыдно за свою глупую привычку звать всех «дядя» или «тетя», и я решил, что никого так больше звать не буду. Но зато я был рад, потому что он сказал, что он мой начальник, и сейчас я видел, что он не шутит.

Александр Григорьевич что-то объяснял и показывал своим, а потом спрашивает меня:

— Тезка, ты рисовать умеешь?

— Ни чуточки.

— Да мне не надо, чтоб ты замки сказочные рисовал. Вот, — и он протянул мне лист бумаги и карандаш,— попробуй нарисуй свою бухту, как расположен в ней поселок, как овраг идет и где мы находимся.

— План нужен? Так бы и сказали, а то рисовать...

Я столько раз представлял в уме нашу бухту, и где у генуэзцев мог быть причал и где их поселок, что с закрытыми глазами мог бы нарисовать план.

Так я начал работать с археологами, и до конца дня я их всех уже хорошо знал и знал, что сейчас они приехали делать только пробный раскоп, чтобы узнать, стоит ли вообще здесь копать, а по-настоящему приедут летом и будут брать на работу много народу.

Узнал я и то, что Александру Григорьевичу все про меня известно, и, когда я спросил, откуда он знает, он серьезно ответил:

— А у меня глаз насквозный, почти что как у тебя.

Потом, когда мы раскопали этот самый, как они говорят, пифос и в нем никакого клада не оказалось, я был ужасно разочарован.

А Александр Григорьевич мне и говорит:

— Тезка, ты хоть знаешь, что такое пифос и для чего эта штука? Это просто бочка, обыкновенная житейская бочка, в них люди держали зерно. Например, вот в такой бочке сидел Диоген, а если бы галлы изобрели раньше деревянную бочку, то резонанс был бы уже не тот.

— Обыкновенная бочка! Да стоило из-за обыкновенной бочки огород городить, если генуэзцы в ней всего-навсего...

— Генуэзцы, ты говоришь, генуэзцы! Эх, тезка! Да понял ли ты сам, что ты нашел? Какие же генуэзцы! Это же древние греки! На пятьсот лет раньше. Ты понимаешь? Эта самая простая бочка интереснее нам, чем если б она была из чистого золота. Может быть, мы откроем здесь поселение древних греков, о котором еще никто не знает. А ты говоришь: генуэзцы!

Кое-что до меня начало доходить. Хорошо еще, что Александр Григорьевич не обозвал меня любителем. Вот что значит знать такие на первый взгляд пустяковые вещи, как история обыкновенной бочки. Для них для всех — теперь-то стало мне понятно — этот самый пифос вроде как знак был, что, мол, здесь ищите, а я, как попугай, болтал о кладе, ничего-то не понимая.

Вечером сели мы с тетей Верой чай пить, а она мне и говорит:

— Заходил ко мне рыжий этот, Александр Григорьевич, что ли? Говорит, что хочет тебя оформить на работу.— И тут вдруг ни с того ни с сего тетя Вера захлопотала, завертелась на табуретке, вытащила из-под себя платок, высморкалась и начала причитать: — Вот что значит без бабушки остаться, отцы, они что, им лишь бы скорей кусок хлеба зарабатывал!

Я прямо обалдел.

— Тетя Вера! — закричал я.— Что это вы говорите, какой кусок хлеба! Вы же знаете, что отец и не знает даже ничего, просто мне хочется, мне хочется, вот и все, а школа тут ни при чем, они же только на две недели приехали, что, я не могу вечером, что ли, уроки делать!

Тетя Вера успокоилась, да, видно, она это так просто наговорила — нервы сдали.

Назавтра было воскресенье, не надо было делать уроки, и я пошел в гости к археологам. Идти-то было недалеко: вышел в боковую калиточку, два шага шагнул и — в палатке. Вошел я в палатку и врос в землю, как каменный столб. Сидят в кружок на земле люди, один голову поднял, и я смотрю — пират, настоящий пират с нашей вывески: глаз завязан черной повязкой, шляпа соломенная с большущими полями и шрам через всю щеку. А второй тоже голову поднял — турок какой-то, что ли, или багдадский вор? Чалма на голове, борода рыжая, а усы черные. Этого-то я сразу узнал: Александр Григорьевич полотенце на голову намотал, ненастоящие у него только усы — углем нарисовал. А вот пирата, Виктора, я, ей-богу, только потом узнал, а сначала даже и понять ничего не мог. А у третьего, у художника Геры, лента через плечо и какой-то орден на животе, прямо фельдмаршал Суворов у походного костра, он как раз миску держал в руках, а Коля, который у них вроде и за повара и за все про все, накладывал ему в миску из котла кашу.

Я подумал, может, Гера картину будет писать — что-нибудь вроде запорожцев, но зачем бы тогда он и сам нарядился? Оказывается, они просто так нарядились, просто они такие веселые, совсем на взрослых не похожи. Багдадский вор, то есть Александр Григорьевич, поклонился мне и говорит:

— Проходите, достопочтенный, сегодня вам не угрожает быть съеденным, сегодня у нас пшенная каша с тушенкой, так что не бойтесь, проходите, садитесь, будете самым дорогим гостем на нашем пиру.

И до того у них вкусно пахла пшенная каша с тушенкой, что я навернул хорошую порцию, хоть — не подумайте — тетя Вера меня кормила что надо.

А потом мы пили чай, который они варили прямо в ведре — вот чудаки! — высыпали туда целую пачку чаю и яблок нарезали.

А потом пират Витя взял гитару и стал играть и петь, и все ему подпевали, а песни были такие, что я таких сроду и не слыхал, мировецкие, и запоминались сразу, прямо сами в голову лезли. Вот, например, что за песенка:

На острове Таити
Жил негр Лити-Мити,
Жил негр Мити-Лити
И попугай Кэкэ.
Вставали утром рано,
Съедали два банана,
Съедали два банана,
Валялись на песке.

И как я столько лет на свете прожил, а ни одной такой песенки не знал, обидно даже стало.

А потом они запели песню, которую я знал, — про пиратов из книжки «Остров сокровищ», и я так обрадовался и вместе с ними стал петь, я знал все слова и стал петь погромче, чтоб они слышали, что я знаю все слова, а припев: «Эге-гей и бутылка рома!» — я так кричал, что в горле больно стало.

И до того мне здорово было с ними сидеть и петь, что я прямо не знал, что бы мне такое сделать. Вдруг я сорвался, выбежал из палатки, побежал в комнату, влез на свою кровать и стал отшпиливать вывеску «Приют пиратов» (я ее повесил тоже на стенку, рядом с картиной), побежал снова к ним, влетел в палатку и развернул перед ними вывеску — вот! Они обалдели, конечно.

— Ну, тезка, — сказал Александр Григорьевич, — ты, оказывается, первоклассный художник, что же ты скромничал и говорил, что рисовать не умеешь.

Мне стало стыдно, я же и не думал это выдавать за свое.

— Нет, это не я рисовал, это... в общем, один человек... Я принес просто показать. Она на нашем доме висела, и я подумал, что такую же можно и вам повесить на палатку.

Когда я побежал за ней, я ни о чем таком и не думал, просто ни о чем не думал, а теперь как-то неудобно стало, может, они решили, что я подарить ее принес, а теперь жалею.

— Вы только не подумайте, что мне жалко, — сказал я, — просто я не могу ее подарить, а пусть Гера такую же нарисует.

— Не знаю, право, нарисую ли я такую. Это же настоящее! Надо ведь так же чувствовать. — И Гера стал вдруг серьезным, серьезным. — Это прямо как у Пиросмани, надо так же любить и чувствовать жизнь, а иначе будет слабая подделка. Посмотрите, Александр Григорьевич, вы оценили буйство красок? Посмотрите на эти гирлянды — вот как человек любит жизнь!

И я стоял и держал развернутую вывеску на своей груди. Я никогда не думал так об этой вывеске, а сейчас подумал, что Гера говорит о Буле, и мне стало сразу и хорошо и как-то не по себе, что-то у меня внутри живота защекотало, и я сказал им:

— Это моя бабушка рисовала.

Они все молчали, а потом Александр Григорьевич встал, стянул с себя чалму из полотенца и сказал:

— Никогда не забывай свою бабушку, тезка.

*

Вскоре вернулся отец с Ксенией Ивановной. Отец расспрашивал тетю Веру, как все было, благодарил ее за то, что она не оставила без внимания «ребенка», за то, что дала свои деньги на похороны, и обещал вернуть сразу после получки. Ксения Ивановна плакала. Тетя Вера подождала, а потом говорит:

— Деньги, Леня, — это ерунда, не стоит о них и говорить, а для Саши я тоже ничего особенного не сделала, то, что я это время у вас жила, так ведь мне что — дети не плачут, муж не заругает, а вот тут есть один человек, который для Саши побольше моего сделал, и тебе, Леня, надо бы с ним поговорить.

И тетя Вера рассказала про все: про Александра Григорьевича и про мою работу. Отец и говорит:

— А школа как же?

А тетя Вера ему говорит:

— Я тоже сперва боялась, да, видно, с делом еще лучше получилось, так бы он горевал, а так все занят был. Да ты, Леня, умней меня, сам все поймешь, ты только поговори с Александром Григорьевичем, очень он человек душевный.

Вот так и случилось, что Александр Григорьевич пришел к нам в гости, отец сам ходил звать его, и по этому поводу Ксения Ивановна даже ужин сделала специальный. Они втроем ужинали на кухне, а я был отправлен в комнату делать уроки, но я все-таки слышал, как отец сначала благодарил Александра Григорьевича и они что-то долго тихо говорили, а потом отец сказал громко:

— Но это же игрушки, это детская игра, неужели, Александр Григорьевич, к этому можно относиться серьезно!

И Александр Григорьевич ответил отцу тоже громко и очень твердо:

— Конечно, вполне серьезно! В нашей профессии работать человеку без фантазии — это все равно, что работать спасателем, не умея плавать. И к тому же я вам скажу, что это прекрасная профессия для мужчины. Да, прекрасная и достойная.

Я услышал, как задвигали табуретками, и Александр Григорьевич заглянул в комнату.

— Тезка, я не помешаю тебе штудировать науки?

Александр Григорьевич подошел к моему письменному столу — этот стол был не настоящий, мы с Булей его соорудили из ящиков, но в нем даже был ящик, который выдвигался, и к нему была прикреплена круглая дверная ручка. Александр Григорьевич внимательно рассмотрел мой стол, даже подвигал ящик и спросил меня:

— Столярничаешь?

— Да нет, это я не сам.

Потом Александр Григорьевич стал рассматривать картины, которые у меня висели над кроватью, вывеску «Приют пиратов» он уже знал, а другую нет, и сейчас он ее внимательно рассматривал и читал подпись.

— Ну-ну, тезка, а какие новые земли ты открыл?

— Да это же так просто, вообще. Ну, как в сказке!

— А в сказке не бывает ничего так просто, и то, что я слышал о твоей бабушке, никак не вяжется, чтоб она писала «так просто» и «вообще». Как ты сам-то думаешь?

А я думал, какой он умный, а я и не сообразил. Буля, конечно, что-то имела в виду, она бы не стала писать просто так, что придет в го-

Эта самая простая бочка интереснее нам, чем если б она была из чистого золота.

лову, и почему я ее не спросил, а теперь я никогда не узнаю.

— А может быть, новая земля — это то, что ты открыл древних греков, то бишь, ты считал генуэзцев? Дворец сей я узнаю, и обрыв как раз подходит, вот конь...

Тут я, ни слова не говоря, выскочил из комнаты, и принес из сарайчика клетку с Морисом, и выпустил его на стол.

— Ага, — сказал Александр Григорьевич, — так я и думал, конь в яблоках есть. А где же принцесса?

— Она уехала на Урал.

— Ну, насколько я знаю географию, Урал ведь на нашей планете и даже, кажется, в пределах нашего государства. А? Письма туда доходят?

— Нет, не доходят. Я не могу ей писать. Я ее предал.

Александр Григорьевич ничего не стал спрашивать, а только стал ходить туда-сюда вдоль кровати, и его рыжая шевелюра почти что подметала потолок. И вдруг он остановился сразу, еще посмотрел на картину и сказал:

— А знаешь что, тезка! Как это я сразу не понял! Ведь эта картина не только о том, что было, а и о том, что будет.

Александр Григорьевич схватил табуретку и сел на нее верхом, как великан на ослика.

— Вот смотри. — И он растопырил свои великаньи пальцы. — Родной дом есть. Принцесса есть, хоть ее сейчас и нет. Конь в яблоках? Есть! Новая земля есть, ты открыл новую землю на метр глубже своей. Но кто сказал, что новые земли надо открывать только в ширину, их можно открывать и в глубину. Ведь так? Все сходится. Одно только не сходится. Здесь сказано: не новую землю, а новые земли, — ясно тебе? Раз все остальное сходится, значит, и это должно сойтись. Когда-нибудь ты откроешь еще новые земли, но это не обязательно должна быть земля древних греков или генуэзцев и вообще не обязательно должно быть так, как было сейчас, ты понимаешь меня, тезка? Может, ты откроешь эти новые земли даже и вовсе и не на земле и не в земле, а скажем, в себе, — ведь открыл же ты сейчас что-то новое в своей бабушке, так? Ясно только, что тогда все сбудется точно, как здесь нарисовано. Но, наверное, это будет не так быстро и не так легко, ты заметил, как потрепаны паруса?

Я сидел, и молчал, и чувствовал, что еще не все понимаю, но что-то до меня доходит, что-то там во мне ворочается, и я вспомнил, что я пережил один раз похожее, когда представлял себе заново, как ходила ко мне Буля в больницу и как ей было трудно. Только теперь-то я представлял не какие-то там случаи, события, а свою Булю, которую, я думал, что знал до последнего седого волосочка.

Это со мной уже второй раз. Только первый раз со мной это произошло само по себе, после того как Буле стало плохо, а теперь потому, что мне Александр Григорьевич разгадал картину.

Но, может, так и еще будет, и еще, и еще. И, может, я все еще буду новое что-то находить в Буле, хоть она уже умерла.

И потом еще совсем другое. Я не всегда понимал, когда Александр Григорьевич говорит всерьез, а когда нет. Правда, он считает, что я еще встречусь с Джоанной?

*

Уехали археологи. И началась у нас совсем-совсем другая жизнь. Утром мы вставали, Ксения Ивановна раньше нас с отцом, она кипятила чайник и делала всем бутерброды. Потом мы все расходились, я в школу, а отец с Ксенией Ивановной уезжали на рабочем автобусе на завод. Дел домашних почему-то почти не стало. Только получу хлеб по карточкам, за водой схожу, да не как раньше, а всего раз:

поливать-то не надо было. А вечером к приезду отца и Ксении Ивановны я кипятил чайник. Вот и все дела. Ну, еще днем сварю себе чего-нибудь — картошку или кашу кукурузную.

В ту осень я почему-то ужасно полюбил ходить в горы. Брал с собой клетку с Морисом и забирался черт те куда. Иногда даже там уроки учил, устные, конечно. Если бывали ясные денечки, я садился где-нибудь на склоне горы и смотрел вниз на море. Море казалось таким теплым, таким летним. Смотрел, как рыбаки сети снимают с кольев, как пароходы идут. Иногда задумаюсь, мне какая-нибудь лодка покажется вдруг парусником с белыми парусами. Но больше всего я занимался тем, что высчитывал, через сколько дней может прийти письмо от Александра Григорьевича.

И один раз в совсем даже нежданный день почтальон Таня окликнула меня по дороге:

— Эй, Саша! Тебе извещение на бандероль.

Я схватил извещение и побежал сразу на почту, я ужасно волновался: а вдруг мне не выдадут, тут же надо написать номер паспорта, а что делать, если у меня не только номера, но и паспорта нет? Но мне выдали — я заполнил только свой адрес и расписался. Тут же разрезал бритвой бечевку и развернул бумагу — передо мной был «Джек-Соломинка», но нет, это была не та, не Джоаннина книжка, это была другая, в новенькой совсем обложке — конечно, это был подарок Александра Григорьевича. Я открыл книжку, и на первом листе шла размашистая надпись:

«Открывателю новых земель Александру Кубову» — и стояла подпись Александра Григорьевича.

Была и еще одна книжка, «История Древней Греции». Та была без надписи.

Я взял книжки и пошел. Когда я уже открывал дверь, мне крикнули:

— Эй, парень! А кто бумагу будет за тобой убирать?

Я вернулся и сунул бумагу и бечевки в корзину. Книги я не положил в портфель. Портфель я нес в одной руке, а книги в другой, и все время смотрел на них, и открывал носом обложку «Джека», и снова читал надпись. А было уже холодно, руки мерзли, лужи на дороге затянулись тонкой ледяной коркой — я наступал на нее, и она сразу разбивалась. Я шел и думал.

Будет весна, и приедет Александр Григорьевич, и мы будем копать, и я действительно уже не буду любитель, а буду профессионал, а потом еще лето и еще лето, а потом настанет лето, когда я поеду в Москву и буду поступать в университет на истфак, отделение археологии.

Буля! Помнишь, как ты жалела, что я не умею ни рисовать, ни петь, ни играть на гитаре, но знаешь, мне это не понадобилось. Ты так порадовалась бы за меня, Буля! Неужели ты никогда ничего об этом всем не узнаешь?

Ну, подай мне какой-нибудь знак, Буля, как тогда, когда ты сжала мне руку.

КОНЕЦ

Нурадин ЮСУПОВ

Девочка из аула Цовкра

Затаили люди дух,
Смотрит весь аул Кумух.

Ловко девочка одна,
Ловко девочка одна
Танцует на канате.
При этом в бубен бьет она,
При этом в бубен бьет она,
С луною схожий, кстати.

— Откуда ты, что так шустра
И смелостью блеснула?
— Я из Цовкра,
Я из Цовкра —
Соседнего аула!

Цирк московский знаменит.
«Браво!» — с ярусов летит.

Ловко девочка одна,
Ловко девочка одна
Танцует на канате.
При этом в бубен бьет она,
При этом в бубен бьет она,
С луною схожий, кстати.

Кричат, бросая ей цветы:
— Скажи, откуда родом ты?

В парчовой тунике она,
В сапожках из сафьяна,
Им говорит:
— Я рождена.
Им говорит:
— Я рождена.
Под небом Дагестана!

Цирк парижский изумлен,
Затаил дыханье он:

Ловко девочка одна,
Ловко девочка одна.
Танцует на канате.
При этом в бубен бьет она,
При этом в бубен бьет она,
С луною схожий, кстати.

Слова взлетели, как стрижи:
— Откуда родом ты, скажи?
И дарят сто букетов.

Горда и радости полна,
Им говорит в ответ она,
Им говорит в ответ она:
— Я из Страны Советов!

Перевел с лакского Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Журнал в журнале печатает

Луч жизни

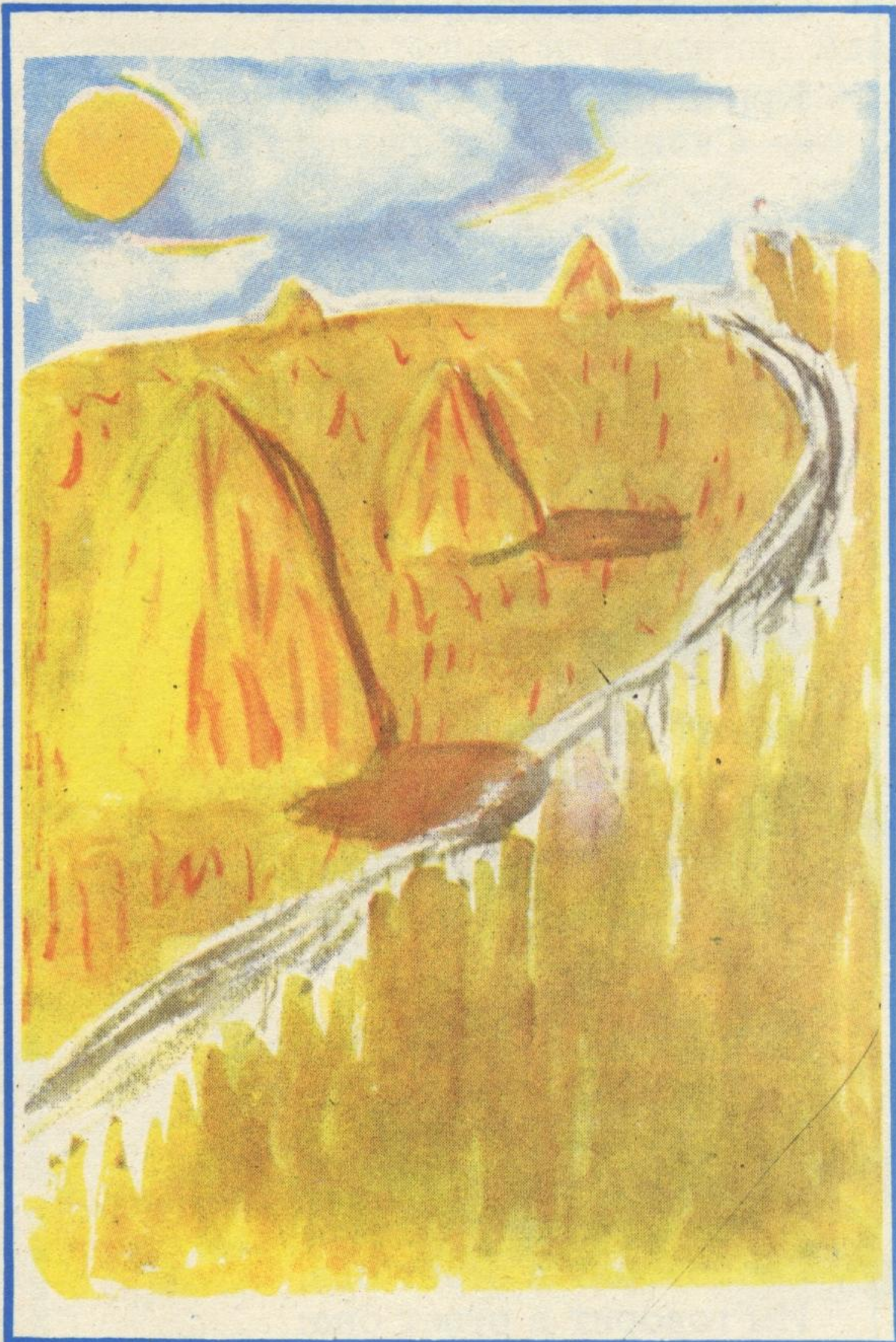
Солнце бросило свой луч из-за туч.
Этот луч и велик и могуч.

Освещает он леса, и поляны,
И моря, и поля, и океаны.

Этот луч нам дает тепло.
От него на земле светло.

Толя ФИСЕНКО из Липецка

«СНОПЫ» — так назвала свой рисунок москвичка **Надя БЫВШЕВА.**
Осенью она пойдет в седьмой класс.
Вот, оказывается, какое открытие может сделать точный глаз художника!

Хамыч

В Алжире, будучи у брата, я встретил существо, которое было для меня необычно, — хамелеона. Он замирал, подобно сучьям на деревьях, принимая темно-коричневый цвет их коры. Заметить его среди сучьев было почти невозможно даже вблизи. Выдавали Хамыча только глаза, умные, приветливые. Движения его были чрезвычайно медлительны, едва уловимо он переставлял лапки, похожие на человеческие руки. Хвост же у Хамыча был истинное чудо: палочка-выручалочка. Сделав на его кончике петлю, он медленно отпускал передние лапы и свисал на хвосте, как акробат, доставая до следующей веточки.

Необычны у Хамыча и глаза. Они могут поворачиваться и вперед и назад, причем каждый самостоятельно.

Он вдруг иногда надувался, как-то пыхтел. Все это было невиданно, и если бы мне не довелось встретиться с Хамычем, я думал бы о хамелеоне совсем иначе, как привычно, по незнанию, судят многие. Вот, мол, живет, приспособляется на глазах. Однако чем больше я наблюдал Хамыча, как он искусно ловил мух, мгновенно выбрасывая свой длинный язык, как акробатически ловко лазил по веточкам деревьев, дружески посматривая на меня, тем больше росла моя любовь и привязанность к нему, и я решил его взять с собой, в Москву.

Когда я пригласил его в длинную картонную коробочку, он как-то загадочно зафыркал, засуетился, а потом стих. И мы летели с ним четыре тысячи километров.

Полет Хамыч перенес хорошо. В Москве был тогда конец августа, тепло, светило яркое солнце, и Хамыч не очень печалился. Я принес

Оля НЕФЕДОВА, 12 лет,
г. Москва

Воздушные акробаты

Во мраке прожекторы вдруг зажглись,
Трапецию осветило,
И акробатка взлетела ввысь
Ласточкой белокрылой.
Как он прекрасен, смелый полет!
Под гром оркестра, все выше!
Страшно? Ни капли. Сердце поет.
А купол ближе и ближе...
Так акробатка в блужданье огней
В стремительном танце летает.
И тысячи глаз устремляются к ней.
И сердце на миг замирает.

ГОСТЬ ИЗ АФРИКИ

ему большое дерево с множеством сучьев, и он охотно карабкался по нему вверх и вниз головой, а потом куда-то хитро исчезал и прятался то в угол, то под тумбочку, то залезал высоко под потолок по пестрой занавеске, принимая ее расцветку. Найти Хамыча было нелегко. Однажды два дня я искал его, а он залез под абажур торшера и грелся, когда мы зажигали лампу.

Хамыч совсем привык к нам. Когда я что-либо делал, он неотступно поглядывал на меня, особенно если я садился за уроки. Есть он любил больше всего мух. Но скоро мухи к осени кончились, и мне пришлось кормить его небольшими крошками сырого мяса. Он пил всего две-три капли воды в день.

Осенью, когда стало холоднее, я оборудовал Хамычу более теплую квартиру в застекленной секции книжного шкафа. Провел туда небольшую лампочку, а чтобы моему гостю из Африки было веселее, укрепил в разных направлениях ветки дерева и поставил зеленоватый абажур. Хамыч любил лазить по этим сучьям и часто грелся около лампы, как бы думая о своей далекой-далекой Африке. Мне казалось, что он грустил, и я в это время подходил к нему, брал его, сажал или выпускал побегать.

Шло время, наша дружба с Хамычем крепла, и все в семье полюбили его. Заговаривали с ним, задавали вопросы, и он своими умными и ласковыми глазами как будто что-то говорил доброе, дружеское. Особенно полюбила его мама. Он тоже был к ней необычайно привязан. То становился таким же, как цвет ее руки, то играл красками ее кофты и при этом доверчиво-доверчиво смотрел ей в глаза.

Мы долго жили в радости и даже считали его членом нашей семьи. За окном выла вьюга, трещал тридцатиградусный мороз. Хамыч жил по-прежнему. Однако позже, к февралю, он стал как-то особенно печален. Все больше задумывался, куда-то смотрел в сторону, отворачивая голову, меньше двигался, не ел с прежним веселым аппетитом. Иногда он часами сидел на одной веточке, о чем-то раздумывая, может быть, о своих родичах, о влажных тропических растениях, по которым любил путешествовать.

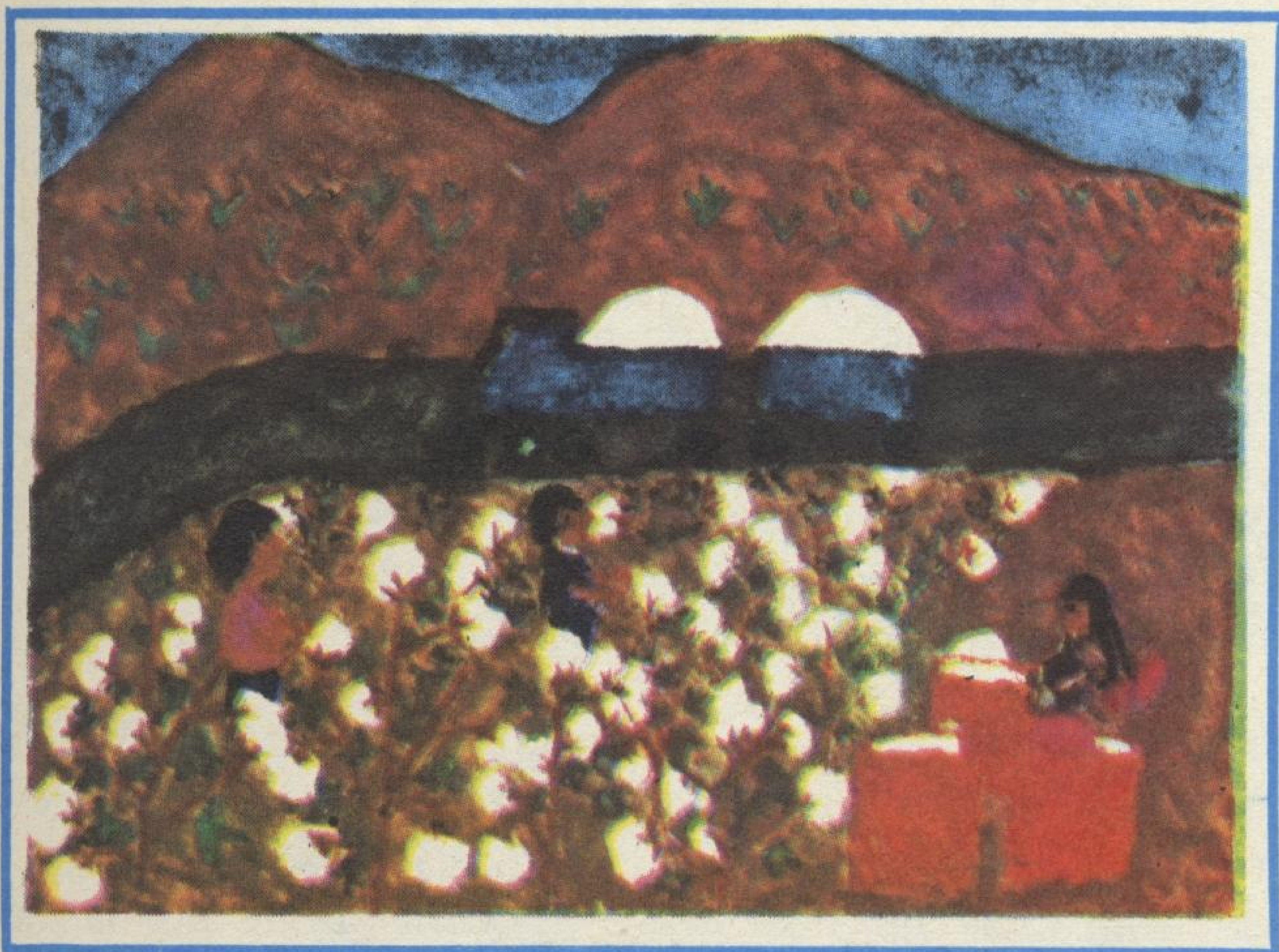
Потом Хамыч начал, особенно по ночам, старательно скрести пол, землю своего домика, как бы пытаясь откопать что-то. А может, он чуял уже свою скорую кончину и готовился к этому. Все реже он взбирался по сучьям, спал на земле. Реже стал менять свою окраску, худел, хуже ел. Его томила жажда.

Мы хотели его отвлечь, накормить насекомыми, но Хамыч все меньше обращал на нас внимания. Глаза его стали малоподвижны, в них угасла прежняя искорка. Помочь было трудно. Мы узнали, что даже в зоопарке Москвы нет хамелеонов.

Печально я ушел в февральское утро из дома со смутным и тяжелым чувством. Когда я пришел после школы, то увидел Хамыча на ветвях. Он был неподвижен, необычно бел. Как бы обняв в последний раз веточку, он вытянулся вдоль нее и так, в любимой своей позе, замер навечно. Я загрустил, было очень жаль Хамыча, а потом похоронил своего африканского друга на даче под любимой моей елью, чтобы он знал, что я остался его верным другом.

Анатолий ЕГОШКИН,
ученик 8-го класса, Москва

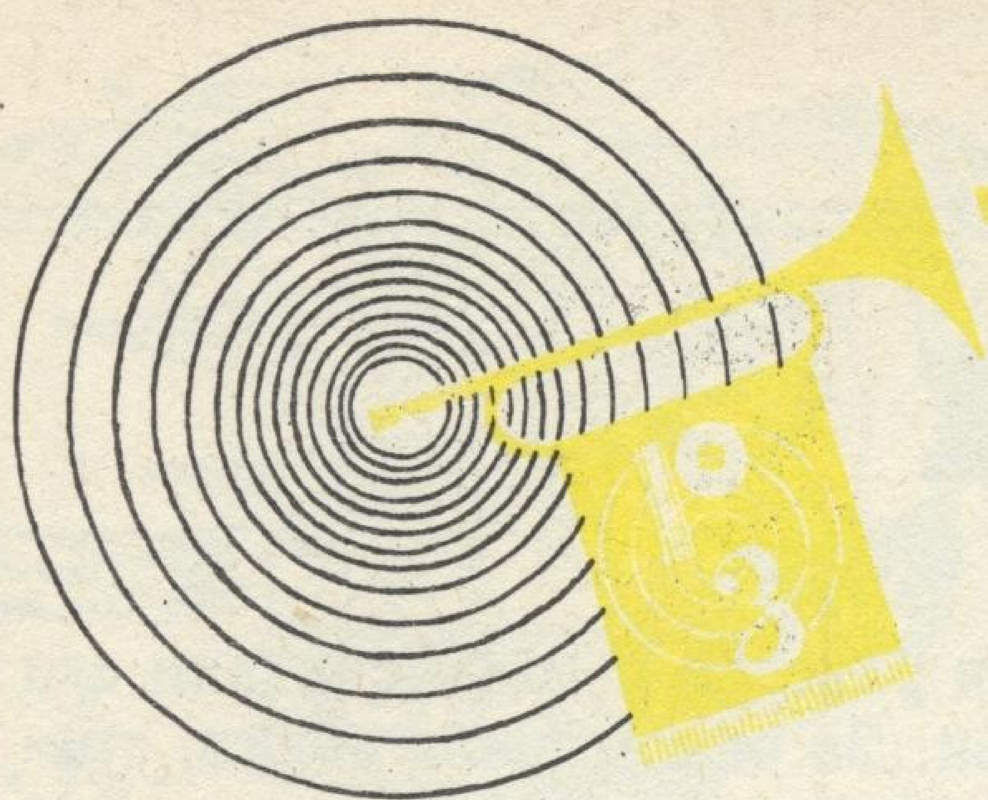
Этот рисунок **«МЫ СОБИРАЕМ ХЛОПОК»** прислала в «Кораблик» пятиклассница **Роза ХУСАИНОВА** из Кара-Калпакии.

Наташа АБЕЛЬСКАЯ,
учится в 8-м классе, живет в Ленинграде

Рассвет

А на рассвете воздух
синий.
А на рассвете воздух
сонный.
И верится, что мы
красивы,
Что мы сильны, как эти
сосны,
Как этот луг, как эти звезды,
Мы словно видим мир впервые.
Днем будут розовые розы,
А на рассвете — голубые.

На станции Холодные Ручьи

Лето бабушка решила провести со мной и сняла комнату на станции Холодные Ручьи. Мы привезли целый чемодан книг. Тетя подарила мне бадминтон и розовую кружевную блузку — на случай экскурсии в Выборг.

В первую же прогулку мы повстречались в лесу со стадом коров. Их было так много, что у меня разбежались глаза: белые, черные, рыжие, пегие, и каждая так интересна, что я побежала к стаду и стала помогать пастуху гнать коров на скотный двор.

В коровнике я встретила нашу соседку, доярку Раю. Рая стала привязывать цепями каждую корову к своему стойлу. А я стояла у входа и наблюдала за Раей. Замыкая цепь, Рая невольно обнимала корову, а корова смотрела доверчиво и ласково. Потом Рая нагнулась и стала обмывать теплой водой вымя своей первой «доче». Тогда я услужливо пододвинула к ней ведро с теплой водой, опасаясь, что меня прогонят. Но все возились около своих коров, и никто не обращал на меня внимания.

С огромным интересом продолжала я наблюдать, как ловко и ритмично работают доярки. Обмывание и массаж — не больше минуты. Быстрое сдаивание первой струйки молока, потом проворное движение — и стаканы доильного аппарата надеты на соски. Дойка, или, как говорил ветеринар, молокоотдача, каждой коровы — семь-восемь минут.

Через стеклянную трубку, вделанную в шланг, видно, как начинает стекать струйка пенистого молока в большое ведро. Доярки следят, чтобы коровы не сбросили аппарат. А непокорным, строптивым приходится связывать задние ноги и ласково уговаривать:

— Доча, милашка моя, ну что же ты лягаешься? Будь же умницей! Стой спокойно.

Но большинство коров стоит спокойно. Они сосредоточенно жуют жвачку, отгоняя хвостом назойливых мух. Пахнет навозом, парным молоком и какими-то очень душистыми травами.

Домой я вернулась с твердым намерением помогать дояркам в коровнике. Бабушка беспокоилась, что я не сумею и могут коровы забодать. Тогда я стала плакать — верный способ сломить бабушкино сопротивление.

С тех пор каждый день я встречала стадо в коровнике. Пригоняли его на дойку три раза, и работы хватало. За час до прихода коров мы рассыпали в кормушки подкорм: «дробину» или «зеленку». Я узнала, что этот корм очень важен для увеличения удоя. Потом мы бежали за ведрами с теплой водой, втаскивали большие бидоны, надевали цедилки, прибирали стойла, прислушиваясь к разноголосому хору наших «дочек». Голоса у них были разные: у кого охрипший, у кого низкий бархатный, а у некоторых такой высокий, жалостливый! Входя во двор, каждая устремлялась на свое место, в свою часть коровника. Если кто зазевается или направится в другую сторону, мы зовем ее: «Доча, доча», — и она быстро, по нашему голосу находит свое место.

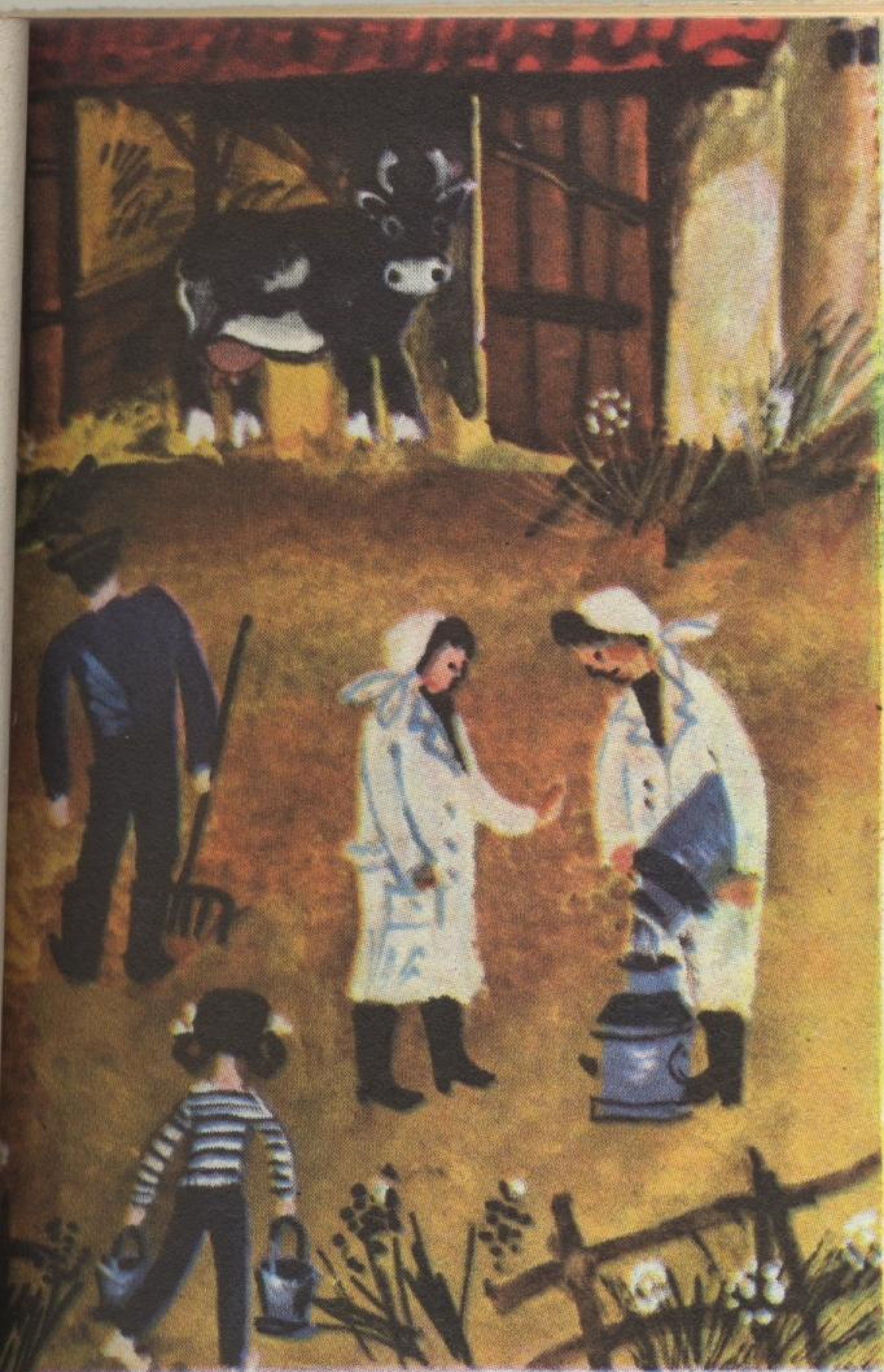
К приходу стада все должно быть готово: «своя комната» чисто убрана, ждет знакомая доярка, привычный шум аппаратов — без лишних разговоров и лишних людей. Обращаться с коровой нужно очень ласково и спокойно, а обработку перед дойкой вести быстро, без задержки. Это — важное условие для хорошего удоя. И я стала учиться привязывать корову цепями, быстро ее обрабатывать и доить. Ветеринар меня похвалил:

— Ты что, в деревне, что ли, росла?

После того, как молоко слито в большие бидоны и они погружены на машину, для меня настает радостная минута: можно приласкать, потрепать скотинку по шерстке, заглянуть ей в глаза. Глаза у коровы чудесные! Зрачки такие продолговатые. И когда стоишь рядом с коровой, кажется, что она все время на тебя внимательно смотрит! Ресницы опущены прямыми стрелками. Вокруг рога шерсть более мягкая и растет в разные стороны. Рога у каждой коровы разные: у кого более прямые, у кого загнутые, но в каждой паре есть своя прелесть.

Смешная бабушка! Она боялась, что коровы могут меня забодать. Ни разу не видела их в ярости. Даже когда мой Шарик встречал их лаем и

кидался им под ноги, они оставались к нему снисходительными. Нагнут, бывало, для острастки голову, как будто собираются поднять его на рога, а потом бегут себе дальше.

Все лето я проходила босая, в старых тренировочных штанах и тельняшке, о кружевной блузке не было и речи. Но как я была счастлива, когда пастух позволял мне иногда по вечерам приводить стадо домой верхом на Цыгане! Я не в силах была удержаться от соблазна пронестись мимо бабушки галопом с длинным прутом в руках.

Как написать мне о том чувстве радости и тепла, которое я переживала, встречаясь со своими коровами?..

Сколько волнений было у нас, например, с первотелками. Мы приучали их к аппарату терпеливо и бережно. Но иногда приходилось им тоже связывать задние ноги!

Если бы я умела так ярко начать свой рассказ, как Джек Лондон: «Бек не читал газет и потому не знал, что надвигается беда». Или: «Волчья морда с грустными глазами, вся в инее, раздвинув палатки, просунулась внутрь». Но я так не умею...

Катя ВИСНЕВСКАЯ,
г. Ленинград.

Операция «Живое серебро» продолжается

Из письма государственного инспектора рыбоохраны Кинешемского района, Ивановской области.

Мне очень хочется познакомить вас с самыми лучшими моими помощниками — пионерами и комсомольцами из города Ниволоки. Они и мальков больше всех спасают, и браконьеров в их районе почти нет, и прибрежная зона в полном порядке.

В этом году в районном Доме пионеров создан штаб, который руководит работой голубых патрулей.

Вот, смотрите, на одной из фотографий дозор голубых патрулей из Ниволоки объезжает свои владения — притоки Волги. А на другой фотографии — пятиклассники Сережа Петров и Сережа Грачев. Они только что кончили расчищать завалы в притоках Волги.

В ПОХОД! ТОЛЬКО В ПОХОД!

Фото В. ПОСТНИКОВА.

Такой был хороший поход...

Снаряжение нам выдали — обалдеть! Палатки, рюкзаки, мячи, спиннинг и одеяла — чтобы спать на теплом.

— Если уж, — говорят, — вы наш первый разновозрастный отряд, так вам все уважение. Пользуйтесь.

Однако его и тащить надо было на себе, снаряжение-то. И, главное дело, пароход. Такой здоровый! В рюкзак не влез. В чехол от палатки загнали — торчит трубой наружу. Завернули, наконец, в одеяло, надели на одну девчонку: пароход был хотя большой, а легкий. Идти уговорились в Даниловку: там речка, лес и мельница.

Возле мельницы разбили лагерь: две палатки и костер. Сварили похлебку, а после обеда пароход размотали и подарили Вовке Шумихину. Для того и тащили: у Вовки как раз был день рождения.

Пароход спустили на воду и цеплялись за него, когда плавали: он был пустой внутри и на воде держался, как спасательный круг.

Еще удили спиннингом. Только ничего не поймали.

Ночью уговорились костер не гасить, а мальчишкам дежурить по очереди. Дежурили — не скучали: сначала кашу варили, а потом решили напугать девчонок — плеснули им в палатку воды.

Утром мальчики кинулись собирать хворост для костра, а девочки притворились, что спят. Их стыдят, а они в ответ:

— Зачем баловались с водой? Сами идите за своим хворостом!

Пока ругались, каша поспела. Девчонки услыхали, как пахнет, затормошились в палатке. А им кричат:

— Кто за хворостом не ходил, не давать тому каши!

Окружили палатку, кто-то поддал ногой, выбил колышек, она и завалилась. Девочки из-под брезента еле выбрались, встрепанные такие... Собрали рюкзаки и ушли, не евши — обиделись.

Мы поначалу радовались: вот, мол, хорошо проучили! А потом скучно нам сделалось. И каша вся осталась. Пошли и мы по домам.

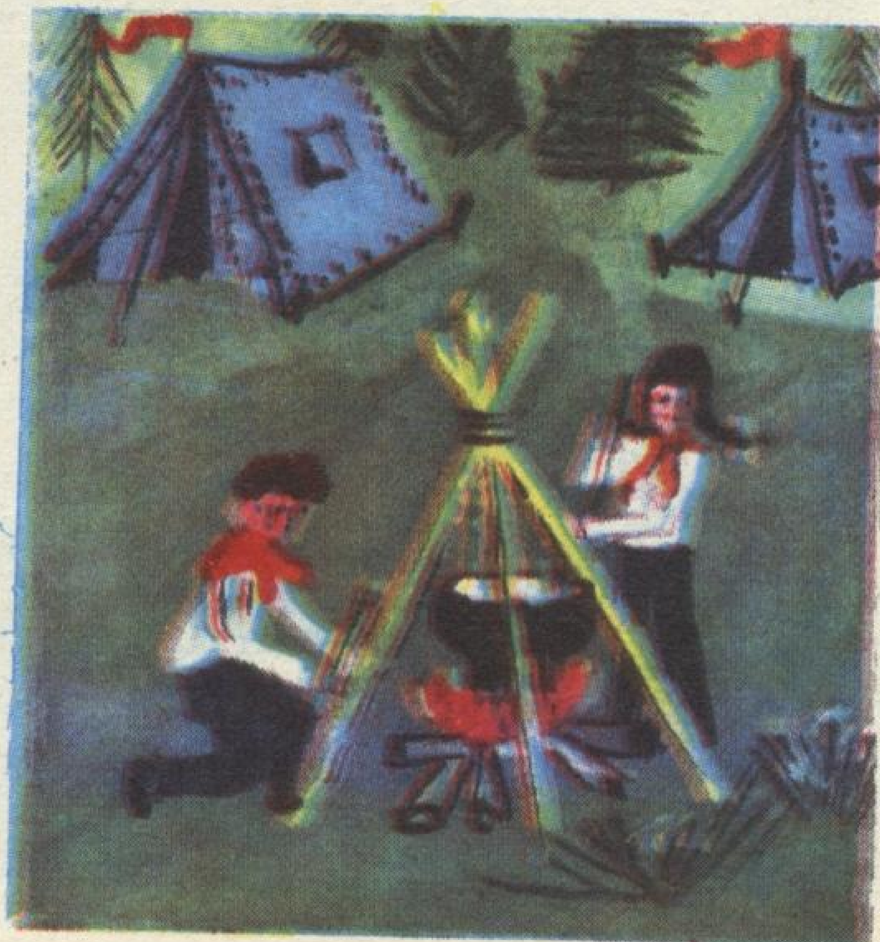
Так плохо кончился такой хороший поход!

Эту историю рассказал нам Саша Кашкин из села Мураши, Кировской области.

Еще он рассказал, что ребята долго потом спорили, кто в чем виноват.

Один говорит:

— Девчонки. Зачем мы их только взяли!

Другой говорит:

— А зачем на них воду плеснули? Отсюда и ссора!

— За воду, — отвечают, — мы извинились. Вода теперь не считается.

— А палатка? Тебя бы так — брезентом по башке!

— Так им и надо. Костер их, видишь, не касается! А каша, небось, касается!

И еще были такие голоса, что, мол, не надо было мстить девчонкам за хворост. Лучше бы позвали их завтракать. Они, может, тоже извинились бы как-нибудь: посуду бы вымыли, например.

А нам вот кажется, поход развалился не из-за того, что кто-то плеснул воду, а кто-то не пошел за хворостом.

Беда началась с другого.

Сначала, в первый день, каждый думал о том, как сделать поход легче и веселее **для других:** Вовке приготовили сюрприз ко дню рождения, девочек освободили от дежурства.

А потом, в какой-то момент, каждый стал думать о том, что **другие** могут сделать **для него.** И заботился уже не о том, как бы другого порадовать, а о том, как бы его самого не обидели, не обделили: «Я, мол, ходил за хворостом, а она не ходила!», «Нас облили водой, а мы не отомстили», «Нам не помогли — не дадим каши!»

И когда завелись в отряде такие мысли, тогда кончились ШУТКИ и начались ССОРЫ.

С. БОГАТЫРЕВА

С детства и навсегда

А. М. ТАРЕЕВА,
научный сотрудник
Института географии
Академии наук СССР

Путь к ледникам

После школы у меня не было проблемы, куда пойти учиться. Ясно: на географа или на геолога. Девчонкой я пришла в городской Дом пионеров и стала заниматься в географическом кружке под руководством Валериана Николаевича Кузьмина. Обычно занятия у нас вели студенты. И каждый из них рассказывал что-нибудь интересное о своей будущей специальности. Мы узнавали о физических процессах, происходящих на Земле, о минералах, о геологии и географии того или иного края.

Мы и сами делали доклады. Приходилось подолгу сидеть в библиотеках. Мы учились самостоятельно работать с книгой, привыкали беречь и распределять свое время. Правда, сейчас, вспоминая школьные годы, я жалею, что не все прочла, что могла тогда прочесть, не все узнала, что могла узнать.

У себя в кружке мы «прошли» почти по всем районам страны, путешествовали по картам, всматривались в каждую реку на пути, в каждую гору, обследовали вулканы, тундру, пески. Карта стала для нас чем-то живым, понятным,

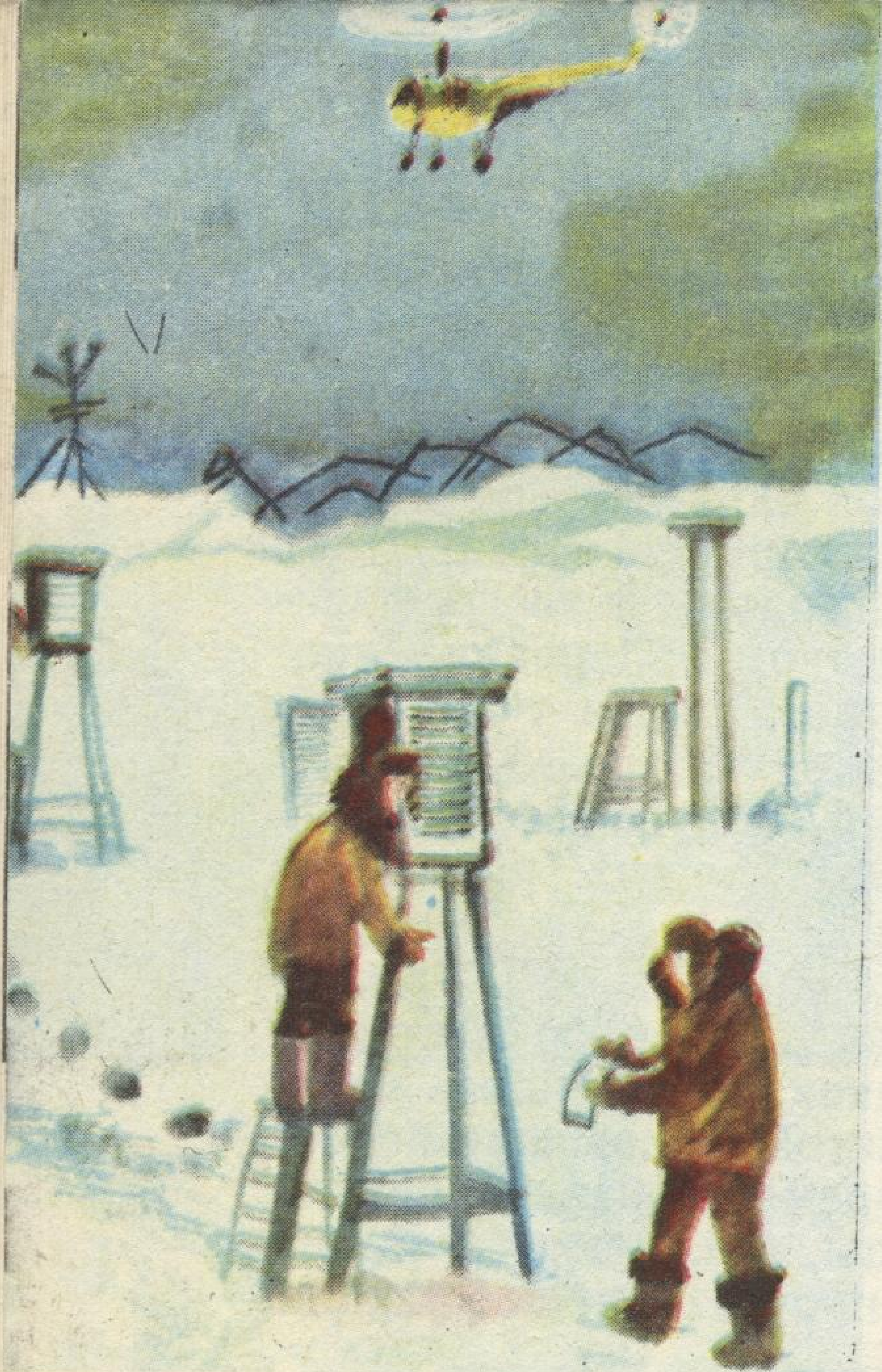
Антонина Михайловна Тареева.

целая страна открывалась нам с ее листа. Мы умели читать карту, быстро распознавали, в какой проекции она построена. И знаете, когда я поступала на географический факультет университета, то на экзамене по географии я получила пять с плюсом у одного известного профессора.

Все ребята, которые занимались со мной в кружке, стали географами или геологами. Для себя я выбрала гляциологию. Гляциология — это наука о льдах и ледниках. И, кто знает, может быть, путь к ледникам у меня начался с доклада, который я однажды сделала на кружке. Этот доклад был посвящен тому, как снег превращается в лед.

Зачем вообще изучают ледники? Например, для того, чтобы узнать побольше о климате Земли. Теплее становится на нашей планете или холоднее? Может ли наступить снова великое оледенение? Чтобы ответить на эти и многие другие интересные вопросы, надо точно узнать, что происходит с ледниками: завоевывают они новые

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

На острове Врангеля постоянно дуют сильные ветры. Метель здесь особая, низовая. Небо чистое, сияет солнце, а на высоте в два-три человеческих роста метет снег. Но каждый день в любую погоду ведем мы свои наблюдения.

пространства или отступают. Вот мы и следим, успевает ли за лето растаять весь снег, который выпал на ледник зимою, или часть снега сохраняется до осени. С помощью вешек мы каждый год наблюдаем за движением льда, смотрим, наступает или отступает ледник. Составляем подробные карты, на которых отмечены все изменения в жизни ледников.

Ледники питают землю водой. Начинается таяние льда, и горные реки превращаются в бурные потоки, которые несут в долины воду. Если гляциологи постоянно наблюдают за каким-нибудь ледником, то они могут предсказать начало таяния, предупредить об опасности, которой грозят переполненные водой горные реки.

А в засушливые годы к нам порою обращаются с просьбой: «Дайте воды!» И гляциологи в силах это сделать. Стоит покрыть поверхность ледника тонким слоем сажи или угольной пыли, и зачерненный участок начинает сильнее поглощать тепло, лед тает, и реки наполняются водой.

Гляциолог может узнать, каким воздухом дышали на Земле давно вымершие животные или растения. Надо только найти «образец» воздуха тех времен. И такой воздух находят именно в ледниках. Представьте себе, на поверхность ледника падает снег. Все отверстия, все поры в снегу заполнены воздухом, ведь снег пушистый, рыхлый. Постепенно под давлением новых слоев снега нижние спрессовываются, превращаются в лед. Слои льда оседают все глубже. Поры в нем закрываются, и воздух оказывается в ловушке. Так он может храниться в ледовом холодильнике тысячи лет, пока гляциологи не пробурят глубокую скважину и не извлекут на поверхность кусочек льда. По составу законсервированного в нем воздуха можно точно определить состав атмосферы над этой точкой планеты в невообразимо далекое время.

Иногда кусочек льда, извлеченный с большой глубины, буквально взрывается в руках, разлетается на тысячи осколков — сказывается разница в давлении на глубине и на поверхности. Это очень похоже на то, что происходит с глубоководными рыбами, если их вытаскивают на поверхность океана.

«Не ныть!» и другие правила

Все мои экспедиции на ледники были трудными. Путь наверх довольно тяжелый: высота больше трех с половиной тысяч метров. Такой машины, которая сумела бы доставить нас в горы, нет, да и дорог здесь нет, только тропинки в скалах. А наверх надо поднять приборы, оборудование, продукты. Обычно, когда мы приступаем к работе, два-три самых опытных участника экспедиции прокладывают дорогу от базы к леднику, к месту наблюдений. Они расставляют колышки, флажки, в особенно опасных местах натягивают веревку. И все-таки на наблюдения мы отправляемся обычно вдвоем или втроем.

В горах привыкаешь постоянно думать о товарищах. Ледник опасен своими трещинами. Идешь, идешь — и вдруг трещина. Если трещина широкая, ее хорошо видно издалека. А самые коварные трещины средние. Они покрыты плотным снеговым мостиком, а под этим мостиком — бездна.

Отправляться в путь надо до восхода солнца, на Эльбрусе оно встает в половине пятого утра. В четыре ты уже в дороге. А вниз спускаешься около семи, когда солнце садится. Только так можно узнать важные данные: сколько тепла получил от солнца и отдал в мировое пространство ледник за день.

Думаю, что в любой профессии, а в нашей особенно очень многое зависит от тренированности. И от умения и желания делать все. Работает у нас в отделе гляциолог Павел Королев. У него мама — геолог. С семи лет она брала Павла с собой в экспедиции. Удивительно тренированный и умелый человек. Невысокий, подобранный весь, худощавый. Но невероятно сильный. С большим грузом легко идет в гору, и, знаете, как красиво идет! Умение ходить у него доведено до совершенства. Попросишь его пойти вниз в поселок за хлебом — а это километров двадцать, — он никогда не откажется. Пойдет, притащит хлеба килограммов тридцать, весело доложит, что пришел, и тут же как ни в чем не бывало берется за новую работу. А делать он умеет все: приготовить вкусный обед, развести быстро примус, а в горных условиях это не так просто. Блины он печет такие, какие не каждая хозяйка печь умеет, — они у него насквозь светятся. И шить он умеет.

Еще в пионерских походах мы научились в горы ходить. И заботиться не только о себе.

Каждую субботу и воскресенье мы уходили в поход с ночевкой. Помню костры, печеную картошку, песни. Однажды мы отправились в большой поход на Южный Урал. Где ехали, где шли. Посмотрели столько всего, что впечатления остались на всю жизнь.

Эти походы дали мне много. И девочки и мальчики должны были уметь делать все. Развести костер очень быстро, даже в дождь. Сварить на костре обед для большой группы — человек пятнадцать. Поставить палатки для всей группы тоже быстро и в удобном месте. Как мне пригодилось все это потом!

К нам часто присоединялись ребята, которые не занимались в кружке. Они, конечно, были

тренированы хуже нас, но у нас было правило: взяли человека с собой, отвечаем за него. Поэтому мы всегда соблюдали такой строй: впереди идут, прокладывая дорогу, самые сильные, тренированные ребята, в середине цепочки те, кто послабее, а замыкают группу опять-таки кружковцы, которые следят, чтобы никто не отстал. Увидят, что кому-то трудно идти, тут же покричат впереди идущим, чтобы попридержали шаг.

У кружковцев был лозунг «Не ныть!». Частенько я его вспоминала, когда приходилось идти в горы с молодыми, полными сил ребятами, которые уже в середине пути начинали жаловаться, что и дорога трудна, и груз тяжелый, и солнце шею напекло... Бывало, пройдет такой попутчик еще немного, а потом бросит и тебя и груз и вернется вниз на базу. Я таких никогда не удерживаю, но и в экспедиции больше не возьму.

Иногда иду я наверх и думаю: «Ну все, это в последний раз! Хватит, находилась, устала». А потом забывается все тяжелое и помнятся только горы — ослепительно красивые, снег, какого никогда не увидишь в городе.

Дружба дороже всего

Я с пионерских лет привыкла во всем советоваться с Валерианом Николаевичем Кузьминым. И когда после окончания университета надо было решать, куда поехать работать, я первым делом отправилась к нему. Вместе мы решили, что надо ехать куда-нибудь подальше. Валериан Николаевич так и сказал: «На настоящую полярную станцию. Чтобы было потруднее и чтобы на помощь не приходилось особенно рассчитывать».

Я поехала на остров Врангеля. Налаживать актинометрическую службу. Это значит, что мне предстояло изо дня в день скрупулезно измерять, сколько тепла приходит на Землю за сутки и сколько тепла отдает Земля в мировое пространство. Для таких измерений существуют очень тонкие и точные приборы. Каждый раз, снимая показания этих приборов, приходится обрабатывать много цифр, вести сложные расчеты. Я бы сказала, эта работа для очень терпеливых людей.

Начало оказалось трудным. Теоретически я хорошо была подготовлена, но с приборами долго не ладилось.

На метеостанции работала небольшая научная группа — всего восемь — десять человек. Люди все разные и по возрасту и по интересам. И тут, на острове, я поняла, как важно уметь дружить с людьми, находить общее с теми, с кем тебя столкнула работа.

Помню, еще в детстве кто-то бросил мне упрек, что я стараюсь всех примирить. Я очень тогда растерялась, расстроилась, а потом поняла, что именно так и надо. В небольшом коллективе на полярных станциях или на ледовых базах недостатки отдельных людей становятся быстро видимыми и раздражают остальных. И тут очень важно не заострять внимание на этих недостатках, на том, что разобщает людей, надо искать то, что людей может объединить. Очень важно бывает вовремя разрядить напряжение шуткой. И тогда возникнет атмосфера доверия, дружбы.

Я подружилась с библиотекарем Любой и гидрологом Юлей. Мы устраивали концерты, литературные чтения, подменяли друг друга на работе, чтобы освободить больше времени для экскурсий по острову и для других интересных занятий. Мы быстро подружились с коренным населением острова, чукчами и камчадалами, учились править упряжкой собак, выращивали щенят, вместе смотрели в пятый и в десятый раз одни и те же кинофильмы и вместе придумывали новые концовки к этим картинам.

Дружбу и умение дружить я ценю выше всего. Все наши кружковцы до сих пор не теряют связь друг с другом. Знаем, что делает каждый, переписываемся, созваниваемся, встречаемся. И всегда уверены, что каждый из нас придет на помощь другому, если понадобится. А самым большим «общим» другом остается для всех нас Валериан Николаевич. Вернувшись из экспедиции, мы сразу же идем к нему.

Вот вам мой совет, ребята: учитесь дружить. Взрослым труднее находить себе друзей, а друзья детства остаются с вами на всю жизнь.

И еще один совет: спешите, бойтесь потерять, упустить время. Не позволяйте себе говорить: «Успею еще, сделаю, прочту, посмотрю». Делайте, читайте, смотрите, узнавайте сейчас, сегодня. В детские, в юношеские годы легче найти любимое занятие, которое станет, возможно, потом делом всей вашей жизни. Хорошо, когда настоящая увлеченность профессией приходит к человеку рано и поселяется в нем с детства и навсегда. ★

ТАЙНЫЙ

Татьяна МАКАРОВА

Каждый должен иметь свой дом —
свой собственный тайный маленький дом.
И если вы согласитесь со мной,
что надо побыть иногда одной,
вы множество мест найдете кругом,
где можно устроить свой собственный дом.

Когда-то давно у меня был дом —
собственный дом под большим столом,
под круглым дубовым большим столом.
Белая скатерть лежала на нем,
и получался прекрасный дом
с белыми стенами, с потолком!
Я там любила книжки читать,
или играть, или просто мечтать.
Главное — я там была одна.
И не видна.
И не слышна.
Ведь каждому —
и тебе и мне —
надо побыть иногда в тишине.
Совсем одному.
Совсем в тишине.
Никто не мог меня там найти,
не мог внезапно туда войти
и даже не мог догадаться о том,
что под столом
мой собственный дом!
...Однажды я, как всегда, вечерком
отправилась в собственный дом под столом.
И вдруг увидала, что дом мой стал
очень тесен и очень мал.
Я выросла.
Больше я жить не могла
под круглой дубовой крышей стола.
И я нашла себе новый дом,
свой собственный тайный удобный дом, —
на ветке, в листве, на дубу большом.
И если бы вы посмотрели туда,
не догадались бы вы никогда
о том, что на дереве кто-то живет,
играет, мечтает
и песни поет.
Знаете, что бы увидели вы?
Много зеленой густой листвы.
А я — все на свете видела я!
Кота на крыльце.
Козу у ручья.
Видела папу,
видела маму,
дедушку,
дедушкину панаму
и гражданина, несущего булку
по нашему узкому переулку.
Меня же не видел никто на земле
в зеленой густой-прегустой листве.

МАЛЕНЬКИЙ ДОМ

Рисунок П. БАГИНА.

В собственный домик среди ветвей
я иногда приглашала друзей.
Я говорила:
— Я жду вас в четыре
на пятой ветке,
в своей квартире.
Ровно в четыре я их встречала,
чем-нибудь вкусным их угощала,
я их рассаживала на ветвях,
и мы говорили о разных вещах.
Но никто б не посмел никогда
без приглашенья явиться туда.
...А как-то мне дедушка выстроил дом —
с маленькой дверцей,
с круглым окном,
с красною крышей,
с синей трубой
и с занавескою голубой.
И он никому не сказал о том,
где он построил мне этот дом.
Он даже сам позабыл потом
дорогу в мой тайный маленький дом.

Но крыша и дверь
не так уж нужны
для тайного дома,
для тишины.
Даже под старым большим зонтом
можно устроить уютный дом.
Когда ты у папы сидишь на коленях —
это твой собственный дом, без сомненья.
Мама в твой домик тебя отвела,
если она тебя обняла.
Можно устроить домов немало.
Где же я только их не встречала!
В ящиках тоже бывают дома.
Я в них нередко жила и сама.
Знаешь, как все удивятся вокруг,
когда ты из ящика выпрыгнешь вдруг!

Но жить в этом доме всегда
одному
не нужно ни мне, ни тебе, никому.
Ведь сколько на свете веселых детей!
Ведь сколько на свете веселых затей!
Воздушные змеи!
И жмурки!
И салки!
Прятки!
Мячи!
Чехарда!
И скакалки!
Нельзя в эти игры играть одному
ни мне, ни тебе, никому, никому!
И как будет грустно тебе и мне
есть мороженое в тишине!
Есть мороженое одному
невкусно ни мне, ни тебе, никому.
Ты в зоопарк не пойдешь один
или в игрушечный магазин.
Рассказывать сказки себе самому
неинтересно совсем никому.
Но если ты хочешь остаться один —
собственный домик необходим.

Вот папа закрылся газетным листом —
значит, он тоже ушел в свой дом.
Неважно, что дом его из газеты.
Важно, что собственный домик это!
Важно, что надо побыть ему
совсем в тишине,
совсем одному.
И если мама вдруг задремала,
важно, чтоб ты всегда понимала,
что мама ушла в свой собственный дом
и окна и двери закрыла в нем.
Ведь надо и маме побыть порой
в собственном доме совсем одной.
И вокруг наступать должна
полная-полная тишина.

И раз ты решил завести свой дом,
ты должен помнить и о другом:
у тех, кто имеет свои владенья,
тоже есть правила поведенья.
Мама тревожить тебя не хотела,
но у нее к тебе срочное дело.
Пусть тихо она подойдет к нему,
к тайному домику твоему,
и стукнет негромко в дверцу, в окно —
это ведь, собственно, все равно.
Главное, чтобы она постучала —
по шляпе, по маске, по одеялу —
и тихо сказала несколько слов:
— Можно? Ты дома?
Обед готов.
И ты пообедаешь с ней за столом
и снова вернешься в свой собственный дом.

А если тебе на пути твоем
встретится чей-то собственный дом —
маленький, тайный собственный дом,—
помни:
на что бы он ни был похож,
не разрушай его,
не тревожь.
Чей бы он ни был,
и где б ни стоял,
и из чего бы ни состоял:
из чьей-то скамейки в зелени сада,
из чьей-то улыбки,
из грустного взгляда,—
помни,
что рядом шуметь не надо.
Помни, как просто разрушить его!
Достаточно даже хлопка одного...

Ты сохрани на пути своем
чей-то секретный
собственный
дом.

Марко ЭРНАНДЕС

КИКИ

РАССКАЗ

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Посвящаю моим детям Глории и Серхио.

Кики присел на корточки, пытаясь защемить палочкой хвост молодой игуаны, пригревшейся на солнце. Но вдруг, вспомнив своего друга-ленивца, с юркостью лисицы вскочил и нырнул в заросли бананов, окружавших толстые стволы кедров.

Миг — и Кики вскарабкался на кедр к ленивцу, висящему на ветке вниз головой. Мальчик погладил ленивца, и тот медленно повернул голову, доверчиво уткнулся теплым носом в щеку своего приятеля. Еще мгновение, и Кики соскользнул с дерева и помчался к ручейку.

Одним прыжком он очутился на камне посредине ручья и уселся, обхватив ноги руками и положив на колени голову. Скуластое лицо мальчика сияло от удовольствия. Природа доставляла много радости этому маленькому человечку.

Но вот он поднялся, сощурясь, посмотрел на солнце, измерил взглядом тень от большого дерева и, решив, что стемнеет нескоро, прыгнул на берег, и побрел по течению ручья.

В низине гигантские деревья хлопчатника и тиса расступились ровным полукругом. Кики знал, что сюда к водопою приходит пантера. Мальчик насторожился и поднял лук. Но вокруг было тихо.

Он уже собрался продолжать свой путь, как вдруг в ужасе отпрянул от воды: к берегу подплыла рыба-людоед. Вращательными движениями плавников она подняла мутную завесу из ила и притаилась. Кики пустил в хищницу стрелу. Отец недавно показал ему раненого оленя, упавшего в воду. Тотчас же на оленя налетела стая рыб-людоедов, и вода сразу окрасилась кровью. А когда вода снова стала прозрачной, на дне виднелись лишь белые, начисто обглоданные кости.

Ниже по течению над ручьем перекинулся ствол лианы. Кики уселся на него, свесив ноги и держа наготове лук.

Под его ногами проплыла бородатая рыба. Меткая стрела мальчика настигла ее.

Наловив рыбы на обед, Кики вернулся к хижине, где жил с отцом, матерью и старшими братьями. Надергал для приправы корней юкки, выкопал в глинистой почве ямку, обложил ее стенки банановыми листьями. Потом положил туда рыбу и приправы, залил чистой водой и прикрыл сверху плоским камнем. На камне Кики развел костер. К тому времени, когда костер догорел, рыба была готова, и семейство уселось вокруг с ложками и тыквенными мисками.

Вечером все племя, как всегда, собралось у большого костра. Женщины и мужчины курили трубку с длинным чубуком, передавая ее друг другу. Отец пришел с резной палицей в руке. На нем были бусы из зубов ягуара, передник из коры, расписанный ритуальными знаками. И красивый головной убор из ярких перьев.

Раздались звуки костяной флейты, украшенной крылышками жука скарабея. Затем вступили барабаны, и мужчины пустились в пляс, ударяя о землю копьями с каменными наконечниками. Колдуны, заклинания которых, по индейскому поверью, могут исцелять и убивать, надели маски из красной, черной или золотистой коры и тоже плясали. В былые времена этот военный танец должен был устрашать врагов индейцев, боевой клич звучал как вызов противнику. Теперь индейцы танцевали просто по обычаю.

Утром Кики проснулся раньше всех. Он протянул к первым лучам солнца ладони и потер ими лицо, как бы умываясь.

Поводом для этого рассказа послужил действительный случай, происшедший в Колумбии несколько лет назад.

Одним махом он взлетел на вершину кокосовой пальмы и сшиб несколько плодов. Потом, посадив на плечо ручную обезьянку, поспешил к папайе, усыпанной сочными желтыми плодами. Плоды папайи так велики, что в одном из них Кики устроил вчера ловушку для мелких зверьков и птиц. Кики полез на дерево, а обезьянка, спрыгнув с плеча мальчика, наблюдала за ним. Вот Кики добрался до ловушки, вынул из нее яркую птичку и с торжеством показал ее обезьянке. Потом погладил птичку и отпустил на волю.

В верховьях ручья рос огромный кедр, обхватить его могут лишь четверо мужчин, взявшись за руки. Под ним Кики собирал яйца игуаны, очень вкусные, когда их испечешь. Кедр был виден издалека. Он стоял посередине лужайки, с ног до головы увитый лианами, усыпанный их красными, желтыми и бело-розовыми цветами.

Кики улегся под кедром на влажную от росы траву и увидел в небе тучи розовых, белых и серебристо-серых цапель. Кики любил наблюдать за ними, когда они часами неподвижно сидели на верхушках деревьев у ручья, высматривая рыбу. Но теперь они с громким клекотом отправлялись на поиски новых водоемов. Кики стало грустно. Приближалось лето, ручей пересыхал на глазах, и птицы, а за ними и звери покидали лес. Охота и рыбная ловля с каждым днем становились труднее.

Шли дни. Как-то мать послала Кики за водой. Он ловко водрузил тыквенный сосуд на плечо и побежал по тропинке. Добравшись до ручья, мальчик обнаружил, что тот почти высох. Кики задумался. Он знал, что в сельве течет рукав большой реки. Пойти туда? Но там водятся крокодилы. Туда ему было запрещено ходить. Но как же вернуться домой без воды?

Со страхом Кики углубился в заросли. Деревья, оплетенные лианами и пахучими орхидеями, становились все гуще. Они изгибались и переплетали свои нижние ветви, образуя своды, под которые почти не проникали солнечные лучи. Было влажно и душно.

Неожиданно мальчик остановился. В нескольких шагах от него мелькнула кожа змеи. «Не смотри туда, не смотри, — пронеслось в его голове. — Змея отвлекает внимание жертвы, она нападает с другой стороны». С трудом преодолев оцепенение, Кики повернулся и вскрикнул, увидя прямо перед собой голову змеи. Он в ужасе отпрыгнул от нее.

Мальчик сел на поваленное дерево, с трудом переводя дух. Во рту у него пересохло. Он обвел взглядом траву и, увидя растение с толстым сочным стеблем, сорвал его и выпил прозрачный свежий сок.

Кики поднялся и пошел дальше. Вскоре впереди заблестела вода. Кики вставил в лук стрелу и выглянул из-за ствола тиса. На застывшей глади реки лежали плоские листья водяных растений, кое-где воду пересекали бороздки, которые оставляли крокодилы, плававшие в тенистой глубине. Кики решительно приблизился к берегу и поспешно набрал воды в тыквенный сосуд. Обратный путь показался ему вдвое короче.

Между тем лето вступило в свои права. Солнце палило нещадно, листья на деревьях сворачивались, точно опаленные огнем. Река пересохла. Не было ни дичи, ни рыбы.

Однажды отец и старшие братья собрались на охоту и взяли Кики с собой. Кики был счастлив. Обычно они охотились в глубине сельвы, теперь решили выйти из резервации. Охотники понимали, что отважились на опасное предприятие: индейцам разрешали охотиться только в отведенных местах. Все остальное принадлежало белым.

Индейцы шли молча, прорубая дорогу в чаще топориком с изогнутой рукояткой, настороженно оглядывались, когда выходили на прогалины. Один Кики не подозревал об опасности.

На третий день пути они увидели степь. И трава и кустарник тут были ярко-зеленые, значит, река близко.

Они пересекли глубокий овраг, заросший молодой буйной растительностью. И тут отец увидел молодую антилопу. Он подал сыновьям знак, и они тотчас окружили дичь, держа наготове луки. Но не успели индейцы выпустить стрелы из луков, как земля содрогнулась от страшного грохота, и столб дыма и песка поднялся к небу.

Кики был отброшен на песок. Сделал попытку подняться и снова упал. Придя в себя, он увидел прямо над собой оскаленные пасти четырех охотничьих псов. А дальше стояли белые охотники, державшие псов на поводке. Мальчик принял их за злых духов. Он не слышал ни лая, ни окриков — его оглушило взрывом. Он не знал, что его отец и братья поплатились жизнью за то, что осмелились выйти из резервации: они подорвались на заминированной границе. Кики попробовал вскочить на ноги и убежать. Но его свалили ударом приклада и привязали к седлу лошади.

Охотники собирались отвезти Кики в школу, где индейских детей насильно обучали ремеслам. Мальчик не знал об этом. Он понимал только, что попал в неволю. И хотел одного — убежать.

На привале его привязали к дереву.

Один из охотников сунул в рот мальчику кусок мяса, но Кики крепко сжал зубы, и белый ударил его по лицу.

Эту ночь Кики провел привязанным к дереву, четыре пса сторожили его. Белые охотники подвесили гамаки к деревьям и, завалившись в них, храпели. Ночь была лунная, светлая, холодная. Когда Кики пробовал шевельнуть руками, веревки еще глубже врезались в его тело.

Утром солнечные лучи пригрели мальчика, и он заснул. Грубый хохот вывел Кики из забытья: вокруг стояли четыре его мучителя. Вскоре мальчика привязали к седлу и снова повезли.

Они въехали в поселок белых, когда дети шли в школу. Лошадь, к которой был привязан Кики, шла последней. За ней с воплями мчались белые ребятишки: они дергали Кики за волосы, тыкали в него палками, колотили книжками, а один мальчишка даже прижег ему ногу окурком. И никто из взрослых не останавливал этих жестоких детей.

Здесь индейцев считали низшей расой. Пусть они живут в дикой сельве под угрозой голода, диких зверей и тропической лихорадки! Стоило индейцам покинуть сельву в поисках пищи или воды, как их травили собаками и убивали.

Кики отвели на конюшню. Когда его пытались кормить силой, он кусался и отбивался руками и ногами. Чем жить в неволе, лучше умереть. Сидя в этом грязном, темном углу, он вспоминал своих близких, старался в щель увидеть хоть кусочек степных просторов и ясного неба.

Ночью полил такой ливень, какого Кики в жизни не видел. Он обрадовался: значит, засушливый период кончился, индейцы из сельвы спасены — будут у них и вода и дичь. И мальчик запел благодарственную песню.

Песня уносилась ввысь, а кругом бушевала тропическая гроза, лились потоки воды, гнулись до земли деревья, сверкали молнии.

Перевела с испанского
Т. ИВАНОВА.

Рашид РАШИДОВ

Летом

Раскрылась чашечка цветка,
Как будто невзначай,—
И солнце налило в нее
Свой золотистый чай.

На запах чая и на цвет
Летит, жужжит пчела;
Уселась наскоро
И пить
Из чашки начала...

Цветок пил солнце,
А пчела
Пила
Его настой...
И улетела, вся блестя
Пыльцою золотой.

Солнечный урожай

Луч в окне, на грядке, в луже...
Ох, лучи и горячи!
Тыква, чем других ты хуже?
Собирай давай лучи!

И айве отстать негоже:
Ты совсем еще бела,
А денек такой погожий —
Набирай давай тепла!

Эй, гордячка кукуруза,
Не останься на мели —
Больше солнечного груза
Ты на плечи навали!

...А потом зима настала.
Ходят в небе волны туч...
Что-то жадным солнце стало:
Бережет свой каждый луч!

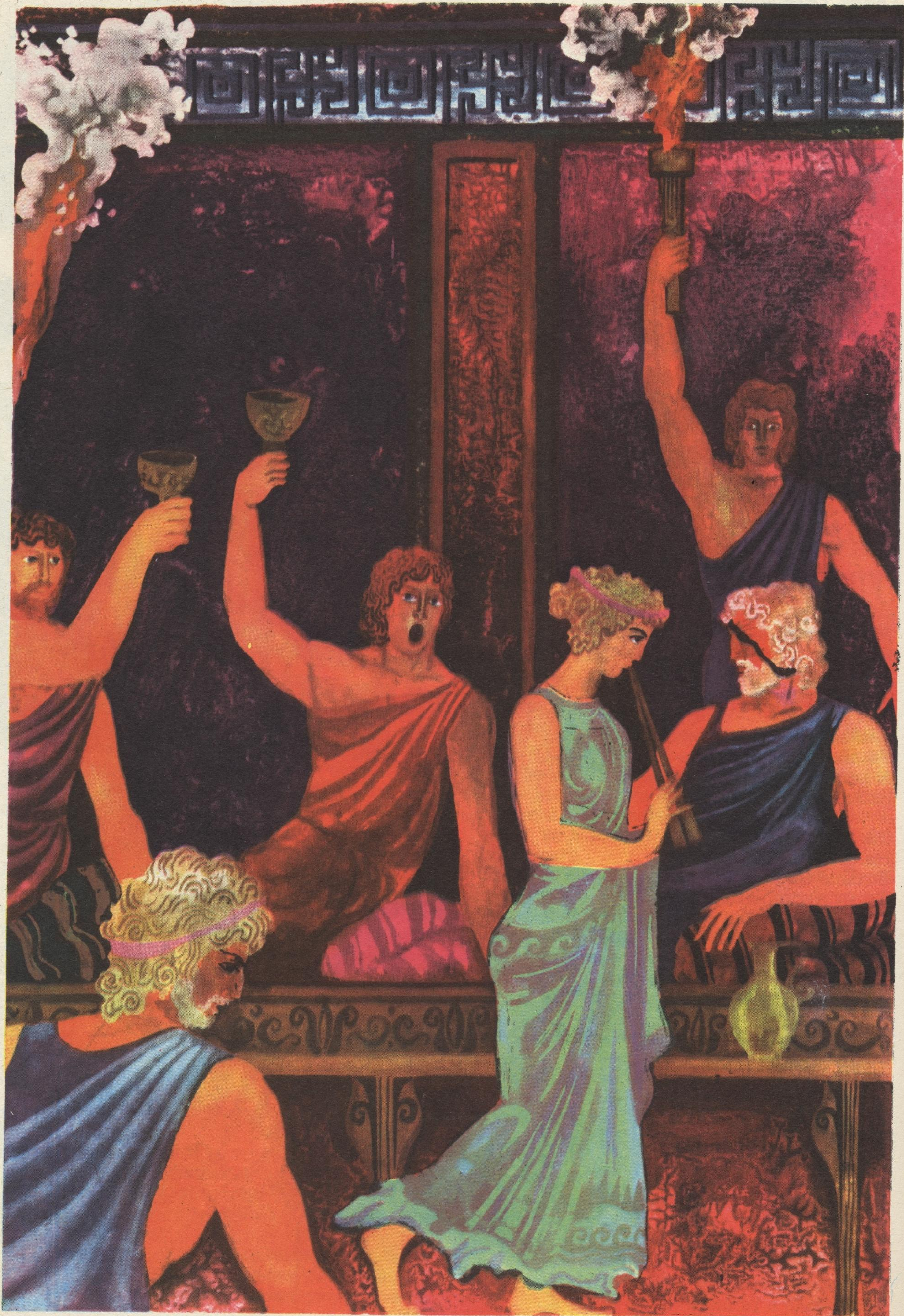
Тыкву мать взяла в сарае,
Разрубила пополам...
Будто солнышко, играя,
Вдруг пожаловало к нам!

Достает сестренка вазу,
В ней варенье из айвы...
Будто осень входит сразу,
Прямо в золоте листвы!

Кукурузы спелой зерна
Я рассыпал по плите...
Будто звездочки проворно
Замерцали в темноте!

Перевел с даргинского
Юрий ХАЗАНОВ.

Рисунок Ю. КОРНЕЕВА.

Вечером в старом дворце начался пир.

Л. ВОРОНКОВА

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА

Примирение

Так легко Филиппу дышится в Пелле теперь, когда в гинекее живет Клеопатра! Вместо упреков и угроз Олимпиады мягкий, ласковый голос, светлый взгляд, добрая улыбка юной жены.

И маленький сынок, смеющийся в колыбели. Судьба старается наградить Филиппа всеми радостями, доступными человеку на земле.

Но сын его Александр ушел из дома!

Олимпиаду забыть очень легко. Пусть она сидит там, среди гор, у своего брата. И совсем хорошо было бы, если бы она осталась там навсегда. А Филипп скоро отправится в Азию. Греки думают, что он пойдет свергать и уничтожать персидского царя, этого рохлю Дария. Но Филипп просто прогонит его из греческих колоний, захватит азиатский берег и будет царствовать до конца своей жизни — и над Македонией, и над Элладой, и над колониями греков, расселившихся по берегам морей.

Все складывается так, как он хотел. Можно торжествовать, можно считать себя счастливым.

Но вот сын его Александр ушел из дома!

Так прошла осень, прошла зима. А когда согрелись горы, и в долинах загремели весенние потоки, и зеленый бархат молодой травы кое-где появился на склонах, македонские полководцы заговорили о том, что время надевать панцири.

Как-то утром к Филиппу пришел Аттал.

— Не думаешь ли ты, царь, что пора двинуть войско?

— Войско мое готово, — ответил Филипп, — но сам я еще не готов. Надо уладить многие дела. Надо подумать, кого оставить здесь, пока я буду отсутствовать.

— Пошли хотя бы авангард.

— А кого послать в авангарде?

— Я сам пойду. Если ты мне доверяешь. Кажется, я у тебя не из последних полководцев.

Филипп незаметно взглянул на него. Заносчивый, самодовольный, грубый, он становился в тягость Филиппу. Ему неприятно было видеть, как Аттал старается всем показать, что он не только царский этер, но он еще и родственник царя. Филиппу неприятно было видеть, как доброжелательно встречают Аттала его солдаты. Аттал умеет расположить их к себе, хотя он, Филипп, не понимает, чем именно.

— Хорошо, — сказал Филипп, — ты поведешь мой авангард. Переправишься через Геллеспонт и там будешь меня ждать. А я не замедлю. Ты прав, Аттал, пора надевать панцирь.

В это время до Филиппа стали доноситься зловещие слухи из Эпира. Олимпиада не успокоилась, ничего не забыла, ни от чего не отка-

залась. Она неустанно подбивала брата, царя Эпирского, начать войну против Филиппа.

— Правда на нашей стороне. Будущий царь Александр Македонский с нами. Сейчас самое время напасть на Филиппа.

Уже слышно стало Филиппу, что в Эпире гремят оружием и так же, как он против перса, готовят войско против него. Он уйдет сражаться с Дарием, а в это время царь Эпирский захватит его собственное царство!

Филипп неистово ругался. В такое время, когда сама Тиха, богиня удачи, подала ему руку, когда он так близок к свершению своих огромных замыслов, проклятый Эпир, проклятая женщина и бестолковый брат ее становятся на его дороге!

— Если бы взорвалась какая-нибудь гора в Эпире и обрушилась бы на их головы, клянусь Зевсом, я похоронил бы их очень охотно и с великими почестями!

Филипп со своим отличным войском, конечно, разобьет Эпирского царя. Но у него связаны руки, он не может сейчас, подготовившись к одной войне, затевать другую.

Что же ему делать?

Искать мира — вот что надо делать. Искать мира с Эпирским царем. Искать мира с Олимпиадой.

В это время, очень кстати, к Филиппу пожаловал гость — Демарат из Коринфа. Демарат и Филипп были друзьями, они иногда гостили друг у друга, их связывали узы гостеприимства, что в те времена имело важное значение.

— Ну, что там у вас, — начал Филипп, — ладят ли между собой греки?

Демарат, усмехнувшись, покачал головой.

— Что и говорить, Филипп, — ответил он с иронией, — кому, как не тебе, заботиться о том, чтобы ладили греки, кому, как не тебе, который и в собственный дом внес распрю и беды.

Демарат был гостем и другом и потому мог, не стесняясь, сказать Филиппу все, что он думает. Филипп не обиделся, он понимал, что Демарат прав.

— Я готов все забыть и все простить Александру, — вздохнув, ответил Филипп, — лишь бы он вернулся. Это нехорошо, что он ушел к моим врагам. Но как я заставлю его вернуться?

— Я берусь уладить это дело из дружбы к тебе и из любви к Александру, — сказал Демарат. — Я попробую убедить его. Сыну Македонского царя нужно жить в Македонии. Иначе к чему же это все поведет? Междоусобица, смятение и снова война между своими... От этого все уже устали.

— Ты прав, Демарат, ты прав, клянусь Зевсом! — согласился Филипп. — Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты вернул домой Александра.

— Но как ты поступишь с Эпиром?

— Придумаю. Если бы ты только уладил это дело с Александром!

И Демарат это дело уладил. Александр вернулся домой. Но прежней дружбы с отцом уже не было. Они ничего не простили друг другу.

Удар кинжалом

Филипп придумал, как примириться с Эпиром. Он предложил Эпирскому царю Александру жениться на его дочери Клеопатре. Это ничего, что Клеопатра доводится Александру племянницей, — даже боги женятся на родственниках. А брак двух людей из царских домов — это брак двух царств!

Свадьбу решили отпраздновать в старом городе Эгах.

...«Есть расстояние токмос меж чашей и губ твоих краем». Так сказал поэт, потому что он знал: и в такой мгновенный промежуток времени может случиться то, чего человек никак не предвидит. Не предвидел и Филипп, что готовит ему этот роковой день.

Праздник длился весь день с самого раннего утра. И вот уже солнце стало понемногу приближаться к вершинам гор. Снега на Олимпе с запада оделись в багряное сияние, а с востока на них, словно плащ, легла густая синева. Наверху, на склонах, вечерние лучи еще путались в хвойных лапах дремучих лесов. Но внизу, сбегая к стенам города, деревья тонули в лиловых сумерках, и сумерки эти уже переваливали через стены и незаметно ползли по улицам.

В старом дворце готовился ужин, звенела золотая и серебряная посуда, в очаге разгорался большой огонь. И когда все было готово, и столы накрыты, и гости, по эллинскому обычаю, увенчаны цветами и зеленью, начался пир. Но прежде чем были подняты чаши с вином, вошли глашатаи и пригласили гостей на следующее утро в театр посмотреть комедию, подготовленную греческими актерами.

И долго еще среди шума и песен праздничной толпы слышались по городу голоса глашатаев, объявлявших о том, что завтра с утра в театре будет представление и что зрители могут занимать места...

На рассвете, едва засеребрилась в лиловом небе вершина Олимпа, люди в пестрых, праздничных одеждах уже спешили в театр. Действие начиналось рано, чтобы успеть закончить представление до сумерек, пока темнота не повесит свой занавес. В театре, раскинувшем полукругом каменные скамьи, еще стояла предутренняя тишина. Но вскоре здесь загудела толпа. Зрители торопились занять места. Красная заря осветила город, когда открылись ворота царского дворца и царь Филипп появился на улице, окруженный этерами, телохранителями и знатными гостями.

Филипп много вина выпил вчера за ужином. Но короткий сон ободрил, освежил его. Он вышел из дворца веселый. Вздохнув полной грудью, он почувствовал, как душист августовский воздух, как прекрасен мир, созданный богами, как хороша жизнь.

Все идет так, как хочет Филипп.

Вдруг сердце у него дрогнуло, сжалось от какой-то безотчетной тревоги. Филипп краем глаза уловил внимательный и недобрый взгляд из толпы своих этеров.

«Это Аррабей линкестиец, — сказал себе Филипп, хотя зловещий взгляд только сверкнул и тут же исчез. — Он стоит, отвернувшись, будто и не думал смотреть на меня. Но он смотрел. Будь у меня оба глаза — я бы давно это заметил. Но он смотрел на меня с моей слепой стороны — и как!»

Линкестийцы все здесь — Аррабей, Геромен, Александр... Все три брата. Опасная семья старой родовой знати из Верхней Македонии. И хорошо, что они здесь. Филипп должен их держать при себе, иначе за его спиной они могут многое придумать и предпринять. Они все еще не примирились с тем, что Филипп стал царем, хотя их род такой же знатный и такой же древний.

Линкестийцы! Как трудно пришлось Филиппу с ними! Верхнемакедонские властители не желали признавать царей Нижней Македонии. Филипп силой привел их к этому — он стремился объединить Македонию, расширить ее, усилить. Но линкестийцы, как и другие родовитые македонские властители, не хотели слышать ни о каком объединении, ни о какой зависимости. Им было достаточно их владений в маленькой гористой Верхней Македонии, где они были полновластными владыками.

Всем им, и линкестийцам тоже, пришлось покориться военной силе Филиппа, пришлось признать его царем. Но Филипп знает: они воспользуются любым удобным моментом, чтобы вернуть себе власть и независимость.

«Только я им этого момента не дам, — думал Филипп, — нет, они этого не получат!»

Филипп улыбался. Но его единственный глаз остро и внимательно пробегал по лицам приближенных. Все были навеселе, шутили, смеялись. К кому бы ни обращался Филипп, все смотрели на него открыто, дружелюбно.

И все-таки где-то здесь таилась угроза, как змея, которая спряталась за камнем и ждет момента, чтобы броситься и ужалить. Но где?

Филипп заметил, что около него, стараясь занять местечко поближе, все время оказывается молодой этер из знатной македонской фамилии Павсаний.

«Опять этот со своими жалобами, — с досадой подумал Филипп. — Аттал оскорбил его, Аттал обидел его. Так что ж мне теперь ради этого мальчишки выгнать из Македонии моего родственника и полководца? Пора бы перестать лезть ко мне с чепухой!»

— Не надо омрачать праздника, Павсаний, — сказал он дружелюбно, — ну, можно ли из-за какой-то шутки, правда, грубой шутки, — но ведь ты же знаешь Аттала! — так сильно огорчаться? Все уже давно забыли об этом. Забудь и ты.

— Никто не забыл, — с мрачным упорством возразил Павсаний, — надо мной смеются. Даже царица Клеопатра...

— Никто этого не принимает всерьез...

— Поэтому я и жалуюсь, что моей обиды никто не принимает всерьез. И я еще раз требую, чтобы ты восстановил справедливость и наказал Аттала.

— Клянусь Зевсом, Павсаний, — нетерпеливо сказал Филипп, — я, кажется, многое сделал для тебя, чтобы загладить эту глупую выходку Аттала. Я приблизил тебя к себе, к своему двору. Неужто еще не довольно? Ты мало ценишь мои милости и чрезмерно мнишь о самом себе!

— Ты не накажешь Аттала, царь?

— Нет, я не сделаю этой глупости.

Филипп отвернулся и перестал замечать его.

Они подошли к узкому проходу, ведущему в театр. Филипп обратился к своей свите:

— Проходите вперед, здесь тесно.

Гости и этеры царя прошли вперед. Рядом с Филиппом остались два Александра — его сын и зять.

— А все-таки почему такое красное сегодня небо? — с внезапной тоской сказал Филипп. — Что оно предвещает?

— Вот что! — глухо сказал откуда-то взявшийся Павсаний.

В то же мгновение Филипп, хрипло и страшно вскрикнув, пошатнулся и схватился за грудь. Сквозь пальцы хлынула кровь.

Павсаний, бросив на землю окровавленный кинжал, убегал, расталкивая толпу.

Александр кинулся к отцу, но не успел поддержать его. Филипп упал.

Так окончил свою жизнь полководец и завоеватель Филипп, царь Македонский.

Смятение

Плач и вопли стояли над Эгами, сменив веселые клики свадебного торжества.

Олимпиада, бледная, с острым блеском в глазах, смотрела, как факелами, зажженными для пира, зажигают погребальный костер царя. И Александр увидел, что в этом пламени, отразившемся в ее глазах, светится жестокая усмешка победившей...

Высокое бледное пламя погребального костра таяло в свете ясной вечерней зари. Полководцы Филиппа, его друзья и ровесники, бородатые воины стояли перед костром в тяжелом молчании. Трудно было освоить то, что произошло.

Могилу Филиппу сделали обширной и прочной, чтобы умершему было спокойно в загробной жизни, чтобы никто не тревожил его, чтобы душа его имела надежное пристанище. Все, что могло ему понадобиться — драгоценные кратеры с лучшим вином, чеканные чаши, блюда с пищей, золотые светильники, — все заботливо собрали и положили в могилу. Даже банную скребницу не забыли. И, конечно, принесли покойному царю его боевое снаряжение — панцирь, щит, меч, сариссу.

Потом закрыли могилу тяжелыми каменны-

Александр не успел поддержать отца — Филипп упал.

ми плитами и сверху насыпали большой холм, чтобы никто не мог проникнуть в последнее жилище Македонского царя.

Могильщики еще трудились над могильным холмом, а в городе уже бушевали страсти. Кому быть царем Македонии?

Полководцы, вся военная знать были единодушны: царем должен стать Александр. Армия знала и любила Александра. Он пленял людей своим мягким обращением, светлой эллинской красотой, образованностью... Полководцы и солдаты видели его при Херонее. Армия ждала похода в Азию, новых побед, новых земель, военной добычи, военной славы. Кто же из всех, стремящихся захватить царскую власть, достоин заменить Александра?!

— Нет, не Александру быть царем Македонским! — кричали сторонники линкестийцев, подкупленные ими. — Александр испорчен греческим воспитанием. Он презирает нравы доброй старины! Он гордый и надменный, как его мать Олимпиада, он будет еще опаснее для народа, чем Филипп, — он задушит все наши вольности и права! Сыновья Аэропа — вот кто должен царствовать в Македонии!

Но эти речи не убеждали никого. Народ шумел, кричал:

— Линкестийцы убили Филиппа.

— Смерть линкестийцам!

Александр был во дворце, когда к нему в покои вбежал бледный от ужаса линкестиец Александр, младший из трех сыновей Аэропа. Он упал к ногам сына Филиппа.

— Царь, защити меня! Я не искал престола. Ты — законный наследник, ты — царь Македонский, не отправляй меня на смерть, я не виноват перед тобой!

— Где твои братья?

— Их казнили сейчас... На могиле царя Филиппа... Прямо на могильном холме...

Это был первый человек, который назвал Александра царем. Он был женат на дочери Антипатра. Антипатр любил его.

— Ты останешься со мной, — ответил Александр. — Ты будешь моим этером. Встань.

Александр, царь Македонский

Утром лишь, только взошло солнце, улицы снова заполнились народом. Толпы прибывали отовсюду — из дальних селений, из городов. Шли пастухи с горных пастбищ, шли из лесов звероловы.

Павсаний убегал, бросив на землю окровавленный кинжал.

Вдруг толпа умолкла и расступилась. На улице появились военачальники царя Филиппа, его этеры и друзья. Они шли в полном вооружении, сверкая доспехами. А впереди, между Антипатром и Филотой, шел Александр. Старые полководцы охраняли его своими блестящими щитами.

Увидев, что Александр и окружающая его военная знать направляются к театру, толпа хлынула туда же, торопясь занять места. Прошли в театр и все знатные гости, приехавшие на свадьбу и оказавшиеся на похоронах. Еще в смятении, еще не нашедшие для себя решения о том, кому быть царем Македонии, они уже понимали, что армия встала на сторону Александра. А в руках армии, в руках ее полководцев была та главная сила, которая низвергала и провозглашала царей.

Солнце взошло, осветив заполненный пестрой толпой театр. И здесь при огромном скоплении народа, при всей македонской знати старый полководец Антипатр провозгласил Александра царем. Клики ликования и приветствий грянули и забушевали в театре и в близлежащих улицах, где толпился народ, не вместившийся в каменный круг театра.

Это произошло осенью, в триста тридцать шестом году до нашей эры. Александру тогда только что исполнилось двадцать лет.

Александр по македонскому обычаю призвал войско и принял от него поздравления.

Он чувствовал, что войско тревожно. Воины еще не знали, чего им ждать от молодого царя. Филипп обещал вести их в Азию, но как решит Александр? Осмелится ли он на такой дальний и рискованный поход? А македонским войскам дома делать нечего. Не идти же им в пастухи, не браться же им за соху или, накинув на плечи волчью шкуру, карабкаться по горам, охотясь на зверя!..

Александр явился перед войском в царской диадеме на крутых золотистых кудрях. Голубые глаза его сверкали. Он обратился к воинам на родном македонском наречии, и это сразу открыло для него сердца.

— Ничего не изменилось, — говорил он, — изменилось только имя царя. Но могущество Македонии, порядок, установленный царем Филиппом в стране, остались те же. По-прежнему военная служба для македонцев обязательна. Только — добавлю от себя — те, кто служит в войске, будут освобождены от всех других повинностей, в том числе от земельной подати. А надежды на новые завоевания остались с нами по-прежнему!

Войско слушало, затаив дыхание, боясь проронить слово. И, когда голос Александра умолк, воины ответили радостными криками.

Все пришло в движение. Каждый день — тренировки, переходы в полном вооружении, опять тренировки, опять переходы. Александр, сам не знающий усталости, добивался от подчиненных мгновенного выполнения команды. Никаких поблажек, никаких уступок. Воины и некоторые полководцы ворчали: к чему это? Вот пойдем в поход, тогда и натренируемся. Они уже забыли, как царь Филипп, отменив обозы, гонял их в полном вооружении с провиантом за спиной в зимний холод и в летнюю жару. Но постепенно втянулись и сами почувствовали, как эта ежедневная воинская работа взбодрила войско. Они уже получали удовольствие, почти наслаждение, стоя в рядах фаланги, чувствовали себя слитыми с ней, словно единый организм. Плечо товарища, его щит рядом с твоим щитом, его сарисса рядом с твоей сариссой. И у каждого та же цель, что у тебя. Сердце наполнялось боевой отвагой, всякая мысль о страхе перед врагом исчезла. Ни одного неверного шага, ни одного промедления — тогда армия непобедима.

Молодой царь торопился.

Враги грозили Македонии со всех сторон, отовсюду шли тревожные вести. На севере фракийские племена, с которыми много пришлось сражаться Филиппу прежде, чем он покорил их, отказываются признавать власть Македонии. В Фессалии — брожение, фессалийская конница не хочет подчиняться македонцам. Пэония заявляет о своей независимости. Варвары уже разбойничают на македонских границах. Греция, еще разрозненная внутренними распрями, шумит в единодушной надежде вернуть свою свободу. Афины готовятся к войне, вооружаются, вооружают флот, который все еще самый сильный в Элладе. Пелопоннес не хочет признать Македонского царя вождем объединенных войск для войны с персами.

Фиванцы постановили изгнать из своей крепости Кадмеи македонский гарнизон. Они были согласны признать Филиппа вождем объединенных войск. Но Александра признавать вождем не хотели.

Амвракийцы македонский гарнизон уже изгнали. Этоляне, заверявшие Филиппа в своей дружбе, взялись за оружие. Аргос, элейцы, аркадяне больше не считаются ни с военной силой Македонии, ни с договорами о союзе с ней. А Спарта никогда ни с кем не считалась и никому не подчинялась. Союз, организованный Филиппом, распадался.

С трех сторон подступали к Македонии враги, кочевые разбойничьи племена. Как уйдешь в Азию? Границы останутся открытыми, и варвары растерзают Македонию.

Значит, надо теперь же, как только минует зима и весна откроет горные дороги и проходы, двинуть во Фракию войска и усмирить варваров. Филипп умер, Филиппа уже нет. Да, Филиппа нет, но есть Александр!

Наконец отгремели, отсверкали весенним половодьем реки, ушли снега из горных ущелий, открылись проходы. Свежая зелень хлынула на склоны гор, задымились под солнцем сырые поля, из влажной земли на глазах напористо лезли посевы...

В эти дни и запели по всей Македонии призывные военные трубы. Походным маршем зашагала пехота. Тронулась в путь конница. Отряд за отрядом пошли легковооруженные войска.

Александр торопил войско. Сам он мог сутками не слезать с коня. Но войску нужен отдых и обед. Лошадей надо кормить. И он терпеливо ждал на привалах, когда разгорятся костры, когда сварится обед или ужин и когда снова можно сесть на коня.

Он решил прежде всего ударить на трибаллов. Никаких уступок, никакого промедления. Пусть почувствуют мстящую руку македонца. Племя это сильное и опасное. Но если Александр собирается сражаться с несметной персидской армией, то устрашат ли его разбойничьи орды варваров?

Дорога была нелегкой — лесистые холмы, овраги, ледяные ручьи на дне оврагов, бегущие с гор. Скалистые отроги вставали по сторонам, загораживая горизонт...

Невысокие фракийские горы постепенно окружали македонское войско. С каждым днем становилось теплее, с каждым днем прибавлялось зелени на горах. На десятый день пути войска Александра перевалили через отроги Малых Балкан и остановились перед утесами высокой фракийской горы Гем. Здесь и раскинули лагерь, чтобы дать войскам отдых перед боем.

Прежде чем войти в ущелье и перевалить через невысокий хребет Малых Балкан, Александр на заре послал разведку.

Разведчики вернулись смущенные.

— Ущелье забито фракийцами. Они ждут, приготовились стрелять из-за каменных уступов. Но самое главное, вот что придумали: втащили на гору свои огромные повозки и поставили их перед собой. Как полезем через перевал, так и сбросят они на нас эти свои повозки.

Этеры, военачальники стояли вокруг Александра.

— Что делать?

— Идти вперед. Другого пути нет.

Полководцы переглянулись — не велика слава погибнуть под повозками варваров!

Смущение пробежало и среди войска. Повозки с тяжелыми колесами из деревянных кругляков нависли над головами. Стоит македонцам тронуться, как повозки с грохотом повалятся на них.

— Пусть валятся, — сказал Александр. — Гоплиты, слушайте меня. Когда повозки повалятся на вас — расступайтесь и пропускайте их, пусть летят дальше, вниз, а вы оставайтесь по сторонам. А там, где узко и расступиться некуда, пригнитесь к земле, прижмитесь друг к другу и накройтесь щитами. Повозки прокатятся по щитам, а вы останетесь целы и невредимы. И тогда уже — прямо в бой. Вперед!

И первым, подняв щит, полез на гору.

Фракийцы выжидали. Их рыжие лисьи шапки виднелись над заслоном огромных, грубо сделанных повозок. Увидев, что македонцы двинулись на перевал, они с дикими торжествующими криками спихнули со скалы свои повозки. Грохот, звон щитов... Словно горный обвал обрушился на македонцев.

Но что это? Фракийцы с ужасом увидели, что их повозки никому не причинили вреда. Они катятся вниз, в ущелье, кувыркаясь и распадаясь на части. Македонцы расступились и пропустили их. А где некуда было отступить, они, укрывшись щитами, превратились в большую черепаху, и повозки лишь прогрохотали по металлу.

И вот македонцы лезут наверх, и удержать их больше ничем нельзя.

Александр послал вперед лучников. А вслед за ними двинул фалангу. Он сам повел ее.

Фракийцы выбегали из-за скал в надежде остановить это надвигающееся на них бедствие, но тут же падали, сбитые стрелами. Воющий свист стрел не умолкал, заполняя ущелье, пока не вступила в бой фаланга. Выставив сверкающие жала копий, заслонившись щитами, македонцы двинулись на легковооруженное фракийское войско. Фракийцы еще пытались сопротивляться, хотя поняли, что стену сомкнутых македонских щитов пробить невозможно. Но когда увидели перед собой высокий белый гребень Александрова шлема, они бросили оружие и побежали в горы в панике, в ужасе, в отчаянии.

Ни один македонец не погиб в этой битве. Они перевалили через Гем и пошли дальше, оставив на склонах горы почти полторы тысячи неподвижных тел, над которыми кружили птицы.

Трибаллы

Сирм, царь трибаллов, уже знал, что Александр идет по фракийской земле. Ему было известно могущество македонских фаланг. Но и трибаллы умели воевать. Они однажды крепко поколотили македонцев, когда те шли из Скифии. И всю добычу у них отняли! Да и сам царь Филипп не ушел от них — его унесли отсюда на щитах, почти мертвого. А ведь царь Филипп был закаленным воином, полководцем, прославленным на весь мир!

Теперь к ним идет Александр. Мальчишка, который думает, что если он назвался царем, то уже стал полководцем. Пусть идет. Сирм знает, как встречать непрошеных гостей.

...Александр покинул Гем, не оглянувшись. Он стремился дальше, вперед, к великой реке Истр *, где засели трибаллы. Трибаллы, снова трибаллы! Вот он припомнит им нынче страдания Филиппа, его отца, он припомнит им тот злосчастный день, когда воины, осторожно ступая, внесли во двор царского дома на своих щитах полумертвого Македонского царя!

На пустынном плоскогорье стояла тишина, слышались только мерный шаг пехоты да топот тяжелых коней по каменистой земле, кое-где прорезанной скупыми ручьями весенней воды.

«Какие печальные места,— думал Александр, невольно отвлекаясь от своих военных забот,— уже и сейчас вода еле струится, и трава не в силах прикрыть камень. А что же здесь летом? Солнце высушит ручьи, выжжет землю... Бесплодная степь, пустыня. Вот и колодцы здесь почти бездонны, так глубоко вода. Ах, широкий Аксий, ах, светлый Лудий!»

Сейчас Александру казалось, что лучше Македонии нет на свете земли. Но такой всегда предстает человеку родина, когда он ее, хотя бы даже ненадолго, покидает.

Однообразие каменистой долины утомляло. Александр уже с нетерпением вглядывался в полуденную даль — не блеснет ли наконец из-за гор, из-за свежей зелени лесных зарослей живая синева Истра?

Память, словно это было вчера, повторяла слышанное давно, еще в детстве. Вот он, совсем маленький мальчик, недавно вошедший в мегарон, сидит и слушает рассказы отцовских этеров об их походах, о тех местах, где им приходилось побывать с царем Филиппом, о битвах, о победах. И почти каждый из этих бородатых воинов упоминал о великой реке Истр.

И сейчас, чуть покачиваясь на широкой спине сильного фессальского коня — Букефала он берег в походах,— Александр слышит свой разговор с Антипатром. Совсем еще маленький мальчик, он опирается на колено Антипатра, спрашивает:

— ...Антип, а откуда она течет, эта река Истр?

— Не знаю. Откуда-то с гор, что около Адриатики. На ее берегах живет множество племен.

— А какие племена там живут?

— Ближе к нам — иллирийские, фракийские. А если к северу, там кельты, кельтские племена — бойи, инсубры, сенопы, гезаты...

— А Истр больше Аксия?

— Ха! Он больше Нила, что где-то в Египте. Говорят, тоже большая река. Но Истр куда больше!..

А потом он и сам увидел Истр, когда покорял медов. Какая река, какой красоты, какой мощности!

Александр вздрогнул, словно проснувшись. Впереди блистало под солнцем голубое серебро воды.

— Истр?

Он живо оглянулся, ожидая увидеть Антипатра, с которым только что мысленно разговаривал. И тут же вспомнил, что Антипатра он оставил в Македонии править делами.

— Нет, это не Истр,— ответил кто-то из этеров.— Это река Лигин.

«Ах да, Лигин... Значит, до Истра еще три дня пути. Три дня — и я загляну в лицо Сирму. Еще целых три дня!»

Странные вести приносили царю разведчики:

* Истр — Дунай.

Македонская фаланга была готова к бою, неотвратимая, как судьба.

войско трибаллов готово к бою, но царь Сирм испугался, ушел на остров Певку. И семья его с ним... И приближенные...

Александр не так далеко отошел от Лигина, когда новое донесение разведчиков остановило его.

— Трибаллы на Лигине! То ли они хотят зайти в тыл и закрыть проходы, то ли ищут Александра...

— Они меня найдут очень скоро! — сказал Александр.

Он тотчас повернул войско назад к Лигину. Фаланга шла скорым маршем. Александр нетерпеливо стремился застигнуть врага, когда тот совсем его не ожидает. Так поступал великий персидский полководец царь Кир, о котором рассказывал не раз в тишине Миезы Аристотель. Так поступал и его отец.

...Вечером на берегу Лигина в лесу загорелись костры военного лагеря трибаллов. Бледное пламя с лиловыми дымками едва светилось в зеленом сумраке деревьев и кустарников. Трибаллы готовили пищу, чтобы, отдохнув, ринуться в погоню за Александром.

И вдруг среди сумеречной тишины, среди мирного потрескивания пылающих костров над головами трибаллов зловеще прогудела стрела. Они еще не успели сообразить, что произошло, как лес внезапно наполнился шумом летящих камней, воющих стрел и дротиков, все кругом было пронизано их смертоносным дождем.

Трибаллы вскочили, забегали среди костров, хватаясь за оружие, выбежали из леса на открытое место. Они решили, что это лишь легковооруженные отряды Александра, лучники и пращники, у которых даже щитов нет. Но, выбежав из леса, трибаллы дрогнули. На расстоянии полета стрелы перед ними стояла македонская фаланга, защищенная с флангов конницей, готовая к бою, неотвратимая, как судьба.

Трибаллы поняли, что Александр умышленно выманил их из леса и что от битвы, которой они искали и которой теперь испугались, им уже никуда не уйти.

Дротики, стрелы, камни летели с обеих сторон. Гудящая, сверкающая металлом гроза бушевала над головами.

Сражение длилось недолго. Трибаллы нарушили строй, побежали.

Поле битвы затихло как-то внезапно. Александр оглянулся и увидел, что наступила ночь. Над поляной еще светилось заревое майское небо, а лес уже стоял в черной мгле, скрывая тех, кто нашел там убежище. Александр снял шлем, откинул рукой влажные кудри, вытер вспотевший лоб.

— Есть пленные?

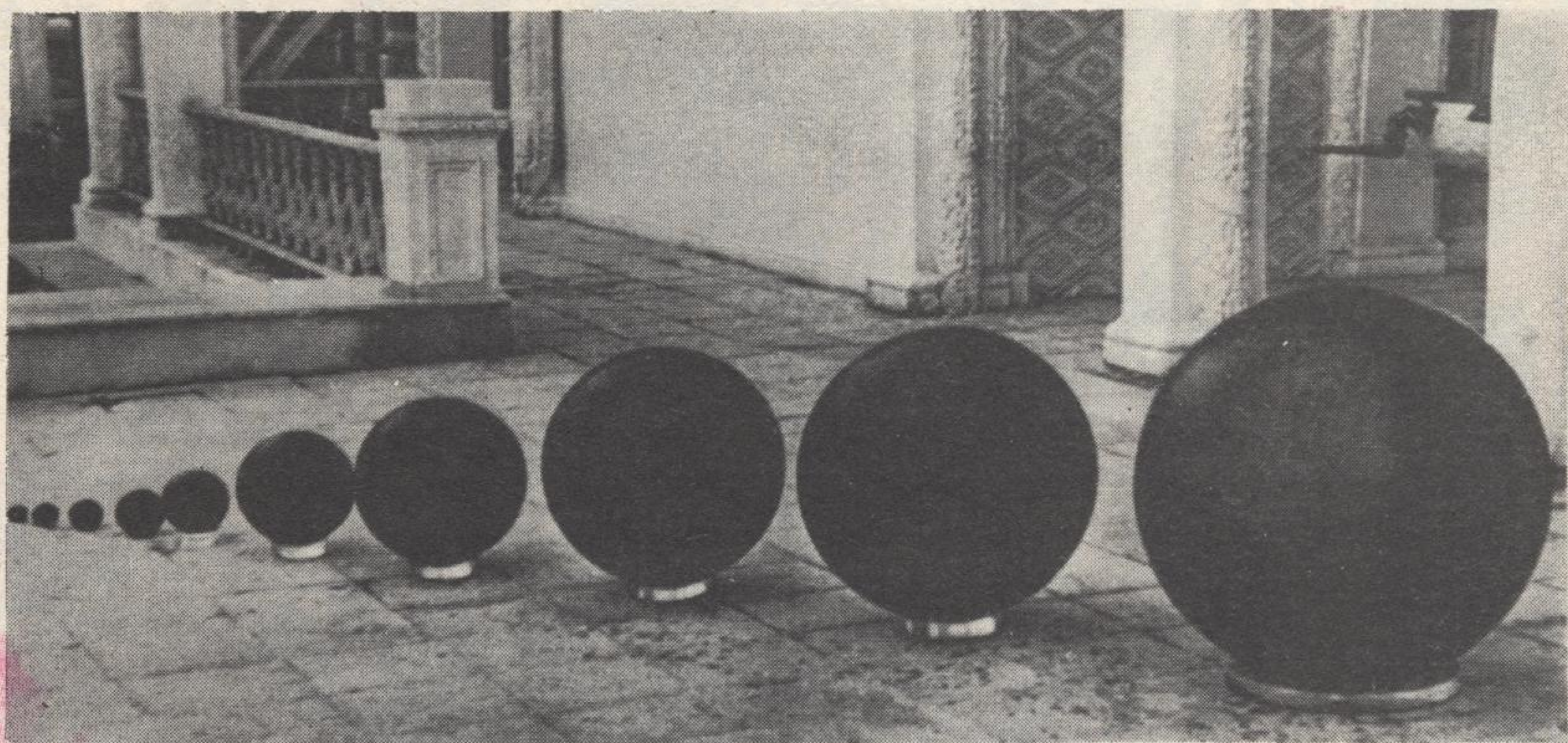
— Очень мало, царь. Но убитых трибаллов много. Тысячи три, не меньше.

— А наших?

— Мы потеряли одиннадцать всадников, царь. И сорок пехотинцев.

Александр кивнул головой.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Плавание по трубам

Наша страна покрыта густой сеткой нефтепроводов, и с каждым годом прибавляются все новые и новые.

Инженеры решили не строить отдельные трубопроводы для нефти, бензина, керосина, а пускать эти продукты в дальний путь по очереди, порцию за порцией. И вот что получается: там, где одна жидкость соприкасается с другой, образуется смесь, негодная для употребления. Конечно, инженеры не захотели мириться с такими потерями. Советские ученые и конструкторы предложили недавно неожиданное остроумное решение: пускать в плавание по трубам большие резиновые шары, которые отделяли бы друг от друга разные жидкости.

Вот по трубопроводу пошел бензин, за ним пойдет керосин. Но прежде чем открыть путь керосину, в трубопровод сбрасывают несколько шаров, которые плотно прилегают к стенкам и в то же время могут свободно плыть в маслянистом потоке. Теперь можно смело пускать керосин: он с бензином не смешается.

Такие резиновые «пробки» могут нести в себе приборы, которые расскажут инженерам про обстановку в нефтепроводе: какая там температура, давление, нет ли трещин. Словом, доложат о том, что делается под землей, за толстыми стальными стенками.

Изобретен велосипед

Когда говорят «изобрел велосипед», имеют в виду, что человек сделал что-то бесполезное, открыл давно открытое. Между тем, как сообщает журнал «Изобретатель и рационализатор», научный работник из Харькова Л. А. Дутов изобрел именно велосипед и при этом не повторил давно известных конструкций. Новую машину приводят в движение и ногами и руками. Ногами вращают заднее колесо, руками — переднее. Ездить на таком велосипеде легче: нагрузка распределена равномерно.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Как плюшевый мишка пугал крабов

Увидев незнакомца, краб до смерти испугался и вцепился в него железной хваткой. Но долго не выдержал и, пожертвовав клешнями, пустился наутек. Крепко сжатые клешни еще несколько минут стискивали мохнатого противника.

А мишка? Его пустили в бассейн зоологи, чтобы изучать поведение некоторых неигрушечных животных в минуту опасности. Мишка помог узнать, что крабы разных видов по-разному встречают врага. Одни вступали в поединок, жертвуя своим оружием — клешнями. Другие спешили скрыться в норах. Третьи пытались перехитрить мишку — притворялись мертвыми — или испугать — принимали угрожающую позу, пугали «противника» боевой окраской...

Вертолет или самолет?

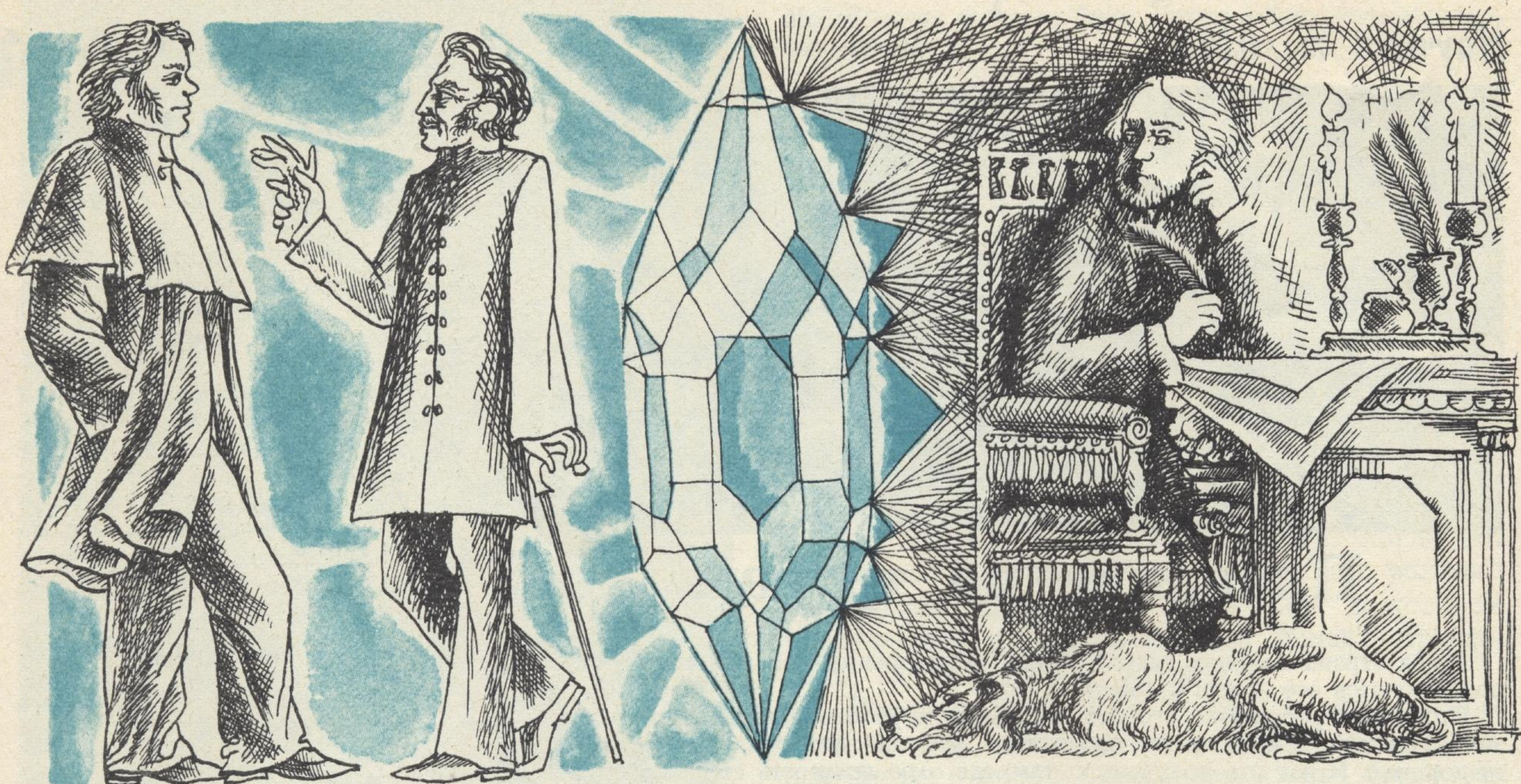
И у вертолета и у самолета есть свои достоинства. Вот авиаконструкторы решили создать летательную машину-гибрид. Уже есть модель такого гибрида: она проходит испытания. Это выглядит примерно так: модель взлетает, как вертолет, вертикально вверх. Набрав высоту, летчик останавливает винт, намертво закрепляет его, и винт становится крылом. Теперь можно включить реактивный двигатель, и машина помчится со сверхзвуковой скоростью.

Так что же это — вертолет или самолет?

Хитрый сплав нитинол

По своему составу этот сплав простой, состоит он всего из двух металлов — никеля и титана и потому и называется нитинолом. А хитрый он вот почему: в отличие от всех прочих металлов нитинол прекрасно «помнит» свое прошлое.

Скажем, сделали из нитиноловой проволочки спираль и нагрели ее, а потом охладили и смотали в путаный клубок. Стоит клубок вновь нагреть, как проволочка «вспомнит», что с ней было, и опять станет спиралью. Это удивительное явление открыли случайно и до сих пор не нашли ему объяснения. Зато применений предложено уже несколько десятков. Например, такое — делать из нитинола антенны космических кораблей. При запуске они свернуты и спрятаны в гнездо, а когда солнечные лучи нагреют металл, антенна распрямится.

Ст. РАССАДИН,
Б. САРНОВ

Магический кристалл

РАССКАЗЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

«Отцы» или «дети»?

Если вы помните, в самом конце предыдущего нашего рассказа мы обещали еще раз вернуться к словам Герцена о романе Тургенева «Отцы и дети».

Вот эти слова:

«Тургенев был больше художник в своем романе, чем думают, и оттого сбился с дороги, и, по-моему, очень хорошо сделал — шел в комнату, попал в другую, зато в лучшую».

Герцен был уверен, что Тургенев хотел написать одно, а получилось у него совсем другое:

«Что Тургенев вывел Базарова не для того, чтобы погладить по головке — это ясно; что он хотел что-то сделать в пользу отцов — и это ясно. Но в соприкосновении с такими жалкими и ничтожными отцами, как Кирсановы, крутой Базаров увлек Тургенева, и вместо того, чтобы посечь сына, он выпорол отцов».

Итак, революционеру Герцену роман Тургенева понравился. Он понравился ему потому, что Тургенев в нем «выпорол отцов», то есть сторонников существующего порядка вещей.

Но странное дело! Роман «Отцы и дети», оказывается, привел в восторг и самых отпетых реакционеров. Причем им показалось, что Тургенев в своем романе как раз «посек сына», то есть осудил и разоблачил революционера Базарова.

Вот как высказался о романе один отставной генерал, верный «слуга царя и отечества»:

— Признаюсь, я эту дребедень, называемую повестями и романами, не читаю, но куда ни придешь — только и разговоров, что об этой книжке... Стыдят, уговаривают прочитать... Де-

лать нечего — прочитал... Молодец сочинитель! Если встречу где-нибудь, то расцелую его! Молодец! Ловко ошельмовал этих лохматых господчиков... Молодец!.. Придумал же им название — нигилисты! Попросту ведь это значит глист! Молодец! Нет, этому сочинителю за такую книжку надо было бы дать чин, поощрить его, пусть сочинит еще книжку об этих пакостных глистах, что развелись у нас!

Можно, конечно, сказать, что генерал этот был небольшого ума. И это будет чистая правда. Но в том же духе высказывался умнейший и образованнейший друг Тургенева — Павел Васильевич Анненков. Он говорил, что тургеневский Базаров «возбуждает ужас и отвращение», являя собой пример «всякой умственной и нравственной распущенности». Он тоже был в восторге от того, как крепко Тургенев «посек сына».

Но это еще не все.

Оказывается, что и те люди, которые ругательски ругали Тургенева за его роман, тоже делали это по совершенно противоположным причинам.

«Вы ползаете у ног Базарова! Вы только притворяетесь, что осуждаете его! В сущности, вы заискиваете перед ним и ждете, как милости, единой его небрежной улыбки!»

Так писал Тургеневу один из его негодующих противников.

А вот что восклицал другой:

— Извините, господин Тургенев, вы написали панегирик [1] «отцам» и обличение «детям»! Да и «детей» вы не поняли, и вместо обличения у вас вышла клевета!

Последняя точка зрения была очень распространена. В сатирическом журнале «Искра» даже была напечатана карикатура, изображавшая Тургенева, тычущего грязную метлу прямо в нос Базарову. На соседнем рисунке тот же Тургенев угодливо сливал из умывального кувшина воду на руки Павлу Петровичу Кирсанову. Подпись под карикатурой прямо говорила, что «детей» Тургенев очернил, вывалял в грязи, а «отцов» он «умывает, причесывает, старается показать их беленькими, приносит им мыло, и духи, и благородные щеточки, и гребеночки».

Как видите, спор о романе «Отцы и дети» был нешуточный.

Споры о новой, только что вышедшей книге возникают довольно часто. Одним книга нравится, другим не очень. Все это, как говорится, в порядке вещей. Но тут ведь спорили совсем не о том, хороший или плохой роман написал Тургенев. Спорили о том, ч т о Т у р г е н е в х о т е л с к а з а т ь с в о и м р о м а н о м. Н а ч ь е й о н б ы л с т о р о н е.

Вы скажете:

— А зачем было об этом спорить? Ведь тогда же сам Тургенев был жив. Спросили бы у него: «Что, мол, Иван Сергеевич, вы хотели сказать?» И все сразу бы стало ясно. Кто же может лучше ответить на этот вопрос, чем сам автор?

Такая возможность у современников Тургенева действительно была. Но ведь она есть и у нас с вами. Хотя Тургенева давно уже нет в живых, сохранились его статьи, письма, записанные друзьями разговоры.

Что ж, давайте спросим самого Тургенева.

[1] Панегирик — чрезмерное восхваление.

«Хотел ли я обругать Базарова, или его превознести? Я этого сам не знаю».

Загадочный Базаров

«Он пуст и бесплоден!» — писал Тургенев о Базарове в письме Каткову.

Казалось бы, яснее не скажешь. Выходит, правы были те, кто считал, будто Тургенев «посек» своего Базарова и решительно стал на сторону «отцов».

Однако, когда поэт Случевский написал, что не видит в Базарове ничего хорошего, Тургенев вступился за своего героя:

«Он честен, правдив и демократ до конца ногтей, — а Вы не находите в нем хороших сторон!»

Тут возникает другое предположение: Тургенев готов признать за Базаровым несомненные достоинства, но душа его к нему не лежит. Он его не любит.

Оказывается, ничего подобного:

«Я любил, сильно любил Базарова... Во все время писания я чувствовал к нему невольное влечение...»

И в другом письме:

«Если читатель не полюбит Базарова со всей его грубостью, бессердечностью, безжалостной суховатостью и резкостью — если он его не полюбит, повторяю я, — я виноват и не достиг своей цели».

Ну, наконец-то! Теперь все стало ясно.

Тургенев хорошо видел все недостатки своего героя. Видел, что он груб и бессердечен, чрезмерно резок и сух. Но при этом он его любил и искренне хотел внушить эту любовь читателю.

Однако, если бы мы успокоились, придя к этому выводу, Тургенев нас снова бы озадачил:

«Хотел ли я обругать Базарова, или его превознести? Я этого сам не знаю, ибо я не знаю, люблю ли я его или ненавижу!»

Как видите, оттого, что мы обратились за разъяснениями к самому Тургеневу, вопрос яснее не стал. Пожалуй, он даже выглядит теперь еще более запутанным. Выяснилось, что дело обстояло даже еще сложнее, чем это представлялось Герцену. Тургенев не просто «шел в комнату, попал в другую». Не просто хотел сказать одно, а сказал другое. Оказывается, он сам не знал, в какую «комнату» ему идти. И даже когда роман был уже написан, толком не знал, в какой именно «комнате» он оказался. Более того! Не только не знал, но и был убежден, что знать это писателю совсем не нужно и даже вредно.

— Я не только не хочу, — говорил он, — но я совершенно не могу, не в состоянии написать что-нибудь с предвзятой мыслью и целью, чтобы провести идею. У меня выходит произведение литературное так, как растет трава. Я встречаю, например, в жизни какую-нибудь Феклу Андреевну, какого-нибудь Петра, какого-нибудь Ивана, и представьте, что вдруг в этой Фекле Андреевне, в этом Петре, в этом Иване поражает меня нечто особенное, то, чего я не видывал и не слыхал от других. Я в него вглядываюсь; на меня он или она производит особенное впечатление... Я сопоставляю эти лица с другими лицами, ввожу их в сферу различных действий, и вот создается у меня целый особый мирок... Затем нежданно-негаданно является потребность изобразить этот мирок, и я удовлетворяю этой потребности с удовольствием, с наслаждением...

Неужели это действительно так?

Неужели писатель пишет, «как растет трава»? Просто рисует себе для собственного удовольствия, нимало не заботясь о том, что у него получится? Неужели, садясь за роман или повесть, он нисколько не озабочен тем, чтобы «провести ту или иную идею»?

Акакий Акакиевич Башмачкин и Джимми Валлентайн

Давным-давно в городе Петербурге жил бедный чиновник.

Больше всего на свете он любил птичью охоту, и самой сокровенной его мечтой было купить хорошее ружье работы знаменитого парижского мастера Лепажа. Но ружье это стоило двести рублей ассигнациями — сумма для нашего чиновника совершенно несметная.

Все-таки он скопил эту сумму. Скопил с колоссальным трудом, отказывая себе в самом необходимом, перегружая себя сверхурочной работой. И, купив ружье, счастливый, отправился в маленькой лодке охотиться на Финский залив. Драгоценное ружье лежало на носу лодки, а он сам находился в таком самозабвении, что не заметил, как густой тростник стянул ружье в воду и оно утонуло.

Потеря ружья произвела на чиновника такое страшное действие, что он слег и чуть было не умер. От смерти его спасли товарищи, которые, узнав про его беду, собрали ему двести рублей.

История эта как-то была рассказана в одной компании, и все, слушая ее, дружно смеялись. Не рассмеялся только один из присутствующих. Это был Николай Васильевич Гоголь.

Спустя некоторое время он написал повесть «Шинель».

Как вы помните, герой этой повести Акакий Акакиевич Башмачкин — тоже бедный чиновник, и он тоже одержим несбыточной при его бедности мечтой. Разница лишь в том, что он мечтает не о дорогом ружье, а о новой шинели. И так же, как счастливый обладатель ружья теряет его в первый же день, Акакий Акакиевич лишается своей шинели в первый же вечер.

Но в жизни все окончилось благополучно, а в повести Гоголя — самым трагическим образом. Потрясенный потерей, Акакий Акакиевич умирает.

А вот совсем другой случай.

В тюрьме маленького американского города Колумбус (штат Огайо) отбывал заключение известный в уголовном мире взломщик сейфов Дик Прайс. Он сидел в тюрьме уже шестнадцать лет, но сидеть ему предстояло еще долго. И вдруг забрезжила надежда на спасение!

Властям понадобилось срочно открыть сейф, в котором хранились важные государственные документы. Сейф запирался с помощью очень сложного шифра, но шифр этот был потерян. Дику Прайсу пообещали свободу, если он сумеет открыть сейф, не повредив документов.

Дик Прайс произвел над собой мучительную операцию. Он спилил ногти на пальцах так, что

добрался до самых нервов. Зато пальцы его стали чувствительными настолько, что он ощущал самое незаметное дрожание механизма сейфа.

Сейф был открыт. Но обещанной свободы Прайс так и не получил. Потрясенный обманом, он заболел и умер.

Свидетелем этой истории был товарищ Прайса по заключению некто Билли Портер. Через несколько лет он стал писателем и прославился под именем О. Генри.

В одном из своих рассказов О. Генри использовал историю Дика Прайса. Герой рассказа, известный в уголовном мире взломщик Джимми Валлентайн, выйдя из тюрьмы, влюбился в хорошенькую дочь банкира. Она тоже его полюбила, родители дали согласие на их брак, так как они и не подозревали о профессии своего будущего зятя, а сам он твердо решил с этой профессией распроститься навсегда.

И вот, когда Джимми Валлентайн (который именовал себя теперь не Джимми Валлентайном, а Ральфом Спенсером) перед самой свадьбой нес в элегантном чемоданчике редчайший набор инструментов взломщика, чтобы отдать их своему бывшему коллеге (не выбрасывать же такую драгоценность!), случилась беда. Маленькая сестренка его невесты, играя, забралась в громадный банковский сейф и захлопнула его изнутри. Семья была в ужасе: девочка вот-вот должна была задохнуться.

Для Джимми не составило бы большого труда открыть сейф и спасти девочку. Но это значило бы разоблачить себя перед невестой, перед всей ее родней. К тому же Джимми знал, что его уже давно разыскивает полиция.

На карту были поставлены и любовь и свобода. Но Джимми недолго колебался. Через десять минут, побив собственные рекорды, он открыл сейф. Девочка была спасена.

Сделав свое дело, Джимми Валлентайн надел пиджак, собрал инструменты и, стараясь не глядеть на свою любимую, молча направился к дверям. И тут он столкнулся с сыщиком, преградившим ему дорогу.

Джимми грустно усмехнулся.

— Здравствуй, Бен! Добрался-таки до меня! Ну что ж, пойдем. Теперь, пожалуй, уже все равно.

Но сыщик повел себя довольно странно.

— Вы, наверно, ошиблись, мистер Спенсер, — сказал он, — по-моему, мы с вами незнакомы. Вас там, кажется, дожидается экипаж...

Как видите, О. Генри совершил нечто прямо противоположное тому, что сделал Гоголь. Истории, которая в жизни закончилась трагически — болезнью и смертью героя, — он придал трогательно сентиментальный, наиблагополучнейший конец. В жизни восторжествовали обман и жестокость. В рассказе — взаимное благородство.

Оба писателя, преобразуя по-своему то, что случилось в жизни, делали это не просто так, но с совершенно определенной целью. Каждый из них хотел «провести свою идею».

Гоголевский Акакий Акакиевич, если уж слишком невыносимой казалась ему та или иная шутка его сослуживцев, произносил одну и ту же фразу: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» Фраза эта так пронзила сердце одного из насмешников, что, как пишет Гоголь, «долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, со своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным...»

Вот какую идею хотел «провести» в своей повести Гоголь. Он хотел, чтобы слова бедного Акакия Акакиевича проникли в самое черствое, самое жестокое сердце. Он хотел РАСТРЕВОЖИТЬ читателя, потрясти его душу ужасом перед жестокостью и несправедливостью жизни.

Что касается О. Генри, то он, напротив, хотел всячески УСПОКОИТЬ своего читателя, утешить его, внушить ему счастливую, но — увы! — ложную веру в благополучный исход едва ли не всех жизненных трагедий.

Гоголь хотел ОТКРЫТЬ читателю всю правду о жизни. О. Генри, наоборот, был озабочен тем, чтобы СКРЫТЬ от своего читателя эту горькую правду.

Незачем говорить о том, насколько несоизмеримы гений Гоголя и талант О. Генри. Но как и Гоголь, О. Генри тоже «проводил» свою идею.

Так поступает каждый писатель.

— Если бы какой-нибудь автор похвастал мне, — говорил Антон Павлович Чехов, — что он написал повесть без заранее обдуманного намерения, а только по вдохновению, то я назвал бы его сумасшедшим.

А как же тогда Тургенев? Ведь он говорил, что «не в состоянии написать что-нибудь с предвзятой мыслью и целью, чтобы провести ту или иную идею».

Неужели он представлял в этом смысле какое-то странное исключение?

«...Еще неясно различал»

Однажды Тургенева попросили рассказать, выдумал он своего Базарова или «списал» его с натуры.

— В Базарове, — ответил Тургенев, — есть черты двух людей: одного медика (ну, да на того он мало похож, больше внешностью, да и медик этот побаловался, побаловался — и кончил тем, что все бросил и стал медициной заниматься). Главный материал дал мне один человек, который теперь сослан в Сибирь. Я встречался с ним

И Гоголь и О. Генри — каждый из них хотел «провести свою идею».

на железной дороге и, благодаря случаю, мог узнать его. Наш поезд от снежных заносов должен был простоять сутки на одной маленькой станции. Мы уж и дорогой с ним разговорились, и он меня заинтересовал, а тут пришлось даже ночевать вместе в каком-то маленьком станционном чуланчике. Спать было неудобно, и мы проговорили всю ночь.

— А он знал, кто вы? — спросил Тургенева его собеседник.

— Не знаю, — сказал Тургенев. — Вероятно, знал, но это его не стесняло. Он не считал нужным скрываться ни перед кем. И ведь не рисовался нисколько, — он был совершенно прост. К утру нам захотелось спать. В комнате были диван и стул. Он предлагает мне лечь на диване. Я начал было церемониться, а он говорит: «Да вы не церемоньтесь; ведь вы на стуле не заснете, а я могу заснуть как и когда хочу!» Я усомнился. «Это, — говорит, — дело выдержки и воли. Вот увидите: через пять минут я буду спать». Сел он на стул, сложил руки на груди, закрыл глаза и действительно через несколько минут заснул. Он в Сибири, говорят, имеет большое влияние на окружающих...

Тут собеседник Тургенева спросил:

— А этот господин, сосланный в Сибирь, не тот ли самый, которого Чернышевский желал представить в «Что делать?»?

— Да, — сказал Тургенев, — кажется, он хотел его изобразить в Рахметове...

Итак, у Базарова было два прототипа. Один — врач, который «побаловался, побаловался — и кончил тем, что все бросил и стал медициной заниматься». Иначе говоря, забыл о своих «нигилистических» (то есть революционных) идеях. Другой, напротив, сделался революционером, за что был сослан в Сибирь.

Судьба тургеневского Базарова резко отличается от этих двух судеб. В конце романа он неожиданно умирает. Смерть Базарова, как говорил Тургенев, должна была наложить последнюю черту на его трагическую фигуру.

Но почему вдруг Базаров превратился в фигуру трагическую? Вот ведь Рахметов, имеющий с Базаровым очень много общего и, как мы только что узнали, «списанный» с того же прототипа, не несет в себе никакой трагедии. Напротив! Он победитель, ему принадлежит будущее!

Почему же Базаров обязательно должен погибнуть? Потому что Чернышевский хотел провести СВОЮ идею, а Тургенев — СВОЮ.

Чернышевский верил в близкую победу революции, а Тургенев, искренне сочувствуя революционеру Базарову, считал, что тот явился слишком рано, что, не найдя в жизни применения своим незаурядным силам, он должен погибнуть.

— Мне, — говорил Тургенев о Базарове, — мечталась фигура сумрачная, дикая, большая,

до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная и все-таки обреченная на погибель...

Так что же, выходит, Тургенев взвел на себя напраслину, когда говорил, что не может ничего написать с предвзятой мыслью, с целью провести ту или иную идею?

Вовсе нет.

Он этим хотел лишь сказать, что не собирается иллюстрировать то, что известно всем или хотя бы даже ему одному. Он стремился открывать неоткрытое, познавать неизвестное.

Тургенев прямо признавался, что, когда он впервые встретил человека, натолкнувшего его на мысль о Базарове, он сперва не понял его:

— Впечатление, произведенное на меня этой личностью, было очень сильно и в то же время не совсем ясно... Поневоле возникало сомнение: уж не за призраком ли я гоняюсь?..

Может быть, все дело тут было в том, что Тургенев захотел изобразить явление, которое и в самой жизни еще не оформилось, не приобрело ясных очертаний?

Отчасти причина была и в этом. Тургенев действительно совершил открытие, угадал и изобразил новый, никем до него не замеченный общественный тип. Но не только поэтому его собственное отношение к Базарову было ему, как он говорил, «не совсем ясно».

Если помните, буквально то же самое говорил о себе Пушкин:

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще неясно различал...

Художник сперва «не совсем ясно» различает то, что он хочет сказать. Лишь в процессе работы, все больше и больше вглядываясь в своих героев «сквозь магический кристалл», он постигает истину.

Герцен не зря сказал о Тургеневе, что он «был больше художник в своем романе, чем думают». Это значит, что он умел смотреть на своих героев «сквозь магический кристалл».

Тургенев как-то говорил:

— Когда я заинтересовываюсь каким-либо характером, он овладевает моим умом, он преследует меня днем и ночью и не оставляет меня в покое, пока я не отделаюсь от него. Когда я читаю, он шепчет мне на ухо свои мнения о прочитанном, когда я иду гулять, он высказывает свои суждения обо всем, что бы я ни услышал и ни увидел... Иногда я иду даже дальше, как, например, это было с Базаровым. Он так завладел мной, что я вел от его имени дневник, в котором он высказывал свои мнения о важнейших текущих вопросах, религиозных, политических и социальных...

Вот эта способность ПЕРЕВОПЛОЩАТЬСЯ в своего героя, способность видеть, мыслить и чувствовать за него — это, очевидно, и есть тот «магический кристалл», о котором говорил Пушкин. Это и есть то загадочное, не поддающееся строгому научному определению свойство души художника, которое люди зовут ТАЛАНТОМ.

Пошли в кино!

так называется новая рубрика в «Пионере».

ОТКРЫВАЕТСЯ ОНА В СЛЕДУЮЩЕМ, ДЕВЯТОМ НОМЕРЕ.
А ведет ее кинорежиссер АЛЕКСАНДР МИТТА.

Ты знаешь его по фильмам «Друг мой, Колька», «Звонят, откройте дверь», «Гори, гори, моя звезда».

Жил-был на свете один мальчик. Он говорил:

— Подумаешь, кино! А мне, например, кино не интересно! Я его совсем не люблю. Мне, например, все равно: есть кино или нет. Хоть бы его совсем не было. Я его терпеть не могу! Тьфу! Не хочу ходить в кино. Попросят меня: «Ну, пойди, мальчик, на какую хочешь картину, сколько хочешь раз ходи». А я скажу: — Не хочу! Не нужно мне ваше кино! Смотрите его сами. Хоть по сто раз. А я не буду! Пусть попробуют силой приведут меня в кино, ремнями к месту привяжут, скажут: «Смотри, негодяй, без отрыва десять серий». А я зажмурюсь, хоть мучьте, хоть пытайте... Буду нарочно в пол смотреть или назад в дырочки, откуда кино показывают. Не-на-ви-жу кино! Меня от него тошнит. Лучше лягушку съем, а кино смотреть не заставите!

На кого-нибудь из ваших знакомых этот мальчик похож?..

Не похож ни на кого?.. Я так и думал.

А он говорил эти слова. Честное слово, бормотал себе под нос, и на глазах слезы. Просто он нахватал много троек, и папа с мамой сказали: «Никакого кино. Сиди дома, учи уроки!» Вот он и сидел. А во дворе мальчишки кричали:

— Витек! Пошли в кино! Третья серия «Неуловимых» вышла!

Все любят смотреть кино, но не все знают, *как его делают, кто делает кино, откуда оно произошло и каким будет в будущем.* ПРО КИНО И ПОВЕДЕМ МЫ НАШ РАССКАЗ.

О том, как проходят съемки и как труд разных людей превращается в кинофильм, мы тоже поговорим. И о том, как лучше смотреть кино, чтоб получить от него больше радости и пользы. ЕСЛИ БУДУТ У ВАС ВОПРОСЫ, Я ПОСТАРАЮСЬ НА НИХ ОТВЕТИТЬ. *Только, пожалуйста, не спрашивайте меня, как стать киноактрисой — на этот вопрос я вам ответить не смогу!*

Рад буду повстречаться с вами в следующем номере.

Ваш Александр МИТТА

Леонид ЯХНИН

ПЛОЩАДЬ КАРТОННЫХ ЧАСОВ

ПЬЕСА-СКАЗКА
ДЛЯ ЧТЕНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Все куклы живут и действуют на сцене.
Актеры — на авансцене.

АКТЕРЫ:

ТУЛЬЯ—шляпных дел мастер.
КРАГА—лесной разбойник.

КУКЛЫ:

СКОМОРОХ ДУДКА,
КОНДИТЕР,
ПАТОКА,
ВАФЕЛЬКА,
ШОКОЛАДКА,
САПОЖНИК,
КАРУСЕЛЬЩИК.

картина первая

Занавес открывается. На сцене лес, небольшая полянка с пеньком. На авансцене раскидистый дуб. По дороге идет Мастер Тулья. За спиной у него погромыхивают разноцветные шляпные коробки.

ТУЛЬЯ. Эге, уже полдень. Мохнатые шмели попрятались в траву. Пора и мне присесть где-нибудь да закусить. *(Присаживается у дороги, раскладывает на пеньке еду, ест, закуривает трубку.)* Да-а, поработал я неплохо. И шляпы мне удались на славу. Все до одной на ярмарке раскупили — пустые коробки остались. *(Оглядывается по сторонам.)* А полянку я нашел просто чудесную. Вот бы из этой поляны сшить большую зеленую шляпу, а из тонкой тропинки сделать ленту с тройным бантом! *(Улыбается, берет тяжелые ножницы.)* Я, кажется, придумал — сделаю картонный город. Пустых коробок у меня вдоволь. *(Быстро вырезает из красной коробки домик, потом еще один, и еще, и еще — из желтой, сиреневой, синей и оранжевой. Из круглого донышка самой большой коробки мастерит часы.)* Вот городские часы, а площадь с этими часами называется Площадью Картонных Часов. Теперь вырежем человечков. Клея у меня нет, придется их сшить. *(Сшивает человечков из кусков картона.)* Вот Кондитер. Ха-ха, какая у него шляпа — как торт! Так, так. Сапожник готов. А вот и картузик для него подходящий. Ишь, как блестит козырек лаковый! *(Встает, оглядывает город.)* Ну вот, картонные человечки, все у вас есть: и дома, и друзья, и работа. Живите счастливо. Только вот ниточки я забыл обрезать. Э, да ничего! Ниточки висят за спиной и никому не помешают.

Занавес закрывается. Перед занавесом появляется Вафелька и ее собачка.

ВАФЕЛЬКА *(всхлипывая)*. Я Девочка с Конфетной Обертки. Зовут меня Вафелька. А это моя собачка Шоколадка. Наша конфетная обертка порвалась. Теперь нам некуда вернуться и негде жить.

ТУЛЬЯ. У меня, к сожалению, нет конфетной обертки. Да если бы и была, то на ней наверняка уже кто-то нарисован. Но я тебе постараюсь помочь. Иди прямо. На полянке увидишь Картонный Город. Найди там Кондитера. Я думаю, что для Девочки с Конфетной Обертки у него найдется работа.

Расходятся в разные стороны. Под старым дубом на авансцене появляется лесной разбойник Крага. Он собирает чернику. Облизывает пальцы. Он весь перемазался: губы и щеки стали синими, рыжая борода — разноцветной.

КРАГА *(вздыхая)*. Целый день хожу у большой дороги и никого не могу ограбить. Моему дедушке, знаменитому разбойнику Боту-Форту, было хорошо: раньше верили в разбойников и поэтому боялись их. А теперь все смеются. Ну, как будешь грабить человека, если он тебя не боится?

Появляются Вафелька и Шоколадка. Идут вдоль закрытого занавеса.

КРАГА. Пахнет шоколадом. Вкусно! Так и есть! Девочка с собачкой! А собачка-то шоколадная! *(Крадется за Вафелькой.)*

картина вторая

Занавес открывается. На сцене — Картонный Город.

ВАФЕЛЬКА. Вот и Картонный Город. А где же домик Кондитера? *(Читает вывески.)* «Цирюльник. Все могу — брею, стригу». «Сапожник. Ноги береги — шей сапоги». *(Уходит. Крага осторожно крадется следом.)*

КРАГА. Кого бы сначала ограбить? *(Читает.)* «Сапож-ник». Хе-хе, мне как раз нужны новые красные сапоги с кисточками. Эй, хозяин! Где у тебя сапоги большого размера? *(Сапожник, сидящий у окна, не отвечает. Крага замечает ниточки на спине у Сапожника и с силой дергает за них. Сапожник протягивает пару крошечных сапог.)* Малы! Еще! *(Снова дергает за ниточки, снова у него на ладони сапожки.)* Хе-хе-хе, моему дедушке, знаменитому разбойнику Боту-Форту, и не снилась такая удача. Ведь если этих человечков дергать за ниточки, то легко можно заставить их делать все, что я захочу! *(Просовывает руку в дома, дергает

каждого жителя за ниточки, город наполняется шумом и движением.)*

КРАГА *(садится на пенек на авансцене)*. Теперь у меня все будет: и еда и сапоги. И любить меня будут все до одного. А попробуй не любить, не уважать: ниточки-то в моих руках! Быстро одерну, коли что не так! Моему дедушке, знаменитому разбойнику Боту-Форту, и то так хорошо не было. *(Уходит.)*

ВАФЕЛЬКА *(идет по городу, читает)*. «Кондитер. Торты и пирожные всевозможные». *(Стучит в дверь.)*

На стук выходит маленький старичок. На самый кончик его носа съехали очки. С бороды сосульками свисает желтый крем. Это Кондитер. Вслед за ним выскакивает толстый мальчишка — Патока. В руках у него огромный торт. Он украдкой откусывает кусок.

ВАФЕЛЬКА. Здравствуйте, я Девочка с Конфетной Обертки. Я могу делать торты и конфеты с начинкой.

КОНДИТЕР. Ну что же, хорошие помощники нужны в любом деле. *(Уходит.)*

ПАТОКА. Я не хочу, чтобы в этом сладком доме жил еще кто-то! Будешь подсматривать за мной и подъедать

обрезки тортов! *(Откусывает кусок.)* Ну, ладно. Мы, пожалуй, примем тебя младшим помощником. Старший помощник — это я. Ты должна меня слушаться. Бери нож и разрезай торт. Только работай помедленнее.

ВАФЕЛЬКА. Почему?

ПАТОКА. А то я не успею отдохнуть.

КРАГА *(появляется)*. Эй, Толстые Щеки! Ты и есть Кондитер?

ПАТОКА. Н-нет, я его сейчас позову. *(Поспешно убегает.)*

Выходит Кондитер с миской крема.

КРАГА. Неси мне, Кондитер, все запасы шоколада. Я, пожалуй, попробую твой шоколад. Да поживее, Старая Коврижка, долго я буду ждать? *(Пытается ухватить Кондитера за ниточки на спине.)*

ВАФЕЛЬКА. Как вы смеете ругаться?

ШОКОЛАДКА. Гав! Гав!

Бросается на Крагу, но тот хватает Шоколадку за уши и прячет в свой глубокий карман.

КРАГА. Хе-хе-хе, я съем эту шоколадную собачонку. На сегодня мне хватит, а завтра вы непременно приготовьте ящик шоколаду.

Занавес закрывается.

картина третья

Над занавесом появляется палка с узелком. Виден высокий колпак, слышна песенка:

Я вам киваю головой,
На мне колпак атласный,
Наполовину голубой,
Наполовину красный...

КРАГА *(заглядывая за ширму)*. Эге, бродячий артист. Верно, деньги в узелке несет. Мой дедушка, знаменитый разбойник Бот-Форт, говорил: «Хватай — не зевай!» Так, так. Осторожно. Вот узелок уже мой. *(Палка скрывается.)* Ушел. Теперь посмотрим что там внутри. *(Запускает руку в узелок, достает Скомороха Дудку.)* Обманул негодный петрушечник! Подсунул мне вместо денег тряпье какое-то. Выбросить это подальше. *(Бросает Скомороха Дудку за ширму.)*

ДУДКА *(в воздухе)*. Эй, друг хороший! Нельзя ль поосторожней? Я не птица — могу ошибиться, о дерево ушибиться!

КРАГА. Чей-то голос. Или послышалось? *(Уходит.)*

Занавес открывается. На земле лежит Скоморох Дудка.

ДУДКА. Ох-ох-ох, полет был неплох, да после такого полета что-то вставать неохота!

ВАФЕЛЬКА *(появляется, всхлипывая)*. Мне никогда его не догнать. Он унес мою Шоколадку! Он хочет ее съесть, но ведь она живая!

ДУДКА *(вскакивая)*. Погоди, погоди, не тарахти. Какой шоколад? Не пойму. Придется пойти поглядеть самому.

В этот момент голова Краги мелькает над крышами домов.

ВАФЕЛЬКА. Вон он! Это он схватил мою собачку!

ДУДКА. Ладно, девочка, не плачь-ка. Возвратится к тебе собачка. Никуда он от нас не уйдет. Побежим поскорее в обход. *(Убегают.)*

Появляется Крага, идет, насвистывая. Навстречу ему выскакивают Скоморох Дудка и Вафелька.

ДУДКА. Эй, злодей! Отдавай собаку, а иначе затею драку. Не смотри, что я ростом мал, я еще не таких побивал!

КРАГА. Хе-хе-хе, какая-то заплатка в колпаке мне угрожать вздумала. Да я тебя! *(Хочет схватить Скомороха Дудку, но тут Шоколадка высовывается из кармана Краги и кусает его. Крага падает. Шоколадка выпрыгивает из кармана.)*

ДУДКА. Бежим!

КРАГА. Держи их! Держи-и! *(Убегает.)*

Появляется Патока. Как всегда, жует. Скоморох Дудка на бегу задевает Патоку. Тот роняет кусок торта.

ПАТОКА *(грубо)*. Ну, ты! Не толкайся!

ДУДКА. Ах, дорогой толстячок, простите меня за толчок. Но вы ведь такой толстяк, для вас мой толчок пустяк! *(Прячется.)*

С криком «Держи!» вбегает Крага.

КРАГА *(Патоке)*. Где здесь мальчишка в колпачке с бубенчиками?

ПАТОКА. Во-во-вон там!

Крага протягивает руку и хватает Скомороха Дудку.

КРАГА. Завтра я распорю тряпичного мальчишку на лоскутки и залатаю себе карман. Теперь в моей власти целый город. У меня будет много денег. А для денег нужен большой карман без прорех. *(Засовывает Скомороха Дудку в карман, пристегивает громадной булавкой.)*

ПАТОКА. Так ему и надо, пусть не задается!

КРАГА. Эй, Толстые Щеки, есть у вас тут подвал покрепче? Посажу его под замок!

ПАТОКА. Есть. Мыльный подвал.

КРАГА. Какой-какой?

ПАТОКА. М-мыльный. Там мыльные пузыри. Летом их надувают теплым воздухом, а зимой мы ими топим. Проколешь иголкой, и теплый воздух разливается по комнате.

КРАГА. Хе-хе. Мыльный так мыльный. Лишь бы подвал. Веди меня туда. *(Уходят.)*

Занавес закрывается. Перед занавесом появляется Вафелька с Шоколадкой.

ВАФЕЛЬКА. Ты слышала, Шоколадка? Он его посадит в мыльный подвал. Бежим за ними!

картина четвертая

Занавес открывается. Вывеска «МЫЛЬНЫЙ ПОДВАЛ». Из окошка высовывается сквозь прутья решетки колпак Скомороха Дудки. Крага сидит на пеньке у двери подвала.

КРАГА. Эй, Цветной Колпачок! Не скучай без меня. Я завтра утром вернусь. *(Трогает замок.)* Надо бы посторожить, да только темно на улице. Страшно. *(Оглядывается.)* Еще нападет кто-нибудь. Я с городскими разбойниками не знаком. Мой дедушка говорил: «Лучше никого не встретить, чем встретить незнакомого разбойника!»

ПАТОКА *(выскакивая из-за угла)*. Ой!

КРАГА. Кто это? Не пугай меня. А то я знаешь какой сердитый, когда меня пугают!

ПАТОКА. Я не пугаю. Я пугаюсь.

КРАГА. Ладно, не бойся меня, Толстые Щеки!

ПАТОКА. А я не боюсь, я только побаиваюсь.

КРАГА. Ты посиди у двери и смотри, чтобы никто отсюда не выходил. А я пойду за... За чем же я пойду? Ах да, за грибами. Я очень люблю собирать грибы ночью. И не вздумай надо мной смеяться! *(Храбрится, хватается за пистолет и уходит, напевая.)*

Чики-чок, чики-чок,
Паутинка кружит.
Паучиху паучок
Пригласил на ужин.
Чики-чок, чики-чок,
Паутинка дужкой.
Паучиху паучок
Угощает мушкой.

ПАТОКА. Я посторожу! У меня не убежит. Эй, Скоморох Дудка! *(Прислушивается.)* Молчит. То-то же. Мой друг Крага решил проучить тебя за то, что ты толкнул меня на площади.

ДУДКА. Эх, не думал я, не гадал—полон сладостей мыльный подвал! Мармелад, шоколад, пастила... Чудо чудное! Ну и дела!

ПАТОКА. Там не пастила, а мыльные пузыри.

ДУДКА. Пребольшое спасибо кому-то, кто подвалы вчера перепутал. Вместо мыльных пустых пузырей он ванильных принес сухарей, да коврижек, да бубликов маковых, да медовых леденчиков лаковых!

ПАТОКА. Врешь ты все, Скоморох Дудка.

ДУДКА. Эй, послушай, дружище Патока, выручай меня: очень уж сладко!

ПАТОКА. А вдруг не врет? Что-то сладенького захотелось...

Патока заглядывает в окно подвала. Скоморох Дудка хватает его за нос.

ПАТОКА. Отпусти! Больно!

ДУДКА. Захотелось поесть шоколада? Так тебе, дурень, и надо!

Патока вырывается. С криком «Все скажу Краге!» убегает. Появляются Вафелька с Шоколадкой.

ВАФЕЛЬКА. Скоморох Дудка, ты здесь?

ДУДКА *(глухо)*. Здесь я, здесь. В плесени весь. Донимают комары, мыши лезут из норы. И вокруг меня шары, скользкие и пыльные да к тому же мыльные!

ВАФЕЛЬКА. Не унывай, Скоморох Дудка! Мыльные пузыри выручат тебя. Выбери один побольше и покрепче. Подкати его к двери. И как только Крага откроет подвал, ухватись за мыльный пузырь. Он вылетит из подвала, а ты вместе с ним!

ДУДКА. Вот это идея! Вот это затея! От этой затеи и мне веселее.

ВАФЕЛЬКА. А потом найди Мастера Тулью в Большом Городе на ярмарке. Он обязательно тебе поможет. *(Уходит.)*

картина пятая

КРАГА. Вот и утро. *(Трогает замок.)* Ага. Все в порядке.

Появляются Сапожник, Кондитер. Слышен осторожный говор толпы. Крага открывает дверь подвала.

Из дверей вылетает мыльный пузырь. За него уцепился Скоморох Дудка. Крага подпрыгивает, пытаясь его поймать.

КРАГА. Сейчас, сейчас он на трубу налетит. Ну, тогда за веточку зацепится. Ну, тогда птица крылом заденет, и лопнет мыльный пузырь!

ДУДКА. Эй, мыльный пузырь, раздувайся вширь, раздувайся вбок! Дуй, дуй, ветерок, унеси меня. *(Улетает.)*

КРАГА. Я все равно найду тебя, Цветной Колпачок, клянусь моим дедушкой, знаменитым разбойником Ботом-Фортом!

САПОЖНИК *(уверенно)*. Я же говорил, что он разбойник!

КОНДИТЕР *(неуверенно)*. Пожалуй, что разбойник!

КРАГА. Кто посмел сказать, что я разбойник? Я король Картонного Города. Запомните это.

САПОЖНИК *(с вызовом)*. Короли тоже бывают разбойниками.

КОНДИТЕР *(неуверенно)*. А разбойники иногда становятся королями. От разбойника и от короля лучше держаться подальше.

КРАГА. А-а! Вы хотите разбежаться? Ничего не выйдет! Один улетел на мыльном пузыре, но вы никуда не улетите. *(Хватает Кондитера и Сапожника за ниточки на спине.)* Вы все в моих руках!

Занавес закрывается.

картина шестая

Занавес открывается. Ярмарочная площадь Большого Города. Карусель, похожая на трехцветный зонтик. И вдруг... прямо на вертящуюся карусель падает с неба Скоморох Дудка.

КАРУСЕЛЬЩИК. Деньги! Деньги плати!

Скоморох Дудка проносится мимо него на карусели и выкрикивает на каждом кругу по слову.

ДУДКА. Я... Дудка!

КАРУСЕЛЬЩИК. Какая утка?

ДУДКА. Мне нужен...

КАРУСЕЛЬЩИК. Какой ужин?

ДУДКА. Мастер Тулья...

КАРУСЕЛЬЩИК. Какие стулья?

ДУДКА. Я от Девочки...

КАРУСЕЛЬЩИК. Кто надел очки? Какие очки! Я и без очков вижу, что ты не платил денег! *(Стаскивает наконец Дудку с карусели.)*

ДУДКА. ...с Конфетной Обертки!

КАРУСЕЛЬЩИК. Конфетные обертки не принимаю. Плати одну монету.

ДУДКА. Вы все перепутали! Мне нужен Мастер Тулья.

КАРУСЕЛЬЩИК *(улыбаясь)*. Что же ты мне сразу не сказал? Мастера Тулью каждый знает. Вон его мастерская.

ДУДКА. Спасибо! Я побегу поскорей без передышки до самых дверей!

КАРУСЕЛЬЩИК. Приходи покататься на карусели! Ездить по кругу — самое спокойное занятие. Это многим нравится!

Занавес закрывается.

картина седьмая

Появляется К р а г а. Просовывает руку за занавес и достает сапоги, шоколад, кожаный ремень. Наконец, в руке у него оказывается пучок длинных нитей. Занавес открывается. Нитки, оказывается, тянутся к К о н д и т е р у, С а п о ж н и к у, в другие дома. Город весь в руках К р а г и.

КРАГА *(подергивая нитки)*. Хе-хе, Кондитер, шоколаду! Эй, Сапожник, подбей подковки на мои новые сапоги! *(Все его приказания тут же исполняются.)* Быстрей! Скорей! Еще скорей! Хе-хе.

Появляется В а ф е л ь к а с Ш о к о л а д к о й.

ВАФЕЛЬКА. Что вы делаете? Остановитесь!

ШОКОЛАДКА. Гав-гав!

Крага вздрагивает от удивления и выпускает ниточки. Все останавливаются и поднимают головы.

КОНДИТЕР, САПОЖНИК. Уф-ф! Ф-фу! Что мы делаем?

КРАГА *(капризно)*. Ну зачем ты меня напугала? У меня теперь руки дрожат. Я никак не могу подхватить ниточки.

ВАФЕЛЬКА. Не смейте их больше трогать!

КРАГА. А-а! Так вот как ты со мной разговариваешь! *(Хочет схватить Вафельку.)*

ШОКОЛАДКА. Р-рр!

КРАГА. Но-но! Ладно, Конфетная Девочка, если уж эта собачонка так вежливо просит, я прощаю тебя. Не бойся!

ВАФЕЛЬКА. Я и не боюсь. И никто тебя не боится!

САПОЖНИК. Боятся, когда страшно, а когда не страшно, то и бояться нечего.

КОНДИТЕР. Если уж не бояться, так не бояться!

КРАГА. Что ты наделала! Они меня перестали бояться! *(Успокаиваясь.)* Ну ничего, я сейчас вас всех напугаю!

Надевает на правый глаз черную повязку, а из-за пояса вытаскивает большой и ржавый пистолет. В этот момент появляются М а с т е р Т у л ь я и С к о м о р о х Д у д к а.

ТУЛЬЯ. Мы, кажется, пришли вовремя.

ВАФЕЛЬКА. Скоморох Дудка! Мастер Тулья!

ШОКОЛАДКА. Гав-ав!

ТУЛЬЯ. Это и есть Крага? Самый обыкновенный грабитель, и ничего больше.

КРАГА *(обиженно)*. Я не простой грабитель! Мой дедушка Бот-Форт был знаменитым разбойником!

ТУЛЬЯ. Нашел чем гордиться! Разбойник может быть знаменит только разбойничьими делами.

КРАГА. Но мой дедушка Бот-Форт был очень грозным!

ТУЛЬЯ. Ну и что?

КРАГА. А у меня его характер!

ТУЛЬЯ. Тогда с тобой придется поговорить по-другому.

КРАГА. Как по-другому?

ДУДКА. Кулаками!

КРАГА *(испуганно)*. Постой-постой, ты не дослушал. Мой дедушка Бот-Форт был еще и очень послушным. А ведь у меня его характер. Если ты меня очень просишь, то я могу и сам уйти. *(Прячет свой ржавый пистолет в карман и на цыпочках уходит.)*

ВСЕ. Он испугался! Ура!

ТУЛЬЯ. Свяжу-ка я каждому из вас концы ниточек от головы и рук узелком. Ну вот, теперь все в порядке. Голова и руки будут слушаться друг друга. Захочет голова работать, и руки работают. Руки работают — и голова тоже. Никто не сможет заставить вас делать то, чего вы не хотите. И все вы будете счастливы. Это не так трудно, если помнить три простых слова: Доброта, Свобода, Мастерство. А мне пора на ярмарку.

ДУДКА. И мне тоже надо спешить на представление!

ТУЛЬЯ. Друзья! И вы приходите. Ждем вас!

ВСЕ. Спасибо! Придем! Придем!

Занавес закрывается.

картина восьмая

За ширмой слышны голоса разносчиков, торговцев.

1-й ГОЛОС.

Не торгую-продаю,
А задаром отдаю
Бубенцы певучие,
Леденцы липучие!

2-й ГОЛОС.

Эх, была не была,
Продаю козла!
Хоть козел без молока,
Да цена невелика!

3-й ГОЛОС.

Утюги, плошки!

4-й ГОЛОС.

Сапоги-сапожки!
Белые, сафьянные,
Целые, не драные,
Любому впору,
Хоть в лес, хоть в гору!

5-й ГОЛОС.

Куплю по случаю
Корову бодучую!

Занавес открывается. Карусель превратилась в балаган. Тут же С к о м о р о х Д у д к а.

ДУДКА.
Гости желанные,
Званые, незваные,
Худые, тучные,
Веселые, скучные,
Взрослые и дети,
Покупайте билетики!
Ждем — не дождемся!
Попляшем, посмеемся!
(Пускаясь в пляс.)
Эх, пляши, скоморох!
Смеши, скоморох!
Каблуками
Стучи, скоморох!
Бубенцами
Бренчи, скоморох!

Появляются Тулья, Вафелька и Шоколадка.

ВАФЕЛЬКА. Дудка!

ДУДКА. Начинаем представление
Всем на удивление
Про лесного разбойника Крагу,
Бездельника и бродягу!

КРАГА *(появляется с ведром. Обиженно).* Я не бездельник!

ДУДКА. Ого, погляди-ка. В ведре черника! Черная-пречерная. Крупная, отборная!

ТУЛЬЯ. Неужто Крага делом занялся?

КРАГА *(скромно).* Собираю в лесу чернику и ношу ее Кондитеру. А он угощает меня пирогом с черникой. В помощники я взял Патоку. Все-таки мы с ним немного подружились.

ПАТОКА *(высовываясь).* Люблю сладкую работу!

ТУЛЬЯ. Ну что, разбойник, перестал грабить?

КРАГА *(вздохнув).* Перестал. Вот и пистолет на ведро обменял. Что же делать, если все любят настоящих мастеров и никто не любит настоящих разбойников!

советы режиссера

Опытным кукольным кружкам будет интересно испытать свои силы, поставив пьесу Леонида Яхнина «Площадь Картонных Часов»: ведь в ней одновременно действуют и куклы и живые артисты.

Кукол обычно держат в руках над головой, и они двигаются на ширме по воображаемому «кукольному» полу. Но не могут же актеры, исполняющие роли разбойника Краги и Мастера Тульи, играть на ширме, как куклы! Поэтому перед кукольной ширмой нужно устроить подставку: поднять «человеческий» пол на такую высоту, чтобы Крага и Тулья возвышались над ширмой по пояс.

Чтобы куклы могли играть на ширме и при закрытом занавесе, отодвиньте его на 10—15 сантиметров в глубину.

Все куклы в этом спектакле, кроме Скомороха Дудки, можно делать плоскостными: вырезать из плотного картона или выпилить из фанеры. Устройство у них простое, но их нужно аккуратно сделать и хорошо раскрасить. Управлять ими можно, как обыкновенными дергунчиками. А Скоморох Дудка — это кукла-«петрушка», с устройством которой вы хорошо знакомы.

Обратите внимание на то, как Мастер Тулья делает картонный город и человечков. В его распоряжении должны быть готовые дома и куклы, которыми он, незаметно опуская руки за ширму, заменяет картонные коробки.

Скоморох Дудка вряд ли поднимется в воздух на мыльном пузыре. Вырежьте круг и обклейте его лоскутами шелка разного цвета. К этому кругу прикрепите мягкую куклу, «дублера» Дудки, который будет играть только в этом эпизоде. Шар вместе с куклой следует поднимать при помощи прикрепленной к нему трости, а трость замаскировать ленточкой, идущей от шара. Через трость хорошо бы провести и леску, которой вы сможете «оживлять» в воздухе Скомороха Дудку.

При постановке этой пьесы вам еще над многими вещами придется поломать голову. Но ведь это-то и есть самое интересное!

Желаю вам успеха!

Роман РЕНЦ,
заслуженный артист РСФСР, главный режиссер Оренбургского театра кукол

Н. НАДЕЖДИНА

Удивительная семейка

Мама спросила у сына:

— Почему у тебя уши мокрые?

Малыш промолчал. За него ответила сестренка:

— А я знаю! Он арбуз ел.

Издавна уважают в России «великую ягоду». Царь Алексей Михайлович приказал доставить к своему двору из Астрахани «самых добрых, тихих и не гордых арбузных садов мастеров».

Везде любят арбуз, но есть страна, где ему оказан особый почет. Несколько веков в Мексике владычествовали испанцы, пока наконец восставший народ не сверг чужаков. Сражение, в котором Мексика отстояла свою независимость, происходило на арбузном поле, и здесь же, на поле, был устроен пир. Бойцы разрубали штыками спелые арбузы; арбузный сок стал для мексиканцев напитком победы. На государственном флаге Мексики запечатлены навечно три цвета арбуза: зеленый, белый и алый.

Только не всегда алый цвет был цветом спелой арбузной мякоти. Свидетель тому знаменитый фламандский художник Снейдерс. В ленинградском музее Эрмитаже есть картина Снейдерса «Фруктовая лавка», написанная с натуры триста лет назад. Арбуз на картине Снейдерса выглядит так неаппетитно, что ты бы его и даром не взял.

Почему же ученые-ботаники не сводят с этой картины глаз? Им интересно проследить, как дикое растение постепенно превращалось в культурное: бледная мякоть, толстая корка, огромные гнезда семян — в снейдерсовском арбузе еще много признаков дикаря.

Первым из европейцев, который своими глазами увидел дикий арбуз, был английский путешественник Давид Ливингстон. Ливингстон пересек пустыню Калахари, где колодцы встречаются редко и в них мало воды. Выручили путешественника заросли диких арбузов. Для странствующих караванов, для местного племени бушменов они были словно разбросанные по земле фляги, наполненные водой. Ими пользовался не только человек. Ливингстон писал в своем дневнике, что все звери пустыни, от великана слона до маленькой мыши, «знают и ценят этот дар».

Как же очутился африканец арбуз в Европе, Азии и Америке? Его расселил человек, и человек трудился века, чтобы превратить дикое растение в крупный и сладкий столовый арбуз.

А как попала «великая ягода» к нам в Россию? В старину воротами России на Восток был город в низовьях Волги — Астрахань. На астраханском базаре можно было купить остроносые туфли из Багдада, кинжал из Дамаска, турецкие шали, арабские финики — любой восточный товар. Кто-то из астраханцев заинтересовался семенами арбуза. Посеянные на волжской земле, они прижились, прижилось и тюркское слово «бахча».

«Бахча» означает «сад». На маленьком клочке земли житель старого восточного города старался посадить все, что ему нужно: дерево для тени, розу для красоты, арбуз и дыню, чтоб угостить гостей. Наши арбузы и дыни растут на просторе, ни одно дерево их не теснит, но по-прежнему поле, на котором они посажены, зовется «бахчою», а сами они — «бахчевыми» — выросшими в саду.

Вслед за астраханцами бахчеводством занялись жители другого волжского города, Камышина, а потом и вся Волга стала арбузной рекой. Бахчи появились на Кавказе, на Украине.

В наших степях не так жарко, как в Калахари, но и здесь жажда мучает птиц и зверей. В старину, когда в степях еще водились волки, они ходили воровать арбузы на бахчу. До того хищнику хотелось пить, что ради сочного арбуза он рисковал своей шкурой — у сторожа на бахче всегда было наготове ружье. Если же сторож промахивался, волк удирал, не выпуская украденный арбуз из зубов.

Но есть у нас бахча, куда ни один вор не заглянет, куда сами колхозники приходят всего два раза: чтобы посеять и чтоб собрать урожай. Полоть эту бахчу не нужно: в пустыне Каракумы и трава не растет. А посади арбуз — он вырастет. Арбуз — единственное культурное растение, которое может обойтись без полива. Его ажурные листья много влаги не испаряют, его могучие корни глубоко под землей добывают воду, и по плети-стеблю, как по водопроводной трубе, влага подается плодам.

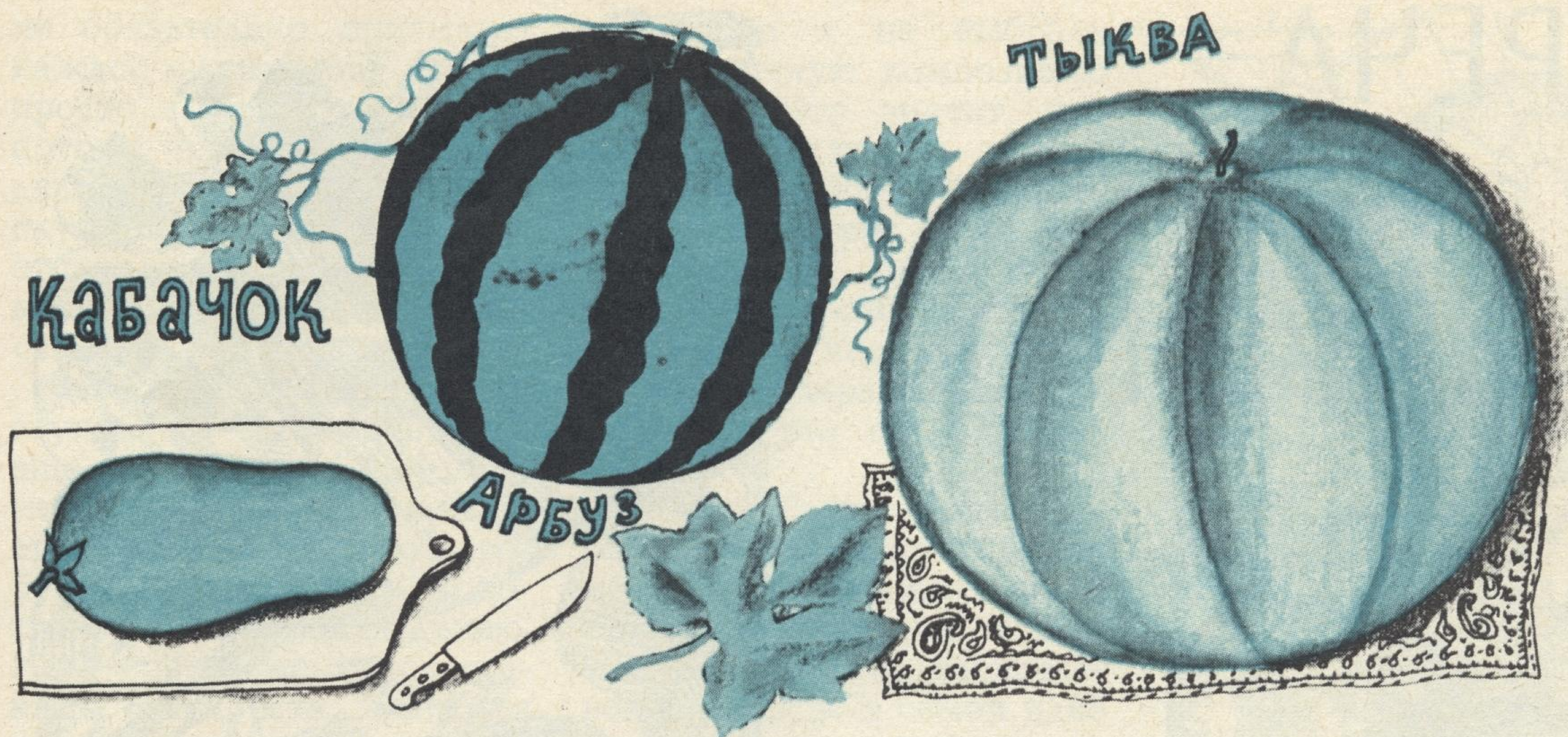
Наши бахчеводы разводят арбузы не только в степях и в пустыне, они сумели продвинуть африканское растение и в северные края, где арбузы никогда не росли.

Но не все эти поля заняты арбузом. На бахчах Средней Азии главенствует его знаменитая двоюродная сестра. Кроме всего прочего, она знаменита еще и тем, что имеет судимость. И рассказ о ней мы начинаем с суда.

...Этот необыкновенный суд состоялся во Франции во время царствования короля Генриха IV.

Король, объевшись дыней, заболел. Королевский врач подал на дыню в суд и сумел выиграть дело. По приговору суда дыню, виновную «в оскорблении его величества», публично прокляли на одной из парижских площадей.

Генрих IV был не первым и не последним среди коронованных обжор. Четыре императора были до того «оскорблены» дыней, что померли. А вот римскому императору Клавдию ничего не делалось, хотя он ежедневно съедал за завтраком по восемь дынь.

Рисунки Б. Кыштымова.

Русскому царю Алексею Михайловичу очень хотелось иметь под Москвой дыни, и дынных дел мастера старались изо всех сил. Как узнать, сколько тепла нужно южному растению? В ту пору градусником мастеру служила его собственная спина.

По утрам он навещал своих питомцев в рубахе, имея две одежки про запас. Если спине было зябко, мастер укрывал дыню и сам надевал одну из одежек. Если и после этого спине было зябко, мастер надевал вторую одежку и укрывал дыню еще теплей.

Дыней интересовались не только короли и цари, в Средней Азии дыней кормился простой люд. Таджик разрезал ее так же бережно, как русский крестьянин—каравай хлеба. Туркмен нес ее в поле, где она заменяла семье обед. Узбек брал с собой в дальнюю дорогу: у кого есть дыня, тот не знает ни жажды, ни голода в пути.

А ребята ждали, что отец, вернувшись, привезет им гостинцы: то ли кади-как — вяленую дыню, то ли пряники с миндалем и фисташками на бекмазе, красновато-коричневом дынном меду.

Дыню почитали и за то, что она может долго храниться. Лишь зимой становятся мягкими непревзойденные по вкусу дыни Зарди. Дыня не может, как арбуз, обходиться без полива, и чего только ни придумывали узбеки, чтоб вырастить дыню на своей безводной, горячей земле! Есть растение пустыни — верблюжья колючка с могучими корнями. В старину в расщеп пенька верблюжьей колючки вкладывалось семя дыни, чтобы чужие корни поили его водою хотя бы первые дни.

В наше время по всей Средней Азии серебрятся ленты оросительных каналов, вода из которых подается на колхозные бахчи. И растят на этих бахчах самые ценные, отобранные и улучшенные советскими учеными, на весь мир прославленные сорта.

Если народы Средней Азии с давних времен почитали дыню, то народы Южной Америки с таким же уважением относились к тыкве. Как и дыня, толстокорая тыква способна храниться долго. Особенно любили индейцы мускатную тыкву: в ней сахара больше, чем в других тыквах.

Пять тысяч лет прошло с тех пор, как человек познакомился с тыквой. Может, пора отпустить старушку на пенсию? Но на это не согласится ни одна страна.

Что бы делали без тыквы наши витаминные заводы? Ведь каротин получают главным образом из тыквы. Это, правда, еще не витамин А, который помогает ребятам расти, оберегает их от заразных болезней и улучшает зрение,— это его полуфабрикат. Превращение каротина в витамин А произойдет в тебе самом, в твоем теле, после того, как ты проглотишь изготовленное на заводе витаминное драже, съешь сырую морковь или тыквенную кашу.

Выдолбленные внутри плоды тыквы становятся домашней утварью. В африканской деревне женщины идут к колодцу, держа оранжевые ведра-тыквы на голове. На Кавказе в тыквах-бутылях держат вино, в Молдавии в тыквах-бочонках солят огурцы. Говорят, что такие огурцы вкуснее засоленных в деревянной бочке.

Бывает, родятся тыквины, чей вес приближается к ста килограммам. Крупней плодов на всем земном шаре нет.

Родина тыквы — Южная Америка, родина дыни — Азия, родина арбуза — Африка. Но и арбуз, и дыня, и тыква, и огурец, и кабачок между собой родственники, они из одного семейства тыквенных. Что между ними общего? У них одинаково устроен цветок.

У тыквенных есть еще другой отличительный признак: это семейство лиан, семейство усачей.

Огурец — верхолаз, дыня и арбуз — ползуны. Они ползут по-змеиному, запуская усики в каждую трещину, хватаясь за каждый бугорок. Ветер разметал бы их длинные стелющиеся плети-стебли, если бы усы не удерживали их, как якоря.

Ползуном считали и главу семейства — тыкву, пока ученых в этом не разубедило озеро Океноте.

Находится Окечоте в Америке, на полуострове Флорида. Окруженное непроходимыми болотами, озеро было недоступным. Лишь пятьдесят лет назад болота осушили, и на берег озера впервые ступила человеческая нога. Первым путешественником был американский ученый ботаник Смолл.

Вот тут-то он и увидел редчайшее, как говорится, «допотопное», растение, которому место в музее. По стволу дерева поднималась лиана, но не плющ, не хмель. Это была дикая тыква, тыква-верхолазка! Никогда бы ей не забраться на дерево, если бы ее усики не цеплялись за кору.

Но, как говорится, «в семье не без урода». Среди усачей тыквенных есть тыква, которой усы не нужны, они у нее лишь для красы. Ветра такая тыква не боится, потому что плеть у нее короткая, эта тыква не лазает и не ползает, а растет кустом.

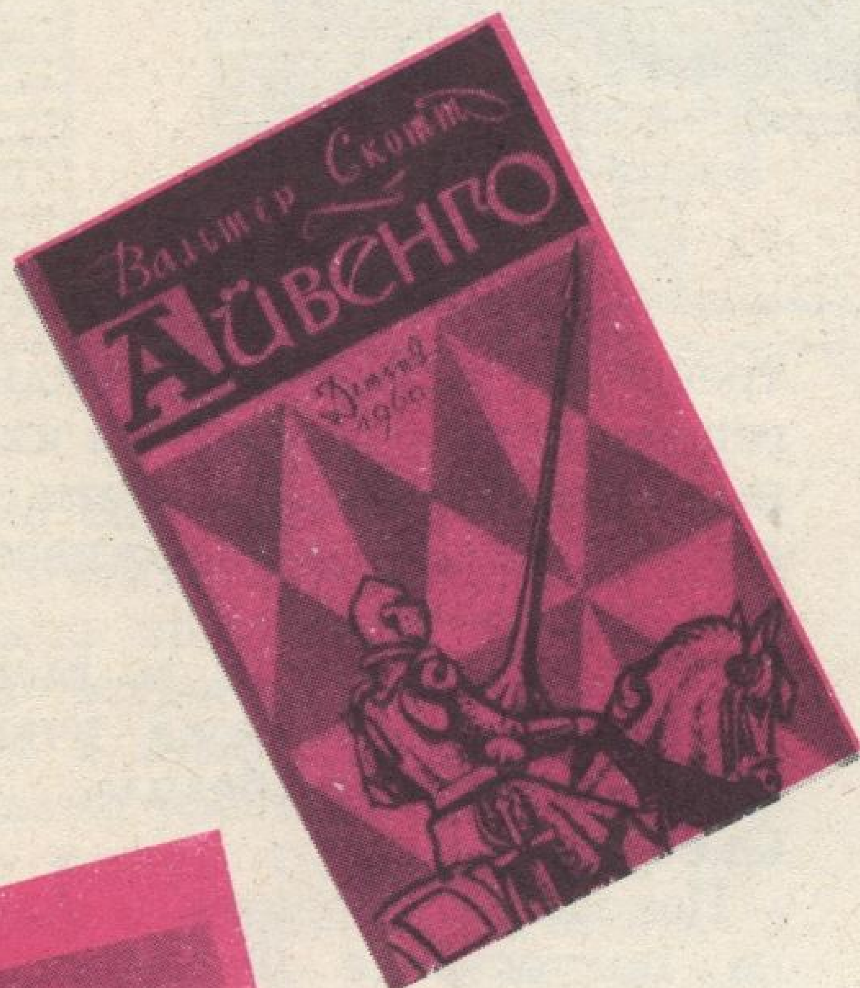
И форма у нее особенная — продолговатая и название какое-то странное: кабачок. Почему «кабачок»? Мы переделали на свой лад иностранное слово. По-турецки тыква — «кабак», и по-татарски тыква — «кабак», отсюда и наше название «кабачок» — «тыквачок».

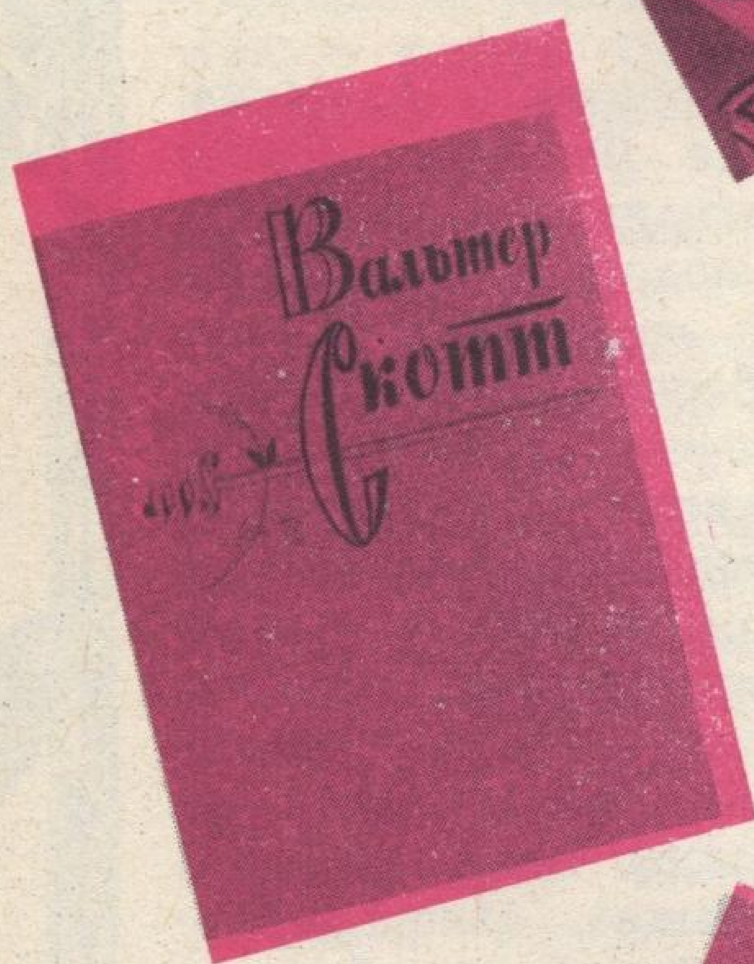
Покупая арбуз, ты стараешься выбрать самый-самый спелый, и, наоборот, кабачок хорош недоспелый, недозревший. Кабачок очень полезен для здоровья, как, впрочем, и все тыквенные. Это семейство усачей можно назвать семейством врачей. Бабушкам и дедушкам, у которых поднялось кровяное давление, следует обратиться к докторше тыкве. А тем, у кого заболела печень, помогут доктор арбуз и доктор кабачок.

ВСТРЕЧА С «АЙВЕНГО»

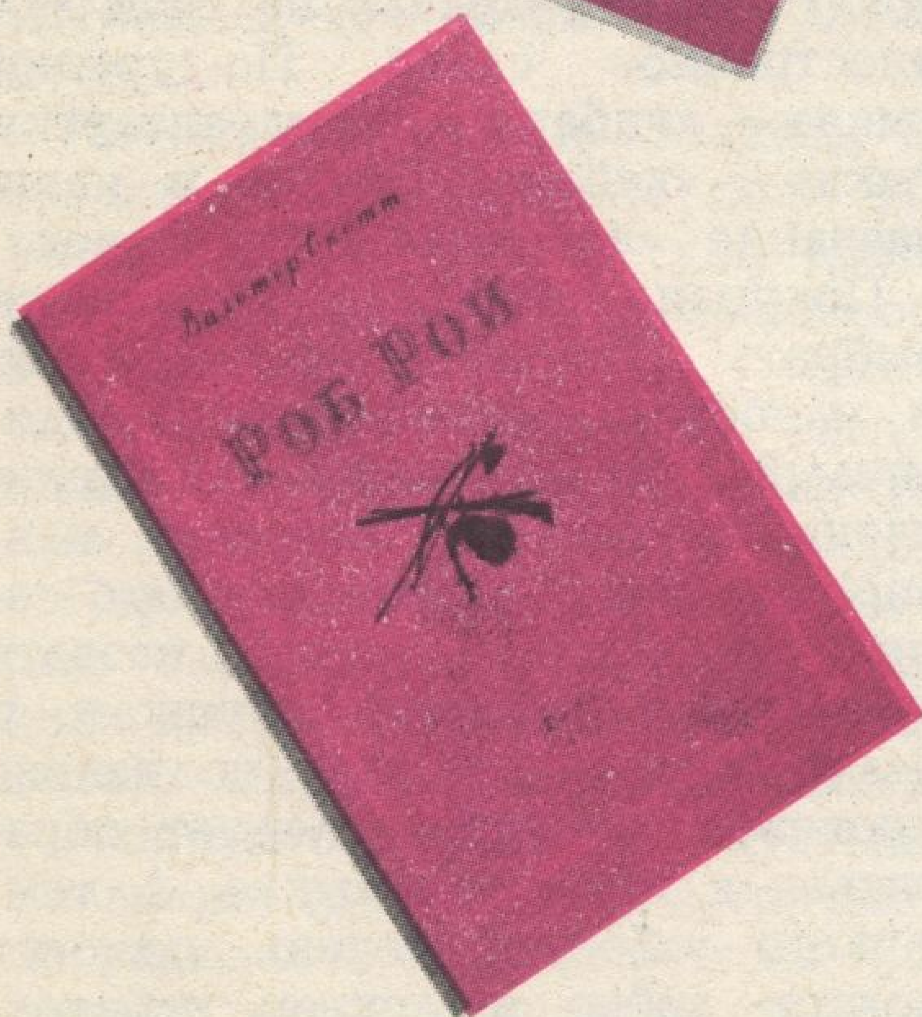
К 200-летию со дня рождения Вальтера Скотта

На рубеже XVIII и XIX веков жил замечательный писатель Вальтер Скотт, что значит Вальтер Шотландец. Так по имени родной страны или города называли себя в старину бродячие поэты-менестрели. Вальтер Скотт был последний великий менестрель. Он собирал, обрабатывал и переводил песни, легенды и предания, которыми так богата его родная Шотландия, и сам сочинял песни, баллады и поэмы.

Сквозь туман и дымку мы видим Шотландию в балладах Вальтера Скотта, ее вересковые поля, камни, холмы, чистые реки. Это все присутствует в самом ритме его стихов, в прозрачном и прихотливом звучании, в их неспешном движении.

Вальтер Скотт был уже известным поэтом, когда начал писать исторические романы, и остался поэтом на всю жизнь. Его проза насыщена, пронизана поэзией. Сюжет многих его романов заимствован из старинных народных баллад, герои его романов охотно поют или слушают песни.

Каждой главе романа писатель предпосылает стихотворный эпиграф. Это отрывок из Шекспира, из рыцарских поэм, забытых старинных пьес и баллад. Если под рукой у автора не было отрывка, подходящего по смыслу к содержанию главы, он сам сочинял эпиграф и подписывал «Старинная пьеса».

Вальтер Скотт принадлежит к тем писателям, которые просто требуют, чтобы их иллюстрировали. И дело не только в красивых исторических костюмах и драматических ситуациях. Четкое деление на законченные сцены невольно вызывает желание их изобразить. Читая роман, вы сразу представляете себе, кто как стоит, входит, поворачивается, причем у каждого героя свои манеры, жесты, походка. Автор

не обязательно описывает каждое движение героя, просто вы все это видите, потому что он сам это видел. Да, в любую историческую эпоху Вальтер Скотт отправлялся с такой же легкостью, как пошел бы в гости к соседу.

Верность характеров, поступков и побуждений и еще незримый, неуловимый, но ясно ощущаемый аромат эпохи придают особую убедительность и достоверность произведению. Идет время, меняются границы государств, меняются образ жизни людей, их одежда и вкусы. В одни времена больше ценят безудержную храбрость, в другие — изящный ум. Ощущение, что дышишь воздухом именно той эпохи, в которую перенес тебя «шотландский чародей» (так называл его Пушкин), убеждает больше, чем подробное описание костюмов, жилищ, мебели и посуды.

И от художника Вальтер Скотт требует самого серьезного внимания к истории и бытовым деталям, к костюму, к архитектуре. Характер, облик, даже поза персонажа — все дано, только нужно приглядеться внимательно. Но уж заодно, будьте добры, разглядите и плащ героя, и пряжку, которой плащ заколот на левом плече, и шпоры. И, пожалуйста, не нарисуйте у рыцаря-крестоносца изящный круглый щит сарацинского наездника: щиты были большие, массивные, треугольные или прямоугольные, с гербом и девизом.

Мне довелось иллюстрировать роман «Айвенго». И вот что интересно: хотя костюм XII века я могла бы не только нарисовать, но и сшить и даже украсить подобающей вышивкой, рыцари и дамы, которых я видела как живых, почему-то не желали ложиться на бумагу, а нарисованные не ложились в книгу.

Так продолжалось до тех пор, пока я не выбрала симметричную композицию рисунка. Это значит, что рисунок я как бы делила пополам невидимой вертикальной чертой: слева рыцарь, справа дама, слева щит, справа собака, или — в середине король, справа и слева телохранители. После этого все стало получаться.

Может быть, симметрия была близка духу средневековья: она проявлялась в архитектуре храмов и замков, в убранстве пиршественных залов, в самой идее рыцарского поединка — битвы один на один равным оружием? Может быть, это было просто подражание старинным миниатюрам?

Но, может быть, идея симметрии, равенства и противоположности скрыта в самой конструкции романа, где каждый из главных героев имеет вполне определенного противника. В романе даже два короля: вероломный, трусливый Джон и великодушный Ричард Львиное Сердце, воплощение рыцарского идеала, похожий скорее на сказочного богатыря, чем на главу государства. Есть и две красавицы — правда, они обе хорошие — кроткая златокудрая Ровена и гордая черноокая Ревекка. В романе противопоставлены и два народа, живущие в одной стране,— завоеватели норманны и побежденные саксы. Норманны несут в себе неукротимую отвагу, предприимчивость, жажду славы и приключений, но они корыстны, коварны и жестоки. Саксы честны, верны, стойки и неприхотливы, но они порой несколько простоваты, грубы и ленивы. Роман, похожий с первого взгляда на волшебную сказку о похищенной принцессе и молчаливом влюбленном рыцаре, рассказывает о сложных отношениях этих народов, об их вражде и взаимном влиянии. В последнем и самом драматическом поединке представитель побежденных саксов Айвенго поражает норманна Буагильбера. Это правда победила ложь, верность победила предательство. Но еще раньше подлинный вождь народа, лесной король Робин Гуд протянул руку лучшему из норманнских рыцарей — королю Ричарду Львиное Сердце, и это рукопожатие символизирует союз двух народов.

Встреча с «Айвенго» была одним из самых приятных событий в моей жизни.

Н. ДОБРОХОТОВА

Н. МОСКВИН

Змей

Речь пойдет о самой простой и, можно сказать, самой лучшей форме — о змее в виде прямоугольника с соотношением сторон 7:5. Хочешь такой?

Змей может быть и в рост человека (и больше!) и с ладонь. Какой же выбрать? Все зависит от толщины ниток, которыми располагаешь.

Катушечные нитки самого «толстого» номера (№ 10) могут удержать в воздухе змей величиной, скажем, 35 на 25 см.

Теперь надо подумать о бумаге, о дранках, о хвосте, о клее.

Тут-то все просто, если кое-что заранее знать.

Бумага может быть всякая — вплоть до газетной,— но, конечно, красивее, когда она цветная. Однако она должна быть достаточно тонкой. Плотная цветная бумага, которой иногда покрывают письменные столы, не годится. Отрезать бумагу в ширину надо с **запасом** (запас 2 см), то есть в ширину не 25, а 27 см, а в высоту, как мы говорили, 35 см.

Дранок или лучинок надо три. Толщина дранок для такого змея может быть 1,5—2,5 мм, ширина — примерно 1 см, длина двух дранок—46—48 см и одной—28 см. Готовая дранка должна легко сгибаться.

Для **хвоста** надо 3—4 м мочалы или тряпичной ленты шириной в 1—3 см. Тут пригодятся любые длинные лоскутья, которые можно связывать друг с другом.

Клей, не гуще сметаны, приготовьте из картофельной или обыкновенной муки.

Теперь приступаем к постройке змея. Она займет совсем немного времени.

1) Постелив на стол газету, вы кладете на нее подготовленную для змея выкройку из бумаги (рисунок 1) и загибаете левый (А) и правый (Б) края на 1 см каждый. Далее слегка смазываете клеем эти загибы и плотно прижимаете их к бумаге: «бока» змея не будут рваться.

2) Взяв маленькую дранку (В) — «наголовник»—и смазав ее клеем, плотно прижимаете ее к бумаге. В этой дранке 28 см, поэтому при ширине бумаги (после сделанных загибов) в 25 см по 1,5 см выйдет справа и слева за края бумаги.

3) Так же поступите с длинной диагоналевой дранкой (Г): смажете и прижмете к бумаге, выпустив за края по 1,5 см. То же самое — со второй диагоналевой дранкой (Д).

4) Эту, вторую, дранку труднее будет приклеить к бумаге, так как **под ней** лежит первая диагоналевая (Г). Приклеив вторую дранку (Д), быстро переверните змея на **лицевую** сторону и двумя пальцами проведите по ней, прижимая бумагу к дранке. То же самое надо сделать и с другими дранками.

5) Змей наполовину готов! Теперь его надо оснастить хвостом и путами. Но подождем немного, чтобы клей высох. Оставим змей на столе или осторожно перенесем на пол лицевой стороной кверху, а на перекрестии диагоналевых дранок положим что-нибудь тяжелое, чтобы они лучше приклеивались.

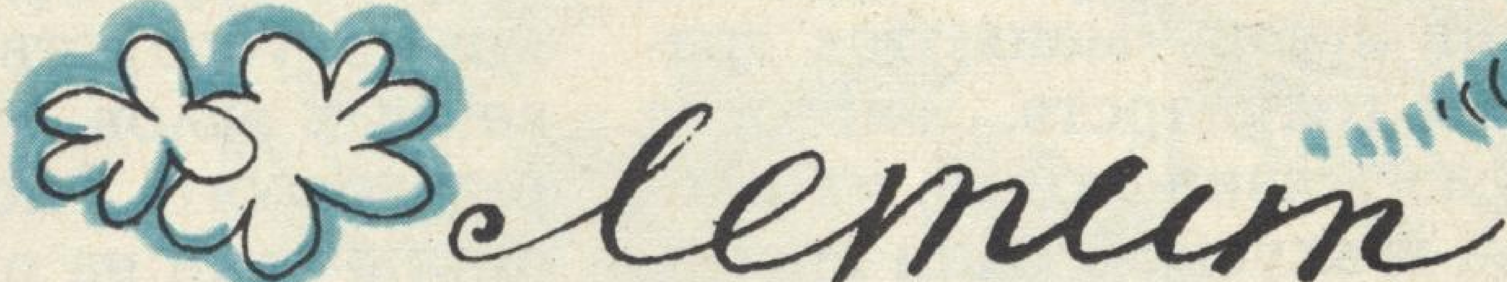
6) Как только на лицевой стороне посветлеют те места бумаги, где снизу приклеены дранки, — змей высох. Хорошо вынести его теперь на солнце или осторожно подержать над огнем, чтобы он просох окончательно.

7) Пора делать хвост. На нижних выступающих концах дранок сделайте небольшие зарубки и прикрепите к ним нитки длиной 10—12 см (Е — Ж). Затем прикрепите к ним 1—1,5 метра мочалы или тряпичной ленты (Ж — З) — нижние путы. Строго установив **середину** нижних пут (длина левого Е — З должна быть **равна** правому Е — З), привяжите к этой середине (З) 1,5—2 м мочалы или тряпичной ленты. Хвост готов.

8) Теперь самое главное для полета змея — верхние путы. При неправильных верхних путах хороший змей будет волочиться по земле или, кувыркаясь, подниматься не выше забора.

Верхние путы делаются на **лицевой стороне** (рисунок № 2), то есть не там, где приклеены дранки. Проколов две дырочки в бумаге, привязываете на скрещении дранок (А) центральную нитку такой длины, чтобы она сантиметров на 8—10 выходила за край наголовника (Б—В). Затем за выступающие концы дранок (Г, Д) привязывается большая нитка.

Теперь середина этой большой нитки, одним концом прикрепленной к Г, другим — к Д, **соединяется** с центральной ниткой, прикрепленной к А. Получается как бы трехгранная ниточная пирамида. Как же эту пирамиду закрепить?

летит

Секрет свободного, легкого полета змея заключается в том, чтобы, закрепляя, связывая в узел эти нитки, сделать так, чтобы центральная нитка уходила теперь за наголовник **точно на такое же расстояние, как середина** большой нитки, отходящая вниз от центра змея, то есть чтоб расстояние Б—Ж и расстояние А—З были бы **совершенно одинаковы.** После сделанного узла это расстояние будет 4—5—6 см, **обязательно одинаковое** для Б—Ж и А—З.

9) К образовавшемуся узлу привязывается нитка от целой катушки. На ней змей и будет теперь летать.

10) Чтобы в полете у змея была обтекаемая и более устойчивая форма, надо, привязав с **изнанки** к Г нитку, чуть согнуть наголовник и только потом закрепить нитку у Д. С лицевой стороны змей будет чуть выпуклым.

Вот и все! Змей совсем готов. Теперь надо выйти на просторное место, где **поблизости нет телеграфных проводов и деревьев,** и запустить змей.

Просто ли это? Очень просто. Иногда, правда, облада-

в небо

тель змея, выпустив метров пять ниток, начинает бегать туда-сюда. **Не надо этого делать.** Если змей правильно устроен, он летит без всякой беготни, в полном смысле прямо из рук, как голубь.

Итак, надо встать спиной к ветру, положить змей на землю перед собой, выпустить 1—1,5 метра нитки и, держась за нитку, чуть подкинуть змей. Он тотчас встанет против ветра, натянет нитку, и теперь только успевай отпускать ее. Змей полетел. В первый день не надо отпускать его на «всю катушку», а только на $^1/_4$ или на $^1/_2$ катушки.

Может подвести ветер. Если он будет очень слабый, то змей не взлетит. Если же очень сильный, он может оборвать нитку...

При слабом ветре хвост надо укоротить. При более сильном змей начнет вилять из стороны в сторону или даже делать круги. Тогда его надо опустить на землю и утяжелить хвост: привязать новый кусок мочалки или маленький пучок травы.

Когда змей взлетит на высоту примерно двух телеграфных столбов, он попадет на ровное течение ветра и начнет охотно «брать нитку». Отпускать нитку (всегда!) надо небольшими частями, время от времени чуть подергивая ее, тогда змей будет подниматься все выше и выше.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

КЛЕЙ
В
28 см.
46–48 см.
35 см.
Б
Г
Д
А
Е
Ж
10–12 см
Рис. 1
В
Ж
Б
Д
Г
А
З
Рис. 2
100–150 см.
З
И
200 см.

Инна ЗАГРАЕВСКАЯ

ПТИЧИЙ РЫНОК

Тот — с клеткой,
Этот — с баночкой...
Я — за сачком для бабочек...

На птичьем рынке
И не жди
Одних увидеть птиц.
Там голубиные ряды.
Вон рыбки плавают,
гляди!
А ряд кормов...
И не ходи —
За день не обойти!

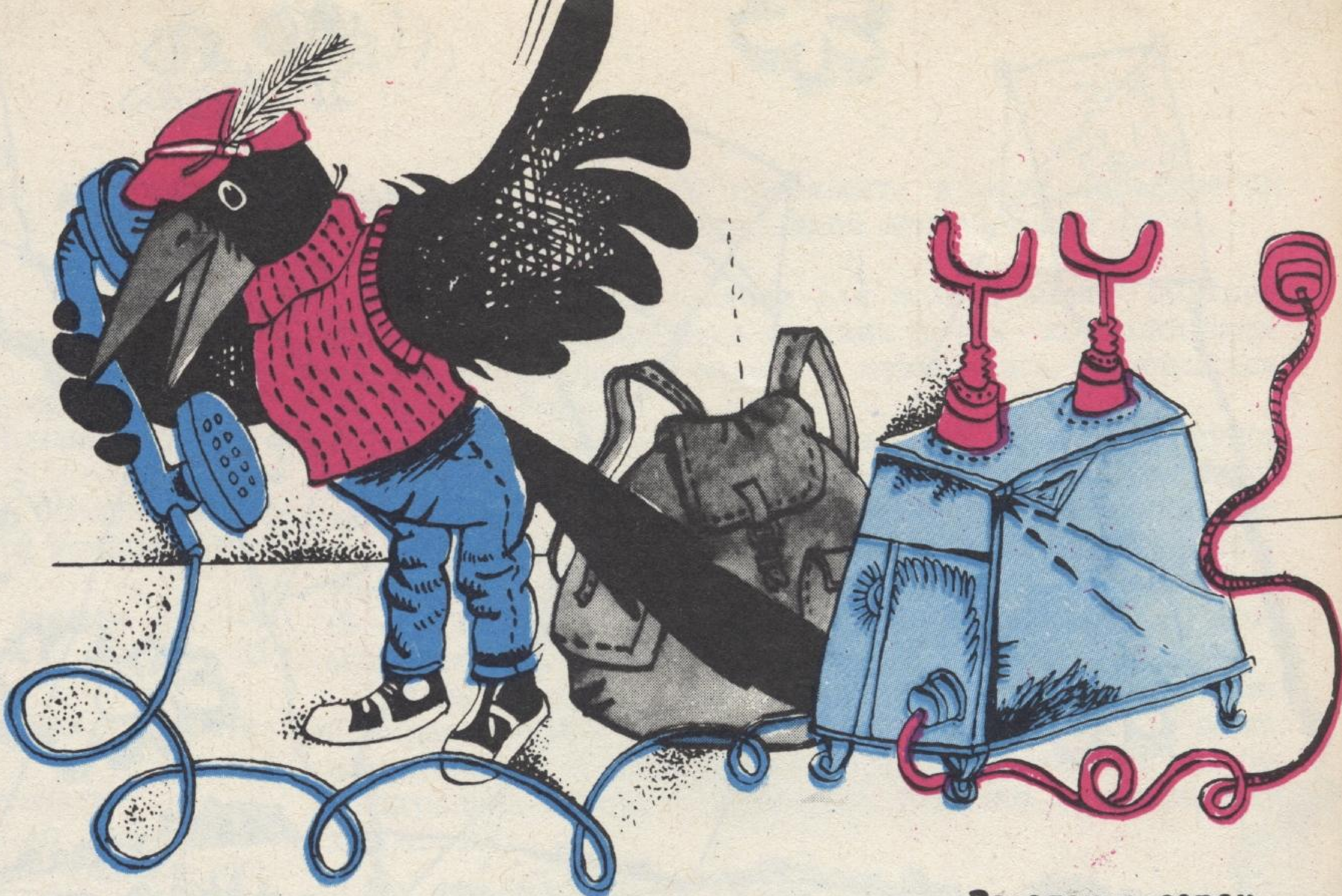
Там голубь-немец
Пялится,
Синица суетится,
Лесной щегол
Печалится,
Считает белка спицы.

Водой полны рукавчики
Для кенарей-красавчиков:
Не распоются кенари,
Водицы не испивши...

Тот — с клеткой,
Этот — с баночкой,
А я с сачком для бабочек...
Расходимся —
не налегке —
Навидевшись,
купивши...

СВЕТОФОР

Светофоры,
Светофоры,
Красный,
желтый
и зеленый —
Три веселые огня
На всех улицах горят.
Красный,
желтый
и зеленый —
Листья ясеней и кленов,
Словно в помощь светофорам,
Тоже виснут по заборам...
Это что там впереди?
Путь закрыт?
Или это на пути
Лист горит?
Красный свет
Или осина?
Желтый свет
Или ветла?
Все сигналы световые
Осень
спу-
та-
ла!

Заседание сорок
записал Вадим ЛЕВИН.

— АЛЛО! СОРОКА СЛУШАЕТ!

— Какая сорока? — возмутился голос в трубке, и вы, конечно, понимаете, почему.

— Сорока Путешественница.

— Но мне нужен журнал «Пионер».

— В редакции сейчас перерыв. Подождите полчаса.

— Не могу. Я звоню по междугородному телефону из Симферополя. У меня всего пять минут.

— Кто вы такой?

— Владимир Орлов.

— Я слышала о вас. Вы поэт. У вас что-нибудь случилось?

**— Сегодня со мною такое случилось,
Такое случилось, что вам и не снилось!**

— Так-так-так-так! Очень интересно, что же случилось?

**— Я слышу звонок, выхожу на крыльцо,
А мне почтальон подает письмецо.
На белой бумаге такие каракули,
Как будто над нею чернилами плакали:
«Квартира четырнадцать, дом двадцать пять...»
А дальше нельзя ничего разобрать.**
— Откуда письмо?
**«Откуда письмо?» — я спросил почтальона.
А он посмотрел на меня удивленно,
Потом помахал на прощание шляпой
И крикнул: «Писала вам курица лапой».**
— Ерунда какая-то! «Курица—лапой!»
**И я закричал: «Это все ерунда!
Куда вы спешите? Куда? Куд-куда?
Письмо невозможно прочесть человеку.
Спасите меня! Караул! Ку-ка-реку!»**
— Ну-ну! Дальше!
**Когда я остался стоять среди улицы
С письмом от какой-то загадочной курицы,
То сразу подумал...**

— Ваше время истекло. Разъединяю,— сказала телефонистка.

— Алло! Алло! Симферополь! Что же вы подумали?

— Так вот, уважаемые члены клуба «Сорок сорок», как видите, нас разъединили на самом интересном месте. Что делать?

— Немедленно лететь в Крым!

— Не в Крым, а в Симферополь,— поправила Непонимайка.

— Ха-ха-ха, хо-хо-хо, хи-хи-хи,— рассмеялись сороки, и вы, конечно, понимаете, почему.

— Я мигом: одно крыло здесь, другое — там! — крикнула Путешественница, повернулась клювом на юг, хвостом на север и полетела. А когда она вернулась, члены клуба услышали:

Предисловие

Я в Крым летела
напрямик,
И что случалось днем,
Я заносила в свой
дневник
Прилежно перед сном.
Зато ночами я спала,
И ночника я не вела.

— Кончай предисловие! Переходи к делу!

— Давай по существу!

— Что видела? Что слышала? — закричали сороки, и вы, конечно, знаете, почему.

Сообщение первое
Пролетаю над зоопарком

Здесь у мамы-зебры
Маленький зебренок.
И на маму-зебру
Так похож ребенок.
Только мама белая
В черную полоску,
А ребенок черный
В белую полоску.

Сообщение второе
Пролетаю над рекой

Над рекой
Со всех сторон
Звонкий слышится
трезвон:
Комары платками машут
И камаринскую пляшут.

Сообщение третье
Вижу Чёрное море

Плывут теплоходы,
Проносятся яхты
По Черному морю,
У бухты Барахты.
Мелькают у берега
Черные спины:
Барахтаясь, плавают
В бухте дельфины.
И, словно дельфины,
С утра до заката,
Барахтаясь, плавают
В бухте ребята.
Как видно, названье
Для бухты Барахты
Придумали вовсе
Не с бухты-барахты.

— Совсем неплохо,— похвалила бабушка . Белобока.— Уважаемые члены Клуба, предлагаю отныне именовать сороку Путешественницу сорокой Поэтессой, и вы, конечно, понимаете, почему.

— Что вы! Что вы! Это стихи Владимира Орлова.

— Так ты его видела?

— К сожалению, нет. Когда я влетела в форточку, я обнаружила, что его нет дома. Зато на столе я увидела стихи.

— И то, которое он не досказал по телефону?

— Конечно, конечно! Вот оно.

Когда я остался стоять
Среди улицы
С письмом от какой-то
Загадочной курицы,
То сразу подумал,
Что в поисках птицы
К читателям следует
Мне обратиться.
Откройте портфели,
Ребятки,
И гляньте скорее
В тетрадки.

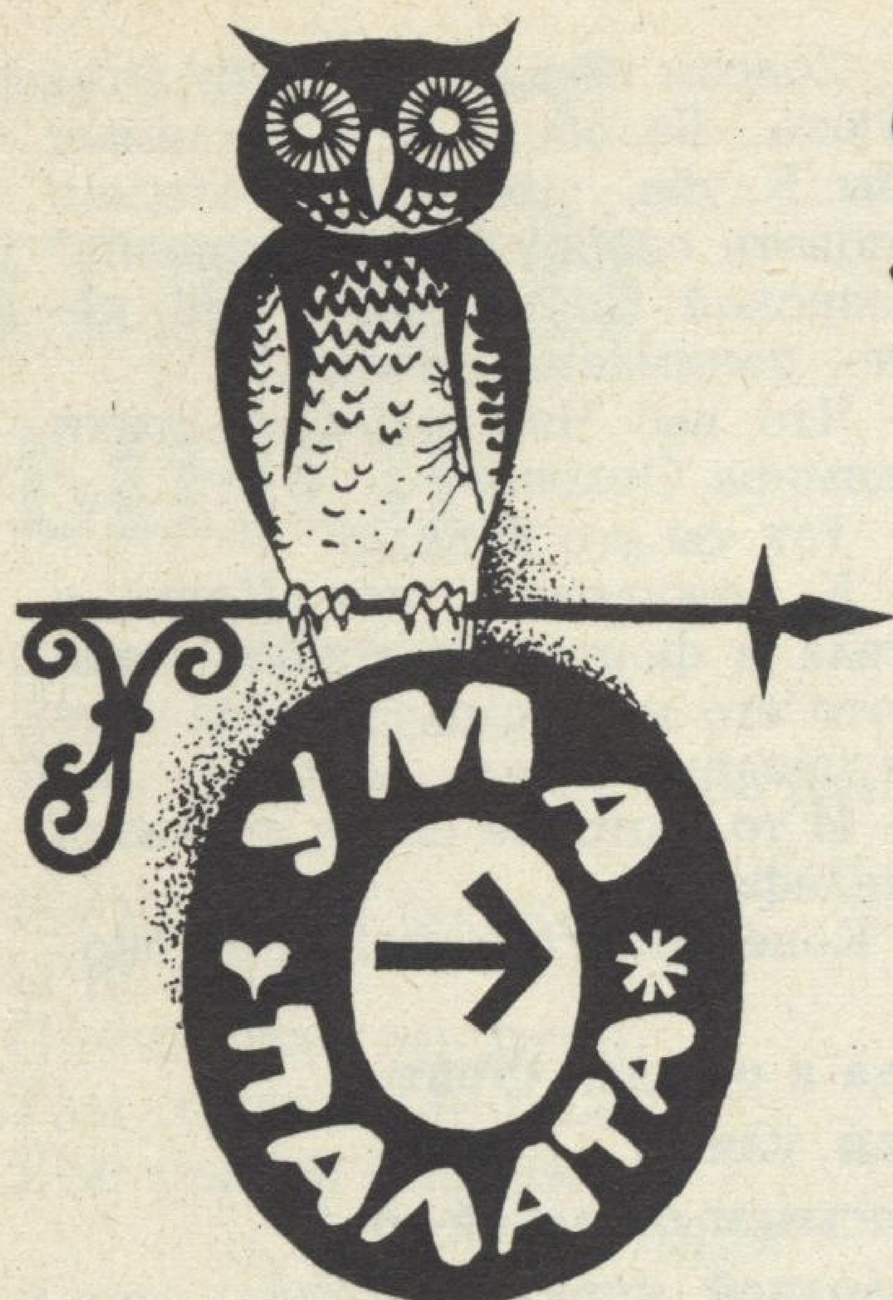
— Вы знаете, я очень сомневаюсь, что автор этого письма объявится, и вы, конечно, понимаете, почему,— сказала Соберика-Разберика.— А домашнее задание будет?

— Есть домашнее задание. На столе у поэта я нашла рисунок и черновик стихотворения:

Плачет маленький питон —
. . . . он
. . . . переползал
. . . . связал
. . . . поможет
. . . . не может.

РЕБЯТА, ПОПРОБУЙТЕ ВМЕСТО ТОЧЕК ПОСТАВИТЬ СЛОВА, ЧТОБЫ ПОЛУЧИЛИСЬ СТИХИ К ЭТОМУ РИСУНКУ.

КАК СЫГРАЛИ «ТИГР» с «ПАНТЕРОЙ»?

Три футбольные команды — «Тигр», «Пантера» и «Мустанг» — вошли в финал розыгрыша кубка «Золотой орел». В заключительных состязаниях все три команды по одному разу встретились друг с другом.

Перед вами таблица результатов этих встреч, но в ней есть ошибки: команды не всегда занимают те места, на которые они вышли в соревнованиях, в таблице не хватает и многих чисел.

Сопоставьте и изучите те цифры, которые есть. Заполните таблицу до конца и установите, каким был счет каждого матча и какое место в финале заняла каждая команда.

Команда	Сыграно матчей	Выиграно матчей	Проиграно матчей	Ничьи	Забито мячей	Пропущено мячей
«Тигр»	2	1			4	
«Пантера»	2				3	0
«Мустанг»	2			1	2	

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Ответы на задачи из № 7

ЗАПИСКИ КАПИТАНА ПЕРО-86

Последние две строчки в записке — подпись: «Голубой карандаш». Подставив вместо цифр буквы, вы сможете прочитать шифрованную записку.

В КАКОМ ПОРЯДКЕ СТОЯТ ПАЛАТКИ

Палатка Востока смотрит на юг, палатка Запада — на восток, палатка Севера — на запад, а палатка Юга — на север.

ЗАДАЧА НЕПРОСТАЯ — ПОЙМАЙТЕ ГОРНОСТАЯ!

«Хвост» горностая состоит из слова «сторона».

СМЕШНЫЕ ЛЯГУШАТА И ПРАВИЛА КВАДРАТА

Первый ход лягушата делают с А1 на С3.

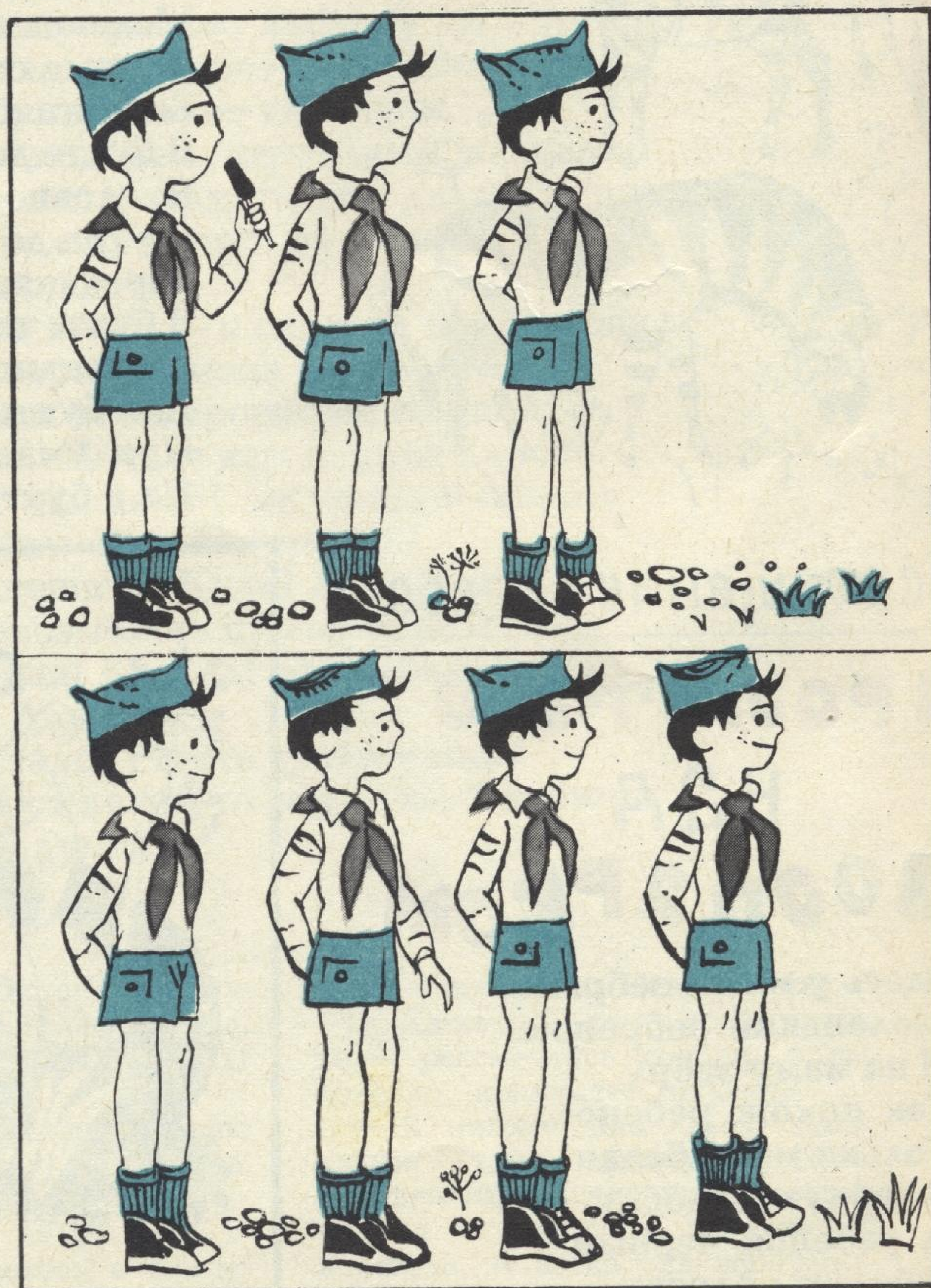
ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА

Ты решил все задачи? Тогда закрой журнал и внимательно посмотри на первую обложку.

Запомнил, сколько на рисунке ребят? Сколько взрослых? Сколько космонавтов? Сколько художников? Сколько планеристов?

Как ты думаешь, сколько палаток нужно, чтобы в них все ребята сумели разместиться? На рисунке только пять палаток. Каждая только на четверых.

КТО ПЕРВЫЙ?

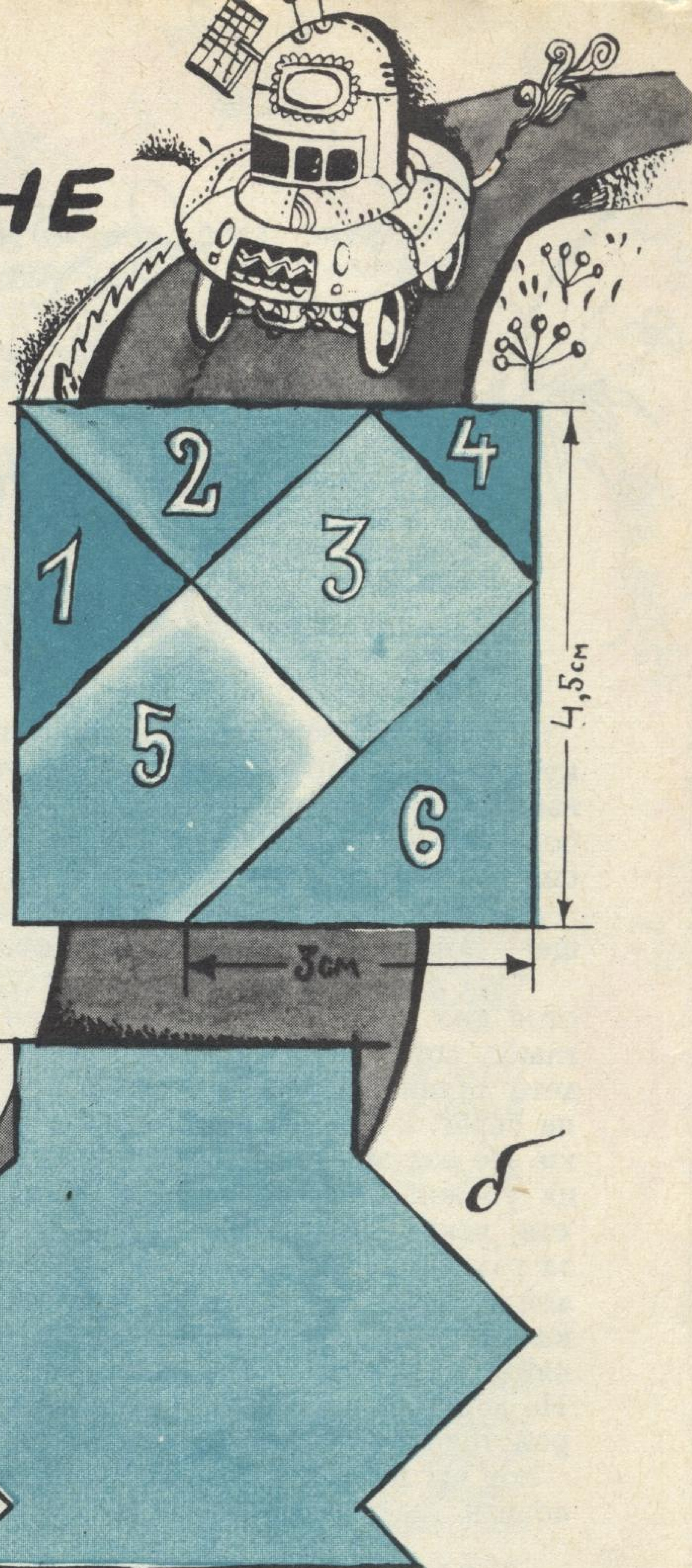

Посмотрите на первый рисунок. Эти три мальчика пришли к нам ранним утром. Четвертый мальчик, стоявший первым, отошел на минутку к своим запоздавшим товарищам. Постарайтесь разыскать его на втором рисунке.

ПОДУМАЙТЕ, чем отличаются друг от друга три мальчика на *верхнем рисунке и какая деталь костюма* должна быть у первого мальчика. Это поможет вам в поиске.

ХИТРОУМНЫЕ МАРСИАНЕ

Из газет и журналов будущего

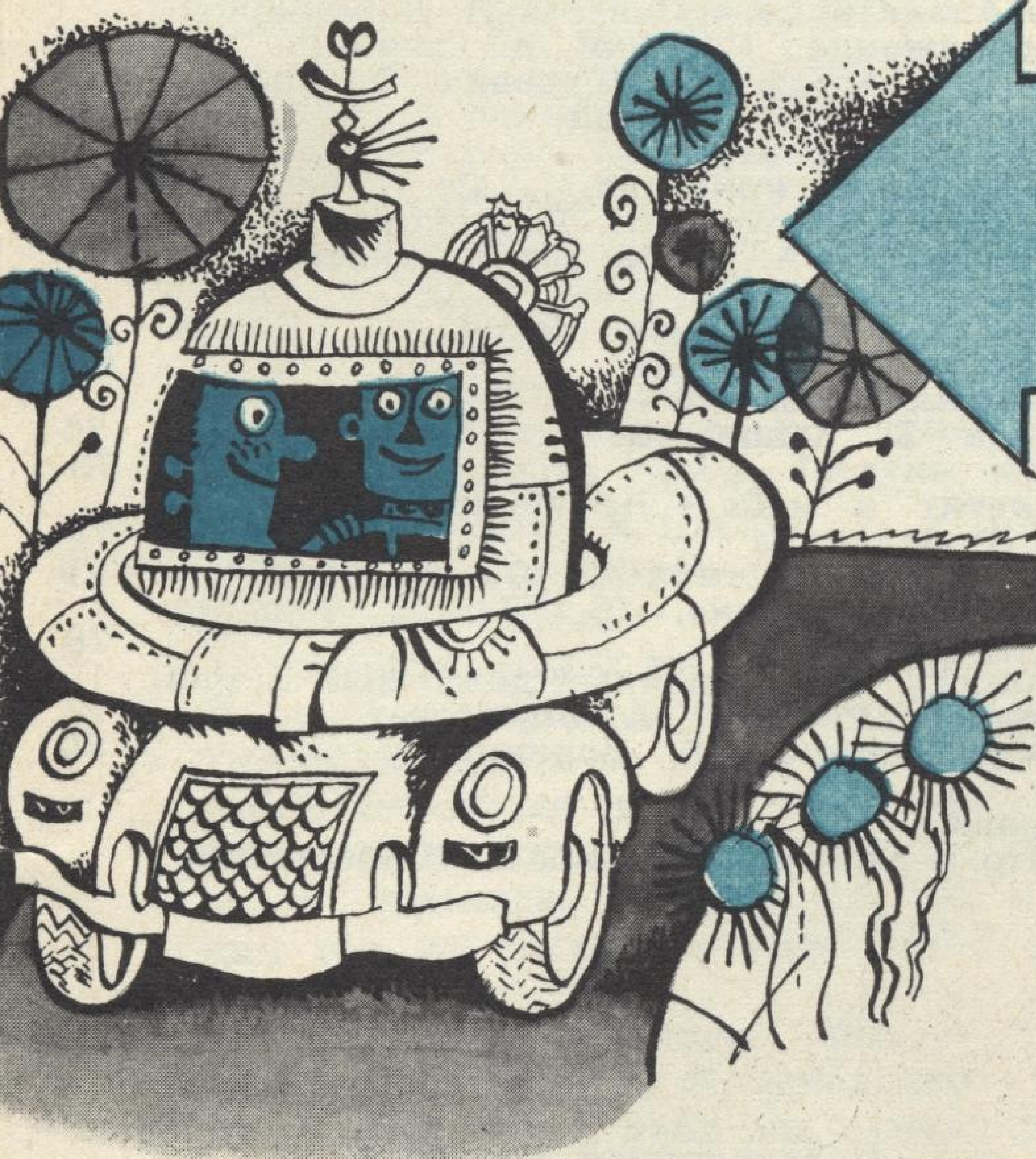

Установлено, что автодорожные знаки на Марсе совсем не такие, как у нас на Земле, экзамены для тех, кто хочет получить водительские права, тоже другие. Будущий шофер-марсианин делает из картона вот такой квадрат и разрезает его на части, как показано на рисунке. При сдаче экзаменов водителю предлагается:

а) сложить из частей 1, 2, 3, 4 знак «обгон разрешен».
б) сложить из всех шести частей знак «обгон запрещен».

Второй знак сложить гораздо труднее, поэтому водители хорошо его запоминают и потом никогда не нарушают этого правила. Вот почему на Марсе так мало аварий.

Из журнала «Водитель», июнь 2885 года.

а

ДАВАЙТЕ ПРОВЕРИМ, КТО ИЗ ВАС СМОГ БЫ ПОЛУЧИТЬ НА МАРСЕ ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА.

АВРАЛ

Объявляется аврал,
Отыщите, кто удрал!

Что общего у этих двух слов: СУКНО и КОНУС? Они состоят из одних и тех же букв.

А теперь взгляните на таблицу. У названий предметов, нарисованных в ней, есть такой же «напарник». НАЙДИТЕ ТАКИЕ ПАРЫ СЛОВ, И ВЫ ЛЕГКО РАЗЫЩЕТЕ БЕГЛЕЦА. Пока его клетка свободна, вы можете его там нарисовать.

Зорьки рыбацкие

В августе продолжается ловля на коронную летнюю насадку—личинку бабочки поденки. Этот белый, как снег, очень нежный червячок — лакомый корм для всех без исключения рыб, больших и маленьких, донных и верховодок. Как бы ни были они сыты, непременно схватят эту чудо-насадку.

Личинка поденки живет и развивается в подводном убежище — норке, куда не пролезет даже самый крошечный вьюн.

Она любит быстротечную воду, слегка заиленное, суглинистое дно реки. Там, где песок, ее никогда не будет. А вот в глыбе, сорвавшейся с крутояра и скатившейся в воду, вы найдете личинок. Срежьте лопаточкой край глыбы, отнесите грунт на берег. В нем вы сразу обнаружите личиночные ходы — норки. Не вздумайте пальцем выковыривать нежных червячков из их убежищ — загубите всех. Разломайте комок на мелкие части, вскрывайте норки от начала до конца. Берите червячков за головку и кладите их в деревянный ящик с влажной марлей на дне. Пусть они там ползают, не сбиваясь в кучу. Искалеченных, начинающих желтеть червячков немедленно удаляйте из ящика: от них могут погибнуть здоровые личинки. Не держите ящик с червячками на солнце. Прикройте его мокрой тряпочкой и положите в тень, в прохладу.

Вот вы и запаслись драгоценной насадкой. Можно начинать ловить. Куда вы побежали? Остановитесь!

Где поденка, там и рыба

Ну кто же убегает от рыбы! Где есть личинки поденки, там и рыба держится. Туда и надо забрасывать леску с лакомой насадкой на крючке. Наверняка клюнет!

Закинута донка. Леска натянута, как струна, звенит под напором сильного течения, которое, однако, не в состоянии стронуть с места лежащее на дне тяжелое свинцовое грузило. На дне лежит и насадка. Только бы заметила ее рыба!

Вот слегка покачнулся тонкий конец воткнутого в берег удильничка. Еще кивок! Взяла! Быстро выбирайте леску и выводите краснопёрого язя.

Чудо-насадка делает свое дело. Но вот беда: очень часто бывает, вытаскиваешь пустой крючок — ни рыбы, ни насадки. Это проделки мелкой рыбешки: стащит с крючка нежного червячка и уйдет восвояси. В таких случаях я временно прекращаю ловлю. Зачем попусту расходовать с трудом добываемую насадку! Уйдет с этого места мелочишка, и снова можно ловить.

Черный разбойник

Однажды с радужными надеждами на утреннюю зорьку мы с приятелем улеглись спать в палатке, оставив на ночь деревянные ящики с драгоценной насадкой на берегу, под крутояром.

Утро выдалось на славу: тихое, теплое, с легким предрассветным туманом. По всему яру слышались всплески крупной рыбы. Самое время начать ловлю. Подходим к ящикам, и — о, ужас! — скопища черных муравьев догладывают последних личинок. Ни одного уцелевшего червячка. Ловить рыбу было не на что.

Бойтесь черного разбойника! Для него личинки поденки — такое же лакомство, как и для всякой рыбы.

В. ВОРОНИН

СОДЕРЖАНИЕ

Коммунист — пионеру
Требуются первостроители.— Н. Е. Матвиенко, Герой Советского Союза. Беседу записал Ю. Крутогоров. Фото Г. Макарова. Рисунки А. Борисова . . . 1
Четвертый Харитон.— Главы из повести М. Фарутина. Окончание. Рисунки Е. Медведева 4
Бессмертие.— С. Сутоцкий . . . 13
Космическая свита Земли.— К. Гильзин, кандидат технических наук. Рисунки Ю. Корнеева . . . 14
Новые земли Александра Кубова.— Повесть Н. Максименко. Окончание. Рисунки Б. Полянского . . . 20
Девочка из аула Цовкра.— Стихи Н. Юсупова. Перевел с лакского Я. Козловский . . . 33
Кораблик . . . 34
Радиостанция «Здравствуй!». Рисунки А. Вовиковой . . . 36
50 пионерских лет
С детства и навсегда.— А. М. Тареева. Рисунки А. Вовиковой . . . 39
Тайный маленький дом.— Стихи Т. Макаровой. Рисунок П. Багина . . . 42
Кики.— М. Эрнандес. Перевела с испанского Т. Иванова. Рисунки Ю. Карповой . . . 44
Летом. Солнечный урожай.— Стихи Р. Рашидова. Перевел с даргинского Ю. Хазанов. Рисунок Ю. Корнеева . . . 47
Юность Александра.— Повесть Л. Воронковой. Продолжение. Рисунки И. Галанина . . . 48
Научный телеграф.— М. Гуревич, О. Либкин. Рисунки А. Вовиковой . . . 57
Рассказы о литературе
Магический кристалл. — Ст. Рассадин, Б. Сарнов. Рисунки Н. Доброхотовой . . . 58
Пошли в кино.— А. Митта, кинорежиссер . . 63
Театр «Фонарик»
Площадь Картонных Часов.— Л. Яхнин. Рисунки И. Урманче . . . 64
Удивительная семейка.— Н. Надеждина. Рисунки Б. Кыштымова . . . 70
Что нам читать? . . . 72
Змей летит в небо.— Н. Москвин. Рисунки Е. Шабельника . . . 74
Птичий рынок.— Стихи И. Заграевской . . 76
Клуб «Сорок сорок».— В. Левин. Рисунки А. Борисова . . . 76
Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Борисова . . . 78
Зорьки рыбацкие.— В. Воронин . . . 80

На обложке:
Лето в разгаре. Рисунок Е. Шабельника.

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Борисова.**

Сдано в набор 31/V 1971 г. А 00936.
Подписано к печати 7/VII 1971 г.
Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000 экз.
Изд. № 1553. Заказ № 1406.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

«В пять утра ждем у подъезда. Калинка зовет в лес по грибы. Скажи бабушке да не забудь надеть резиновые сапоги и взять корзину и нож. Мы уже легли спать. Грибники ложатся спать рано и встают рано. Лёка».

Алеша в третий раз перечитал записку, спрятал ее под подушку и повернулся на другой бок. И как это девчонки умудрились в такую рань, в восемь часов, заснуть!

Все сделал по Лёкиному велению, а заснуть не может. И вдруг Алеша вспомнил Калинкино магическое слово. Что надо сделать? Сосредоточиться. И еще раз сосредоточиться и думать только о том, что хочешь себе приказать, а не о каких-то там велосипедах, винтиках и несбыточных пятерках по английскому. Потом твердо и непреклонно семь раз сказать самому себе то-то и то-то.

Алеша собрал всю свою волю и твердо про себя сказал: «Я должен заснуть через три минуты. Я должен проснуться ровно тридцать семь минут пятого. Я должен проснуться... Я должен...»

Проснулся он точно тридцать семь минут пятого!

Тихонько, чтобы не разбудить бабушку, выскользнул из дома. Тихонько, чтобы не разбудить соседей, спустился по лестнице и, когда уже тихонько закрывал дверь подъезда, увидел, что за ним так же бесшумно идет Чубчик.

— Ну вот,— зашипела Лёка.— Зачем тебе Чубчик? Калинка его не возьмет. Из-за тебя мы задержимся, все грибы без нас соберут.

— Возьму... И не задержимся... И не бойтесь: каждый гриб своего грибника ждет, — тихонько сказала Калинка и выкарабкалась из Алешкиной корзинки. — Мама и бабушка разрешили?

— С тобой хоть на край света!

— На край света не пойдем, чуть поближе. В один заветный лесок,— всего в тридцати семи километрах отсюда. Поедем на трамвае,— сказала Калинка,— а потом на поезде.

— А как же Чубчик? И почему это собак в трамвай не пускают?

— Чубчик поедет с нами.

Тут Калинка хлопнула в ладоши, и Алеша едва успел подхватить маленького, словно живая игрушка, Чубчика и осторожно посадил в карман своей куртки. Чубчик выставил свою игрушечную мордочку и тихонько возмущенно залаял.

Калинка забралась опять в корзинку, и они все сели на трамвай. Потом ехали на поезде, потом шли долго по дороге и через поле по золотым стерженькам скошенной ржи, пока наконец не пришли в заветный лесок. Калинка выбралась из корзинки и сказала:

— Ну, грибники, вырежьте себе по палке да рассказывайте, где грибы искать.

— Я знаю,— сказала Лёка.— Там на порубке березовой опята могут быть, в той еловой посадке — рыжики и маслята. Рыжики и маслята любят и лиственницу. В сосняке, если там не очень сухо, обязательно будут и рыжики, и маслята, и сыроежки. Под тополем можно найти подберезовик, под березой — и подберезовик, и груздь, и волнушку, и сыроежку. А белый гриб любит почти все деревья, но особенно дуб, березу, ель и сосну.

— А в орешник не пойдем: ничего там нет. Грибы с орехами не уживаются, — сказал Алеша, вытаскивая Чубчика из кармана.

Калинка наклонилась к Чубчику, что-то прошептала над ним, и ребята с восторгом смотрели, как Чубчик стал расти, расти, расти и превратился в большую, настоящую собаку.

— Белые и подосиновики знаете, где искать? По краю леса и на полянках. Дожди сильные прошли, и грибы вылезли поближе к солнышку,— сказала Марина, оглянулась вокруг и стремительно шагнула в сторону.

— Ура! Первый гриб!

— Какой красивый! Шляпка оранжевая, а нога толстая-претолстая,— завистливо сказала Лёка и вдруг закричала:

— Чур! Мой гриб!

И кинулась под высоченную елку. Там росли пять, нет, шесть, восемь мухоморов.

— Вот это находочка! — приплясывал Алеша вокруг.— Раз — и полная корзинка.

— Мухоморы — отличные грибы,— сказала Калинка,— только не для нас с вами, а для лосей. Это — лосиное лекарство. Сбивать и портить их не следует.

— Лекарство? — с удивлением переспросила Лёка, опуская палку, которой она собиралась уничтожить все мухоморовое семейство. — Лекарство пусть остается. А для людей оно не подходит?

— Ни в коем случае! Есть три очень ядовитых гриба. Никогда их не трогайте. Это мухомор, бледная поганка и сатанинский гриб. И вообще, если попадется незнакомый гриб, лучше спросите у взрослых.

Кроме такого красного мухомора, бывает мухомор пантерный и порфировый. Коричневатая шляпка пантерного мухомора так же присыпана беловатыми бородавками, как и шляпка красного мухомора. А у мухомора пантерного с серовато-коричневой шляпкой такое же вокруг ножки колечко-пленка, как и у всех мухоморов и поганок.

— Это какой гриб? — спросил Алеша, выходя из ельника.

— Чернушка. Прекрасный гриб для солки. Любит черный еловый лес, мох.

— Там их уйма. Только знай собирай.

— А как ты это делаешь? — спросила Калинка.

— Гриб надо срывать так, чтобы не повредить грибницу: или осторожно выкручивать его, или подрезать ножом под самое основание,— сказала Марина. Наклонилась и срезала желтую сыроежку. — Даже когда собираешь одни шляпки, все равно надо подрезать ножку под самое основание. Оставишь ножку на грибнице, она гнить будет, и грибница тоже. Да еще не надо старые грибы сбивать. Созревший гриб, знаете, сколько спор посеет? Тысячи. Чем бережнее относиться к грибам в этом году, тем их больше будет в будущем.

— Молодцы, все знаете. Теперь посмотрим, кто больше соберет.

— Конечно, я! — сказала Лёка и присела около березового пенька, густо опутанного ожерельем молоденьких розовых опят...

Вот он какой, сатанинский гриб, очень яркий и крепкий, низ шляпки у него красный, ножка с красным сетчатым рисунком. Рядом бледная поганка. Это белая, а бывает еще зеленоватая и желтая.

Цена 25 копеек.

Индекс 70694

Сколько грибов выросло на одной поляне! Чубчик прекрасно разбирается в грибах и отлично знает, что все эти грибы съедобные. За его спиной растут самые дорогие любому грибнику белые грибы, за ними (по часовой стрелке) подосиновики, шампиньоны, потом дубовик, подберезовики, маслята, рыжики, черные грузди (чернушки), лисички, белые грузди, свинушки, опята, сыроежки... Что же делать Чубчику? Сторожить корзину или бежать за Алешей?

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.